

0700143

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТИМИРЯЗЕВСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ

В. М. ФЛОРИНСКИЙ

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
И ВЫРОЖДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК
ВОЛОГДА 1926

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТИМИРЯЗЕВСКИЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

изучения и пропаганды естественно-научных основ диалектического
материализма

СЕРИЯ V

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИСТА

ВЫПУСК № 1

Проф. В. М. ФЛОРИНСКИЙ

У С О В Е Р Ш Е Н С Т В О В А Н И Е
И В Ы Р О Ж Д Е Н И Е
Ч Е Л О В Е Ч Е С К О Г О   Р О Д А

Изд. второе, под редакцией и со вступительной статьей
М. В. ВОЛОЦКОГО

„СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК“

Вологда, 1926

Проф. В. М. ФЛОРИНСКИЙ

**УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
И В Ы Р О Ж Д Е Н И Е
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА**

700143

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. Г. В. Бабичкина

„СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК“

ВОЛОГДА

1926

5A2

9078

5A2.9

Типо-литография Акц. О-ва „Северный Печатник“.
Гублит № 1114 (Вологда).

Тираж 3000

В. М. Еропунов

К ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМУ СОСТОЯНИЮ ЕВГЕНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ, В СВЯЗИ С КНИГОЙ В. М. ФЛОРИНСКОГО.

Принцип борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных имеет место не только в процессе эволюции животных и растительных форм, но и в целом ряде процессов, протекающих в той Искусственной среде, которая создана культурным человечеством. В частности, мы можем его проследить и в тех факторах, которые движут книжным рынком. Здесь также „выживают“, т. е. получают общественное признание, лишь те книги, которые окажутся в своей борьбе за существование в достаточной мере стойкими и жизнеспособными, другими словами, которые будут отвечать интересам господствующего класса, или, по крайней мере, такого класса, который уже успел осознать свою общественную роль.

Предлагаемая вниманию читателей книжка Василия Марковича Флоринского (род. 16 февраля 1834 г., ум. 3 января 1899 г.), профессора акушерства и гинекологии в Петербургской Медико-Хирургической Академии, несмотря на всю свою содержательность и оригинальность, совершенно не получила в свое время должной оценки и продолжает оставаться в незаслуженном забвении. В ней автор делает интересную попытку наметить целую систему мероприятий по улучшению человеческой породы. „В настоящем очерке“, пишет он, „мы намерены познакомить читателей с общими условиями усовершенствования и вырождения человеческого типа, насколько позволит это сделать новость предмета, до сих пор неразработанного, можно сказать даже, нетронутого“.

Называя область своего исследования „нетронутой“, автор не совсем прав. Как известно, отдельные мероприятия

по искусственному улучшению человеческой породы предлагались и даже проводились практически еще в античном мире, например, в Спарте. Подобного же рода идеи мы находим в известной утопии Томаса Кампанеллы „Государство солнца“. Наконец, всего за год до выхода книжки Флоринского, именно в 1865 г., английский ученый Френсис Гальтон впервые выступил в печати с предложением „вирикультуры“, то-есть кастового разведения талантливых людей, которые, по его мнению, должны заключать браки только внутри своей касты, отнюдь не смешиваясь с остальной массой посредственности ¹⁾).

Таким образом, В. М. Флоринский имел уже предшественников. Однако его система улучшения человеческого рода совершенно не носит характера заимствования или подражания и не имеет ничего общего хотя бы с той же гальтоновской „вирикультурой“. Кроме того, В. М. Флоринский говорит о целой системе мероприятий, в то время как его предшественники ограничивались преимущественно только отдельными предложениями по данному вопросу.

Кем-то было сказано: „Если бы Дарвин родился и жил не в Англии, а где-нибудь в глуши Китая, то он не сделался бы Дарвином, реформатором биологии“. Нечто подобное случилось с В. М. Флоринским. Его книга во многом слишком опередила свой век и потому не нашла себе поддержки. Достаточно прочесть беспощадную оценку привилегированных классов, которую делает автор, чтобы понять, почему его произведение не могло придтись по вкусу читающей публике того времени. Рассматривая „высшие“ слои населения, как переживающие глубокие стадии дегенерации и упадка, автор все свои надежды возлагает на

---

¹⁾ Слово „вирикультура“ в переводе с латинского значит „культура мужества“. Впоследствии, именно в 1883 г., Ф. Гальтон предпочел заменить термин „вирикультура“ термином „евгеника“, что, в переводе с греческого, приблизительно обозначает „облагорожение“. Об этой замене см. в книге Гальтона „Inquiries into Human Faculty and its Development“. London. Macmillans and Co. 1883, стр. 24 г. В настоящее время термин „евгеника“ получил весьма широкое распространение.

трудовые элементы страны. На этом фундаменте он и строит свою систему усовершенствования человеческого рода. С диаметрально противоположного конца подошел к той же проблеме современник В. М. Флоринского—английский ученый Ф. Гальтон, приобретший за свое выступление всемирную известность. Как известно, по почину Ф. Гальтона возникло целое евгеническое движение, проникшее во все страны цивилизованного мира, в том числе и в Россию; время от времени в столицах Европы и Америки происходят международные конгрессы и совещания по евгенике, с каждым годом растет число евгенических обществ, издается ряд журналов, посвященных евгенике и евгеническому движению, при чем некоторые из этих журналов, как, например, „Известия Бюро по Евгенике при Росс. Акад. Наук“, посвящены памяти Ф. Гальтона.

В чем причина столь различной судьбы выступлений В. М. Флоринского и Ф. Гальтона? Надо думать, что причина здесь кроется, главным образом, в различии подхода обоих авторов к одной и той же проблеме. Для того, чтобы наглядно показать, сколь несходны системы улучшения человеческой породы у В. М. Флоринского и у современных евгенистов, начиная с Ф. Гальтона, я приведу несколько параллельных цитат:

В. М. Флоринский.

„...чем меньше будет предрассудков против плебейского происхождения, тем больше шансов на моральное и физическое улучшение рода. В этом смысле народные силы, как обильный сырой материал, как кислород воздуха для горения, будут служить неисчерпаемым источником для поддержания гражданской и государственной жизни“ (стр. 107—108).

„Процесс умственного развития и роста состоит не в том, что человек воспринял в себя кое-какие сведения, усвоил приличия и иностранную речь. При таком образо-

Ф. Гальтон и современные евгенисты.

Френсис Гальтон.

„Ум нации составляют ее высшие классы. Если бы людей, соответствующих этим классам, можно было бы распознать с детства и купить за деньги, для того, чтобы их воспитать англичанами, было бы выгодной сделкой для нации заплатить за них по несколько сот или тысяч фунтов стерлингов за каждого. Д-р Фарр, выдающийся статистик, старался вычислить среднюю денежную ценность ребенка жены английского рабочего, который прожил бы обычное время

вании мозг играет, можно сказать, пассивную роль. Во многих случаях сметливому крестьянину или ремесленнику приходится чаще „раскидывать мозгами“, думать и придумывать, чем богатому, образованному дворянину, не знающему, куда приложить свое образование и в течение жизни не знающему ни предмета ни вопроса, над которым бы он мог задуматься. Вполне обеспеченный и довольный, он большею частью живет чужим умом, делает чужими руками, и ни одна невзгода жизни не заставит его сделать усиленного напряжения мозга, чтобы выйти из стеснительного положения. От этого барич так мало способен к серьезной умственной работе, от этого маменькины сынки и вообще люди, веденные на помочах, теряются и падают духом при первом столкновении с суровою жизнью, при первой трудности, которую мог бы преодолеть простой деревенский мальчик. Оттого и происходит, что деревенский мальчик гораздо более находчив, предприимчив и смел, чем мальчик такого же возраста, воспитанный в неге и холе, в роде Обломова... Понятно после этого, кто умственно работает больше, и где мы вправе ожидать большего потомственного развития мозга. Теперь не покажется странным, если мы скажем, что вековая культура умственного возрастания совершается не в одном, так называемом, образованном обществе, а еще с большей энергией, с большим напряжением она идет и копится незаметно, обогащая национальный ум, в тех классах, которые еще так недавно считались

и обычным для его класса образом. С очень большим статистическим искусством д-р Фарр вычислил стоимость такого ребенка, исходя из двух моментов: во-первых, стоимости его содержания в детском возрасте и в дряхлой старости, во-вторых, считая сумму его заработка юношей и мужчиною. Балансируя обе стороны этого счета, мы получим стоимость ребенка из рабочей семьи в 5 фунтов стерлингов. Исходя из тех же расчетов, ценность ребенка высшего класса можно принять в 1000 фунтов стерлингов". (Ф. Гальтон „Essays in Eugenics“. Лекция первая, § „Ценность детей“).

Карл Пирсон.

„Интеллигентный средний класс есть позвоночный столб нации. Я склонен думать, что этот класс (благодаря длинному периоду подбора и избирательного скрещивания) производит сравнительно с рабочими классами гораздо более значительный процент талантов; в основе этого различия лежит не недостаток образования, а недостаток породы". (К. Пирсон „Грамматика науки“. Изд-во „Шиповник“, стр. 549).

Альфредо Ничефоро.

... „Группы населения, составленные из индивидов, принадлежащих к низшим классам, характеризуются, по сравнению с представителями высших классов, более слабым физическим развитием, меньшей окружностью черепа, меньшими психическими способностями, меньшей сопротивляемостью нервному утомлению, задержкой полового развития, медленностью роста, большим числом

если не полулюдьми, то, по крайней мере, существами низшими, обиженными природой" (стр. 57—58).

„Если мы до сих пор видели, что белая раса везде поработала и вытесняла цветные, крепостное сословие страдало от помещиков, то в этом виновата не природа и не судьба, а кровожадные наклонности самого человека (стр. 115).

„В среднем и высшем классе нашего общества понятие о красоте, а, стало быть, и вкус совершенно изменились. Не вдаваясь в причины изменения этого вкуса, скажем только, что здесь немаловажное значение имела литература. В былое время девочки и мальчики зачитывались Жуковским и другими подобными поэтами, рисовавшими женский идеал в полувоздушных формах. Такой болезненный, искаженный идеал естественно проникал в жизнь. Девушки и женщины морили себя голодом или, по крайней мере, стыдились при людях есть, как следует здоровому человеку, пили уксус, ели мел и глину, напускали на себя худобу и бледность, чтобы больше походить на неземное творение. Мужчины, в свою очередь, зараженные тем же извращенным вкусом, предпочитали подобных женщин. Крепко сложенная и здоровая красавица им казалась „Матерной“. Кроме того, и сами мужчины любили поинтересничать своей физиономией в том же роде, добиваясь естественной или искусствен-

различных аномалий, короче, представители этого класса обладают свойствами, заставляющими их поместить в той части биномиальной кривой, которая соответствует низшим ценностям человеческого типа.

Какие причины вызывают среди представителей низших социальных групп те особенности, на которые было указано? Без сомнения, те неблагоприятные условия, в которых живут эти люди, составляют одну из причин их физической и психической низости. Но имеется еще другая весьма важная категория причин: существуют индивидуальные особенности, которые каждый человек приносит с собой при рождении, и которые составляют физическое и психическое наследственное богатство индивида, сопровождающее его в течение всей жизни. Благодаря биологической изменчивости каждый человек наследственно отличается от всех прочих людей и занимает свое определенное место в биномиальной кривой человеческих различий. Человек, который родился с физиологическими и психическими свойствами низшего порядка, спускается в низшие классы, или, если он родился в этой низкой среде, то там и остается. С другой стороны, человек, который от рождения одарен высшими свойствами, стремится занять или же сохранить более высокое экономическое, социальное и интеллектуальное положение“¹⁾.

¹⁾ А. Niceforo. „Причина физической и психической низости представителей низших социальных классов“. (The Cause of the Inferiority of Physical and Mental Characters in the Lower Social Classes“). Problems in Eugenics. Papers communicated to the First International Eugenic Congress. London. 1912.

ной бледности и по возможности утончая свое тело. Одним словом, страдальческий вид был в моде, и чем болезненнее, бледнее человек, тем он казался лучше. Понятно после этого, какого приплода можно было ожидать от сочетания подобных личностей. И вот в нарождающихся поколениях достигли, наконец, необыкновенной тонкости и нежности кожи, истончили кости скелета, по возможности уничтожили жировую подстилку, одним словом—сделали из привилегированных сословий нечто бесплотное и бездушное, потому что здоровый дух может быть только в здоровом теле“ (стр. 72—73).

Из приведенных выше цитат, именно из правого столбца, уже можно видеть, насколько современная евгеника проникнута реакционными течениями по отношению к пролетариату. Всякий, кто взял бы на себя труд познакомиться с евгеническими работами Гальтона, Сименса, Ленца, Ничефоро, Пирсона, Кольцова и других „пророков“ современной буржуазной евгеники, убедился бы в этом еще нагляднее²⁾. Таким образом, чужеклассовый уклон современной евгеники является конкретным фактом, который всегда нужно иметь в виду, отнюдь не поддаваясь на красно-

Герман Сименс.

„Те фамилии, которые в состоянии сохранить и вести вперед человеческую культуру, постепенно сходят на нет вследствие пролетаризации нашего подрастающего поколения. Исчезновение многих аристократических фамилий есть процесс более губительный, чем страшнейшие войны между народами Европы... Среди нас совершается все тот же процесс, который привел к упадку все народы древности, и которому пролетариат должен быть благодарен своим названием (слово „пролетарий“ в переводе значит „производитель потомства“).¹⁾

¹⁾ Hermann W. Siemens. „Grundzüge der Rassenhygiene“. München. Lehmanns Verl. Aufl. 1923. S. 70—71.

²⁾ См., например, статью Сименса: „Пролетаризация нашего подрастающего поколения, как грозное следствие антиевгенической политики“, помещенную в крупнейшем евгеническом журнале Германии „Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie“. 12 Band, I Heft, стр. 43—55.

Несмотря на диаметрально противоположность систем Гальтона и Флоринского, обе они в сущности исходят из одного корня—именно из эволюционной теории Дарвина. Правда, в отличие от Флоринского, последователи Гальтона совершенно игнорируют ту часть учения Дарвина, где он говорит об эволюционном значении употребления органов и непосредственного воздействия среды на организмы.

речивые успокоения и разубеждения некоторых современных евгенистов ¹⁾).

Реакционные тенденции современной евгеники не должны нас отталкивать от чрезвычайно ценной идеи улучшения человеческой породы путем сознательных воздействий на процесс человеческой эволюции. Важно лишь, какое содержание мы вольем в ту новую биосоциальную евгенику, которая современем должна возникнуть в нашей стране в ответ на общеполитическое евгеническое движение.

Для достижения указанной цели, нужно прежде всего вывести нашу евгенику из того тупика, в который она забралась. Действительно, содержание русских евгенических журналов почти ничем не отличается от того, что обычно пишется во всех печатных органах общеполитической евгеники. Так, например, в „Русском Евгеническом журнале“ мы находим все те же рассуждения о необходимости строгой изоляции всех „талантов“ от остальной массы „посредственности“, те же угрозы, что культурное человечество скоро погибнет вследствие того, что все „таланты“, в роде ученых, писателей, высших чиновников, банкиров и офицеров, размножаются слишком слабо по сравнению с фабричными рабочими, ткачами, землекопами, крестьянами и поденщиками, и т. п. ²⁾). В своей программной, руководящей статье, проф. Н. К. Кольцов ³⁾ вслед за западно-европейскими авторитетами категорически утверждает, что един-

¹⁾ Недавно проф. Ю. А. Филипченко сделал попытку доказать, что современная буржуазная евгеника не только не враждебна пролетариату, а, напротив, как-раз поддерживает интересы этого класса (см. Т. Г. Морган и Ю. А. Филипченко: „Наследственные ли приобретенные признаки“. Изд. „Сеятель“ 1925 г., стр. 53—58). Однако доводы проф. Ю. А. Филипченко совершенно не соответствуют действительности. В виду того, что вопрос о классовых интересах современной евгеники освещался мною в специально посвященной этому вопросу брошюре („Классовые интересы и современная евгеника“, изд. „Жизнь и Знание“ 1925 г.), я позволю себе вместо ответа на доводы проф. Ю. А. Филипченко отослать интересующихся к указанной брошюре.

²⁾ „См. „Русский Евген. Журнал“, 1924 г., том 2, вып. 1, стр. 14.

³⁾ „Русск. Евген. Журн.“ 1922 г., том, I, стр. 10.

ственным методом изменения человеческой природы может служить лишь подбор производителей, а „отнюдь не воспитание людей в тех или иных условиях или те или иные социальные реформы или перевороты“.

Мне могут, однако, вполне резонно указать, что раз современная русская евгеника приняла столь специфический уклон, то стоит ли ее выводить из того тупика, в который она зашла,—гораздо естественнее просто ее уничтожить? Не возражая против такой постановки вопроса, я только напомню еще раз, что в принципе идея сознательного планомерного улучшения человеческой породы настолько ценна и настолько отвечает общим задачам социалистического советского строительства, что ограничиться в данном случае одной разрушительной работой никоим образом нельзя. На развалинах современной подражательной евгеники должна возникнуть новая евгеническая система, оригинальная и полностью соответствующая социально-экономическим условиям жизни нашей великой страны. Само собой разумеется, что разработка такой евгенической системы представляет пока еще проблему совершенно исключительную по своей сложности и многогранности. И без того крайне сложная проблема евгеники в данном случае осложняется еще тем, что приходится отыскивать совершенно иные пути, так как, если и можно кое-чем воспользоваться из научного багажа современной буржуазной евгеники, то такие заимствования приходится делать лишь с крайней осторожностью и большим критическим тактом.

Учитывая все трудности той задачи, которая встает перед современным поколением русских евгенистов, я полагаю, что всякая попытка разрешить евгеническую проблему, если только она не представляет подражания буржуазной евгенике, должна представлять для нас известный интерес. Едва ли не наиболее полной и сознательной из первых попыток этого рода является предлагаемая вниманию читателей книжка проф. В. М. Флоринского „Усовершенствование и вырождение человеческого рода“, вышедшая в Петербурге, в 1866 году. Могут возразить, что всякая попытка осветить проблему евгеники, произведенная

почти 60 лет тому назад, не может удовлетворить современного ученого. Само собой разумеется, что ценность книжки проф. В. М. Флоринского заключается вовсе не в степени свежести сообщаемых научных сведений. Ценность ее — в тех отличительных идеологических особенностях, которые придают ей свою физиономию. Проф. В. М. Флоринскому принадлежит заслуга создания первой евгенической системы, основанной не на кастовом обособлении высших привилегированных слоев общества, как это имеет место в современной евгенике, а, наоборот, на уничтожении всех кастовых перегородок.

Указанные особенности системы проф. В. М. Флоринского придают ей не только чисто исторический интерес, но и несомненное практическое значение, так как, если, разумеется, не целиком, то некоторыми своими элементами, система проф. В. М. Флоринского может пригодиться и в настоящее время в сложном деле отыскания научных путей к созданию новой евгенической системы.

Характерные особенности книжки проф. В. М. Флоринского находят свое естественное объяснение в биографии ее автора. Знакомясь с биографией проф. В. М. Флоринского, мы узнаем, например, причину его крайне скептического отношения к тем „высшим“ слоям общества, которые современными евгенистами описываются, как сокровищница всего талантливого и выдающегося, как „мозг“ и „позвоночный столб“ нации, а, следовательно, и как единственная база для разведения новых рас человека, в роде „*Homo sapientissimus*“ (человек разумнейший), „*Homo explorans*“ (человек исследователь), „*Homo creator*“ (человек творец) и т. п. В подробном жизнеописании проф. В. М. Флоринского, составленном Викторинем Груздевым¹⁾, мы находим выразительные примеры того, как молодому Флоринскому, не имевшему, очевидно, влиятельных покровителей, приходилось подвергаться весьма откровенной эксплуатации со стороны его старших коллег

¹⁾ См. список биографических источников о В. М. в подстрочнике на стр. XV.

по Академии. Так, например, ему приходилось видеть результаты своих научных работ, опубликованные за подписью своего начальника (явление вообще нередкое в научном мире). „Оба руководства А. А. Китера“, пишет В. Груздев, „написаны в сущности В. М. Флоринским. Что касается клинических занятий, то клиника Китера велась не столько им, сколько его молодым помощником; сам Китер, живя вдали от Академии, посещал клинику лишь в лекционные дни и часы; в остальное время за ним посылали лишь в самых экстренных случаях. Оказывать помощь при родах, следить за больными родильницами, руководить клиническими занятиями студентов, вести клиническую отчетность—все это приходилось делать В. М. Флоринскому“.

Точно так же и в более поздние годы жизнь В. М. сложилась так, что он обстоятельно ознакомился с ее изнанкой. Несмотря на ряд научных трудов, судя по отзывам специалистов весьма ценных, ему так и не пришлось занять самостоятельного положения при той клинике, с которой были связаны самые активные, творческие годы его жизни. Вот как об этом пишет биограф В. М. Флоринского, В. Груздев: „В декабре 1873 года академическая акушерско-гинекологическая клиника была переведена в здание Михайловской Больницы, и таким образом при Академии образовались две отдельных акушерско-гинекологических клиники. Всего естественнее было передать одну из них В. М., тем более, что А. Я. Крассовский, в то время уже состоявший директором обширного СПб. Родовспомогательного заведения, был обременен занятиями. Но это вполне рациональное разделение почему-то не состоялось, и А. Я. Крассовский сохранил за собою заведывание обеими клиниками. Видя, что его любимой мечте едва ли будет суждено сбыться, В. М. решил оставить Академию“¹⁾.

В горьком осадке, несомненно оставшемся у В. М. от общения с академическими кругами, то-есть теми „талантами“, в которых евгенисты всех стран видят новые

¹⁾ Некоторое время после ухода из Академии В. М. работал в Казанском Университете, а позднее, начиная с 1885 г., в Томске, где им был написан ряд работ по археологии и антропологии.

разновидности человеческого рода, в роде „людей разумнейших“, „ищущих“, „творцов“ и т. п., мы и должны искать причину того, что взгляды В. М. на жизнь приобрели много общего с идеологией всех эксплуатируемых и угнетенных¹⁾.

Область евгеники, или, быть может, лучше говорить, антропокультуры (культуры человека), будучи чрезвычайно многогранной, требует к себе и соответственно широкого подхода. С этой точки зрения большой интерес книжке В. М. придает редкая разносторонность научного образования автора, являющегося одновременно врачом, археологом, этнологом и антропологом²⁾. Во всех этих дисциплинах он проявил себя рядом научных трудов, многие из

1) О позднейшей эволюции личности В. М. и о ее причинах см. 12-е примечание редактора, в конце книги

2) Следует указать, что на обложке и титульном листе первого издания книжки В. М. инициалы автора почему-то изменены, и он неправильно назван „профессором Ф. Флоринским“. В середине прошлого столетия действительно жил Ф. Флоринский, протоиерей, автор религиозного трактата: „Об участии злых духов в грехопадениях человеческих“. Однако не вызывает никаких сомнений, что автор нашей книжки является не последнее лицо, а В. М. За это говорит все ее содержание, в частности исключительная широта подхода. При чем области, в которые автор делает экскурсии, соответствуют как раз тем областям, в которых всю жизнь работал В. М. (акушерство, гинекология, антропология, этнология и т. п.). Кроме того, революционный уклон книги, в частности тенденция борьбы с некоторыми религиозными предрассудками, исключают всякую мысль о том, что данная работа могла быть написана упомянутым „Ф.“ Флоринским. Наконец, данная работа указывается во всех более или менее полных списках трудов профессора Василия Марковича Флоринского, как-то:

1. Л. Ф. Змеев. „Русские врачи-писатели“. СПб., 1886, кн. 2, стр. 139.

2. В. Груздев. „Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Военно-Медицинской Академии и соединенной с нею Акушерско-гинекологической клиники“. СПб. 1898, стр. 239.

3. „Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского Университета за сто лет“. Казань, 1904, стр. 355.

4. Словарь Брокгауза, старое издание, 1902 (слово Флоринский, В. М.).

Наиболее подробные биографические сведения о В. М. (его письма во время заграничной командировки и др) содержатся в книге В. Груздева (стр. 214—241). Оттуда же взят и помещаемый в

которых в свое время получили самые лестные отзывы специалистов (хотя, с другой стороны, его перу принадлежит и несколько таких работ, которые впоследствии подверглись жестокой критике). В результате, исключительно широкая проблема антропокультуры нашла в В. М. исследователя, сумевшего осветить ее, если, разумеется, не со всех, то, по крайней мере, со многих точек зрения ¹⁾.

Следует еще отметить, из достоинств книжки В. М., как и всех его работ, очень ясную, толковую манеру изложения.

Само собой разумеется, что многое в книге уже не согласуется с современными учениями. Однако, несмотря на ряд устарелостей, вполне понятных, если принять во внимание, когда все это написано, рассматриваемая работа содержит и много мест, не утративших своего научного значения вплоть до настоящего времени. Сюда относятся, например, все те положения, которые непосредственно вытекают из учения Дарвина, в частности глава „Вкус и запрос на известные качества“ и др.

Менделизм автору конечно не известен, как, за редчайшими исключениями он был неизвестен и всем его современникам, но зато, благодаря исключительной способности правильно ставить вопросы, автор временами почти вплотную подходит к проблеме менделизма, правда, упираась в нее, как в непреодолимую преграду (например, при разборе вопроса о вреде кровосмесительных браков; см. стр. 119 и след. ²⁾).

настоящем издании портрет В. М. Кроме того, еще одна фотография В. М. имеется в „Истории Военно-Медицинской Академии за 100 лет“ 1898 г., стр. 408. Оба последние источника были мне любезно указаны антропологом Росс. Академии Наук Б. Н. Вишневым, которому я и пользуюсь случаем высказать свою благодарность.

¹⁾ К сожалению, автором очень мало затронут вопрос о физической культуре, в частности о физических упражнениях, что не совсем гармонирует с общим характером его евгенической системы, в которой фактору упражнения органов отведено весьма большое внимание.

²⁾ С точки зрения современной науки, всего более старит работу В. М. отсутствие в ней менделеевского подхода. Этот недостаток она, впрочем, разделяет и с большинством евгенических выступлений Ф. Гальтона, так как лишь в самых последних своих лекциях, через 40 лет после выхода книжки В. М., Ф. Гальтон вскользь упоминает о менделизме.

В заключение мы можем сказать, что проф. В. М. Флоринским сделана смелая, но в свое время неоцененная, попытка наметить систему мероприятий для улучшения человеческой породы. Попытка эта несомненно содержит много оригинального и, для своего времени, революционного, начиная с самой темы данной работы, в русской литературе затронутой впервые, а по своеобразному подходу, быть может, единственной в мировой литературе. Будем надеяться, что непризнанная книжка проф. В. М. Флоринского наконец найдет себе место в библиотеках социологов, гигиенистов, антропологов и вообще всех тех, кого интересует проблема сознательного улучшения человеческой породы.

М. Волоцкой.

Из всех современников Флоринского вполне оценил исследование Менделя и в сжатой форме изложил его сущность один только И. Шмальгаузен. Действительно, магистерская диссертация Шмальгаузена является едва ли не единственным произведением во всей мировой литературе 19-го столетия, в котором непризнанный труд Менделя нашел себе должную оценку. (смотри И. Шмальгаузен. „О растительных помесях“, Труды СПб. Общества Естествоиспытателей, том V, 1874, стр. 103, а также отдельное издание СПб. 1874, стр. 25 - 26). К сожалению, указание Шмальгаузена на „заслуживающий полного внимания и дальнейшей разработки“ метод, „столь превосходно примененный Менделем“, не привлекло к себе внимания, и лишь через 26 лет после выхода его диссертации Де-Фризу, Чермаку и Корренсу посчастливилось извлечь исследование Менделя из незаслуженного забвения. Если принять во внимание, что книжка Флоринского вышла на 8 лет ранее диссертации Шмальгаузена и всего лишь через год после того, как Мендель опубликовал свои исследования в провинциальном австрийском издании, то незнакомство Флоринского с работами Менделя станет вполне понятным и, во всяком случае, не может быть поставлено ему в упрек.

**УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
И В Ы Р О Ж Д Е Н И Е
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА**

Усовершенствование и вырождение человеческого рода.

Едва ли кто будет сомневаться, что с развитием гигиены и большим применением ее правил к общежитию увеличивается благосостояние народонаселения. Каждая образованная нация очень хорошо понимает это и старается применять результаты науки к народному здоровью. Народ и правительство заботятся об уничтожении миазм, о доброкачественности съестных припасов, о здоровости жилищ и пр., но, к удивлению, так мало обращают внимания на корень народного здоровья—на гигиену бракосочетания. В гражданских уложениях относительно охранения народного здоровья перечислены все, даже мелочные возможности вредного влияния на здоровье народонаселения, а громадная масса гибельных последствий, которые рушатся на рождающиеся поколения вследствие негигиенического бракосочетания, оставлены без внимания.

В этом отношении гораздо более обращено заботы на домашних животных, чем на человека. Взгляните на коннозаводчиков, на сельских хозяев, на улучшение пород рогатого скота, овец, лошадей, собак, даже кур, голубей и проч.; существуют целые учения, тратится столько внимания, и действительно цель достигается. Систематически взлелеянные породы животных изумляют нас своим совершенством, между тем как человек в последовательных генерациях скорее размножает болезни и физическую слабость, чем совершенствуется.

Если мы и видим иногда в некоторых нациях счастливую помесь, удачный подбор супругов, обнаруживающийся физическим улучшением расы, то подобное благодетельное явление, так сказать, обновление человеческой породы, яв-

ляется не как результат преднамеренных действий, не как плод науки, а совершенно случайно, вследствие счастливого столкновения разных национальностей или разных темпераментов и сложений, благоприятствующих улучшению породы. Между тем, это улучшение вполне заслуживает нашего попечения, если не для того, чтобы стремиться к размножению и усовершенствованию изящных форм сложения (что тоже вполне достойно нашего внимания), то хотя в силу старой латинской поговорки: *mens sana in corpore sano*.

Исторический опыт показывает нам, как вырождаются и мельчают физически и нравственно породы привилегированных сословий даже целых наций, и если бы не было обновления нации со стороны других слоев общества и помеси с другими национальностями, то вырождение человеческого рода обнаруживалось бы еще резче и быстрее. Но это обновление, как мы сказали, совершается почти всегда помимо человеческого произвола, так сказать, бессознательно, вследствие инстинктивного влечения относительно отдельных индивидуумов и вследствие политических столкновений и географических условий—относительно целых наций.

Между тем, наука имеет уже столько данных, чтобы, применивши их к жизни, более или менее рассчитывать на сознательное улучшение породы, устраивая браки не по одному безотчетному влечению полов, тем более не из одних корыстных видов, а более или менее соображая данные для воспроизведения лучшего потомства.

Нам скажут, что те законы группировки полов, которые выработала наука относительно животных, не применимы к человеку, не потому, чтобы они не могли повторяться в человеческой расе, а вследствие сложности социальных условий и иногда невозможности определить заблаговременно все те качества, какие требуются с гигиенической точки зрения для известных индивидуумов, вступающих в брак.

Это отчасти справедливо, но все-таки не исключает возможности применения помянутых законов к человеческому роду. Если на людей в этом отношении мы не можем действовать с такою же отчетливостью, как на животных, если не всегда можем по произволу создать себе потом-

ство с такими или другими физическими качествами, то все-таки, зная наперед условия для воспроизведения этих качеств, мы будем в состоянии, при благоприятных социальных обстоятельствах, применить наше знание к делу и, стало-быть, сознательно улучшить качества нашего потомства.

Во всяком случае, будет больше пользы, если хоть кто-нибудь воспользуется гигиеной брака, чем все будут смотреть на процесс воспроизведения потомства, как на процесс самый пустой, не требующий ни соображений, ни внимания, в силу изречения Грибоедова: „чтобы иметь детей,—кому ума не доставало“!

Если в роде человеческом применение правил гигиены брака до сих пор было так ничтожно, то мы уверены, что это зависело не от упорного нежелания публики воспользоваться этими правилами, но, с одной стороны, от трудности применения этих правил, вследствие сложности социальных условий, а, с другой стороны, от незнания публики, потому что до сих пор, по странной щекотливости, специалисты как-будто стыдились популяризировать свою науку, держали ее, как алхимики или средневековые монахи, взаперти.

От этого публика, желавшая знать что-нибудь о гигиене брака, была угощаема пустыми книжонками, произведениями шарлатанства и спекуляции. Что публика желала знать что-нибудь об этих существенных вопросах жизни, видно из того, что помянутые книжонки, несмотря на ничтожность их содержания, раскупались в большом количестве, распространяя, таким образом, вместо пользы предрассудки и невежество.

Брак с физиологической и гражданской точек зрения имеет целью воспроизведение потомства. Стало-быть, между другими условиями нормального и счастливого бракосочетания, вопрос о способности женщины к зачатию и родам, равно как вопрос о воспроизведении в потомстве тех или других родительских качеств, должен бы был, являться на первом плане. Между тем, в жизни сплошь и рядом гораздо более ценятся общественные связи, положение, приданое невесты, чем физические ее качества, телосложение, порода.

Даже в том случае, когда брак совершается по любви, стало-быть, более или менее на основании физических достоинств женщины, и тут, вследствие извращенного вкуса, нередко за достоинство считаются физические недостатки. Кто не знает, что еще так недавно молодые девушки с таким пренебрежением отзывались о цветущем здоровьи, крепости сложения, предпочитая этому бледный, бескровный вид, находя грацию в болезненной тонкости членов и слабости сил.

Этот странный вкус не поддерживался бы, если бы не находил сочувствия в мужчинах, если бы „неземные создания“ в действительности не предпочитались здоровым и крепким девушкам. Этот факт показывает, что в жизни на брак смотрят большею частью как на исключительно личное удовольствие, не помышляя о цели брака—о потомстве.

Между тем, нельзя сказать, чтобы вопрос о физических и нравственных качествах детей был чужд родителям. Каждый из них, в силу эгоизма, и желает, и старается, чтобы дети его были по возможности и умны, и красивы. Но само собой разумеется, что это старание может быть успешно только тогда, когда о нем заботятся не после рождения детей, а до вступления в брак, так как физическая красота, здоровье, отчасти и нравственные качества, не столько зависят от воспитания и ухода за новым индивидуумом, сколько от наследственности. Поэтому неудачно сочетавшимся родителям нередко приходится сетовать на то, что бог не наградил их хорошими детьми, не соображая того, что неудача воспроизведения зависит не от судьбы, а от бесполовой женитьбы.

В предстоящем очерке мы намерены познакомить читателей с общими условиями усовершенствования и вырождения человеческого типа, насколько позволит это сделать новость предмета, до сих пор не разработанного, можно сказать, даже не тронутого. Поэтому мы наперед извиняемся перед читателями, если они найдут здесь что-либо недосказанным или гипотетическим. Это не такой предмет, в котором можно прямо излагать законы, а по необходимости

сплошь и рядом приходится только подмечать явления, группировать их и выводить то или другое заключение.

Кроме того, самый предмет показывает, что для полного и всестороннего его изложения потребовалось бы написать целый том; поэтому для журнальной статьи (1) мы по необходимости ограничились только общими очерками, не вдаваясь в подробные научные рассуждения.

Глава первая.

Изменяемость человеческого типа.

Прежде, чем мы будем говорить об улучшении человеческой породы путем естественного или рационального подбора родичей, необходимо показать, что анатомические и физиологические свойства человека в известной степени изменчивы, подвижны, следовательно, под влиянием наследственности и физических условий окружающей среды, они могут или совершенствоваться, или ухудшаться.

Окончательные пределы этой изменчивости установить невозможно, так как в этом отношении пришлось бы основываться только на предположениях. Для нашей цели достаточно показать, что племена и расы в состоянии переходить одна в другую, что форма скелета может изменяться, принимать другой тип, обезображиваясь или совершенствуясь. Таким образом, не вдаваясь в антропологические прения о происхождении человека,—мы за исходную точку изменения человеческого скелета можем принять те первоначальные формы его, о которых мы имеем понятие по ископаемым остаткам человеческих костей, приписываемых к самой отдаленной эпохе (нижняя челюсть и зубы, найденные в 1863 году близ Мулен-Кольена, в бассейне реки Соммы в Пикардии, человеческие черепа, найденные в Швеции и Дании, Америке и пр., принадлежащие к так называемому каменному веку). По найденным остаткам самых древних черепов, по чрезвычайно косому направлению нижней челюсти можно заключить, что люди, к которым принадлежали эти черепа, стояли на очень низкой степени телесного развития. Люди каменного периода в Швеции и Дании отличались короткой и круглой головой; в Швеции она была мала, подобно голове современных лапландцев. Многие го-

ловы необыкновенно вытянуты в длину, с плоским лбом и выдающимися вперед челюстями. Скелет человека, открытый при прокладывании железной дороги между Монтрё и Вильневом, в восточном углу Женевского озера, и относимый также к каменному периоду, имел также малый, очень круглый (короткий) и необыкновенно толстый череп (2).

Сравнивая ископаемые остатки человека с формою теперешних обитателей тех же стран, сопоставляя формы современных диких и полудиких народов с формами народов цивилизованных, мы убеждаемся, какой громадный шаг к прогрессивному физическому развитию сделан человеком по настоящее время. Не вдаваясь в вопрос о происхождении рас и племен человеческих, мы оставляем за собой только тот исторический факт, что форма человеческого тела совершенствовалась постепенно и совершенствуется, несмотря даже на то, что до сих пор человеком не употреблено было для этого никаких усилий, никаких сознательных действий, могущих ускорить и упрочить это усовершенствование (3). Что касается границы прогрессивного физического развития человека, то само собой разумеется, что определить ее теперь невозможно. Однако же на основании существующих данных прошедшего, сравнивая громадный шаг, сделанный развитием форм человеческих от первых ископаемых остатков скелета до настоящего времени, мы, кажется, не имеем основания предполагать, чтобы физическое изменение человека дошло теперь до своей последней границы. Напротив, нам кажется, что на основании предшествовавшего хода развития, можно допустить возможность известной доли его и в будущем. Без сомнения, это будет совершаться слишком медленно, неуловимо для наблюдения, может быть, едва заметно для истории, но все-таки спустя тысячелетия мы можем ожидать человека в новой, лучшей форме, чем в настоящее время.

Видимые, так сказать, осязательные изменения форм человеческих, доступные современному или историческому наблюдению, совершаются, как всегда, так и теперь, по всему земному шару в форме изменения рас и племен, в переходе их одна в другую, в выработ-

ке новых типов из взаимного сочетания существующих. Результат этого движения может быть, конечно, и прогрессивный и регрессивный, но общее, незаметное движение клонится все-таки к усовершенствованию человеческой породы. В таком развитии можно различить две формы: одна, где менее развитые племена, при сочетании (помеси) с племенами более совершенными, заимствуют от них лучшие качества и совершенствуют свой тип,—это, так сказать, догоняющее движение; другая форма, когда от взаимодействия двух передовых типов (относительно этой эпохи совершенных), при благоприятствующей помеси их, развиваются лучшие формы,—это шаг вперед, прогрессивное движение развития.

При определении типических форм черепа обращается внимание на его абсолютную величину и емкость, на относительные размеры поперечников, относительный объем лицевых костей (в особенности челюстей по сравнению с костями черепа), на положение верхней и нижней челюстей,—насколько они отодвинуты назад от передней части мозгового вместилища или выдвинуты вперед. Далее обращается внимание на поперечные размеры лица, особенно размер, проведенный через скуловые части, на степень округления или заострения черепной кровли, на место большей ее выпуклости, на сплющивание или выпячивание задней части черепа. Большая или меньшая ширина формы носа, длина, направление и образ соединения (плоский или более выпуклый носовой свод) носовых костей, форма образуемых ими носовых отверстий, форма и глубина глазных впадин, большее или меньшее развитие (выдвигание) краев этих впадин, большее или меньшее развитие скуловых костей дают выражению лица тот или другой племенной тип.

Для краткости, при определении формы черепа, в науке приняты особенные названия, введенные Ретциусом. Так, например, круглые черепа, у которых наибольшая длина относится к наибольшей ширине приблизительно как 100 к 80 (ширина никогда не превышает длины правильно устроенного черепа), называются брахицефалическими, и люди с такими черепами—брахицефалами. Образчиком

их могут служить нам калмыки. Другие черепа, имеющие удлинненную форму, у которых наибольшая длина относится к наибольшей ширине приблизительно как 100 к 70, называются долихоцефалическими, а люди, имеющие такие черепа,—долихоцефалами (например, негры). По развитию челюстей,—слабо или сильно они выдаются вперед,—черепа называются в первом случае ортогнатными (прямозубыми), а во втором—прогнатными (косо-зубыми).

Народы, населяющие шар земной, разделяются антропологами на несколько племен или рас, и каждое племя—на несколько ветвей. Вот самое распространенное деление: племя первое—белое или кавказское. У людей, его составляющих, лицевой угол имеет почти 85° , овал головы правилен, лоб широк и высок, зубы перпендикулярны челюстям, глаза прямые. Это племя разделяется на три ветви: первая заключает в себе ассириян, халдеян, арабов, евреев и египтян; вторая или индийская—распадается по языку на четыре семейства: 1) санскритское (народы Индостана); 2) семейство древних пеласгов, откуда произошли греки и латины, а потом все языки Южной Европы; 3) готское, откуда произошли жители Северной Европы (датчане, англичане, немцы, голландцы); 4) славянское; третья ветвь—скифская заключает в себе отдельные народы или небольшие племена обширных степей Азии.

Второе племя—монгольское; люди, его составляющие, имеют широкое и плоское лицо, выдающиеся скулы, сплюснутый нос и открытые ноздри, глаза длинные и прорезанные косвенно, цвет кожи более или менее оливковый, лицевой угол от 75° —до 80° . В этом племени различают четыре ветви: 1) манджурскую; 2) китайскую; 3) северную и 4) корейскую.

Третье племя—красное или американское. Признаки его: скулы, менее выдавшиеся, чем в монгольском племени, лицо широкое, глаза большие, косо прорезанные, кожа красного или медного цвета, волосы черные и плоские.

Четвертое племя — черное или африканское. Оно отличается длинным, в верхней части суженным лицом, выдающимися челюстями, длинными и косвенными зубами, широким и сплюснутым носом, толстыми губами, широким ртом, короткими и курчавыми волосами. Лицевой угол—70—75°. Это племя разделяется на следующие ветви: 1) эфиопскую; 2) кафрскую; 3) готтентотскую; 4) папуасскую; 5) тасманийскую (жители Ван-Дименовой земли) и 6) австралийскую (Новая Голландия).

Многие ученые разделяют человеческие племена иначе, принимая их то больше, то меньше. Наш академик К. Бер разделяет род человеческий на шесть групп, подразделяя каждую из них на несколько племен (см. его сочинение: „Человек в естественно-историческом отношении“. С.-Петербург. 1851). Для изучения различных особенностей европейских племен, мы пользовались, между прочим, недавно опубликованными исследованиями д-ра Вейсбаха (*Beiträge zur Kenntniss der Schädelformen österreichischer Völker. Zeitschr. d. KK. Gesell. Aerzte in Wien. Medic. Jahrb. XX Jahrgang, I Band, 1864. SS. 49—127*), в которых описываются отличительные формы черепов: у цыган, венгерцев, итальянцев, поляков, рутенов, словаков, богемцев (чехов), кроатов и пр.

Теперь нам остается привести еще несколько данных, которые могли бы показать, что описанное движение в физическом развитии человека в известной степени существует и в нашу эпоху, перед нашими глазами.

Вопрос, что тип человеческих племен и наций может изменяться, не трудно решить, не вдаваясь даже в слишком подробные изыскания по этому предмету. Влияние климата на цвет кожи и волос и на величину роста ясно для всякого, кто сравнит анатомический характер северных и южных жителей. Но еще более значительны изменения типа вследствие помеси. Известно, что все племена, точно так же, как нации и фамилии, могут смешиваться между собой и давать на потомство средний тип. Результат такой племенной помеси лучше всего заметен на неграх. От негра и белой женщины родится мулат с темножелтым цветом

кожи и черными менее пушистыми волосами. От мулата и белой женщины родится квартерон (четвертое колено от соединения черного племени с белым), с смуглым оттенком, с черными и длинными волосами и с типом, значительно удаляющимся уже от африканского. Квартерон с белою женщиною рождает октавона (восьмое колено от соединения черного племени с белым), менее смуглого и более уже подходящего к белому племени. Наконец, октавон с белою женщиной рождает уже детей, совершенно смешивающихся с кавказскою породой. Такое же количество поколений необходимо и для превращения белого типа в черный.

Таким же порядком происходит перерождение племени и при других помесях, например, монгольского типа с кавказским и пр., хотя влияние помесей здесь не обнаруживается так резко и отчетливо, как на черном типе.

Плод помеси различных типов называется метисом. Метисы могут соединяться между собой и размножаться, хотя и говорят, что они менее плодовиты. Такое смешение народов, без сомнения, происходило и происходит по всему земному шару, где только существовали народные столкновения. „Все племена,—говорит В. Ф. Эдвардс,—которых история нам известна, более или менее испытали такие смешения. Эта причина (изменчивости типа) тем сильнее, что она действует на внутреннюю организацию. Если бы эта причина действовала беспрепятственно, она, может быть, уничтожила бы все племенные различия“¹⁾.

Если мы будем изучать европейское народонаселение с этой точки зрения, то убедимся, что помесь наций происходила и происходит повсюду в большей или в меньшей степени, смотря по тому, где больше происходило национальных столкновений. Сравнивая, например, типы южных славян с славянами северными (в России и Сибири), мы не можем не заметить значительной разницы между теми и другими. Всмотриваясь внимательнее в типы русских славян, особенно в Сибири и в северной полосе России, мы видим,

---

¹⁾ О физиологич. признаках человеческих пород и их отношении к истории. Письма В. Ф. Эдвардса и А. Тьерри, перев. Грановского. (Сочин. Грановского, том I, стр. 33. 1856 г.)

что там часто попадаются формы, составляющие видимый переход от монгольского племени. Монгольская форма черепа, округлая плоская форма лица с выдающимися скулами, широкий приплюснутый нос, редкая борода, узкие глаза, белокурые и желтоватые волосы—прямо указывают на результат помеси с монгольскими и финскими племенами.

Эта помесь встречается гораздо чаще и резче бросается в глаза в тех местностях, где обитает больше инородцев, именно в северной и восточной полосе России, а также приморских и пограничных городах. Я имел случай особенно наблюдать это в Вятской, Пермской, отчасти Тобольской и Казанской губерниях, равно как в окрестных деревнях Петербурга и Псковской губернии. Переезжая Урал, каждый путешественник может заметить, как славянорусский тип сибирских жителей начинает изменяться и разнообразиться, отмечаясь финскими и татаро-калмыцкими признаками, а в юго-восточной Сибири, по свидетельству Щапова,—монголо-бурятскими чертами, в Якутской же области—равным образом якутами. Щапов говорит, что, напр., в Иркутске и его окрестностях из десяти туземных жителей—4 и даже 5 наверное имеют бурятское обличье. Особенно типично и выразительно выступает этот монголо-бурятский облик в Забайкальском русском народонаселении ¹⁾.

Усольцев так обрисовывает монголо-тунгусско-русский облик жителей Зюльзы и других селений по долине р. Мерчи. „Черные, жесткие волосы, большею частью узкие и несколько вкось расположенные темно-карие глаза; смуглый цвет лица, нос немного приплюснутый в переносьи; едва заметно выдававшиеся скулы выказывают монгольское происхождение. Но высокий рост, стройный стан, плотное сложение, мужество и сила, которые так редко бывают в тунгусах, говорят о смешении их с русскими. В женщинах эта смесь составляет особенную красоту“ ²⁾.

Результат помеси в монгольско-бурятской среде еще яснее можно видеть в селениях так называемых яшашных

---

¹⁾ Щапов. Историко-этнограф. организация русского народонаселения. „Русское Слово“. Ст. вторая, стр. 3—9.

²⁾ Вестн. Геогр. Общ., т. XX, отд. II, стр. 117.

или оседлых инородцев. Здесь явно образуются новые, оригинальные разновидности русского народа, ни чисто русские, ни чисто бурятские. В физиономии, в характере и даже в нравах их,—говорит Щапов,—элемент русский и элемент бурятский соединяются в своеобразный, оригинальный этнографический образ, представляющий новую племенную разновидность.

Точно такие же наблюдения, в большей или меньшей степени, можно сделать и в других местностях России, населенных инородцами. Жители Псковской губ. и окрестных петербургских деревень, отличающиеся невысоким ростом, белокурыми или изжелта-беловатыми волосами, круглой, небольшой головой, более или менее плоским лицом, вздернутым, перегнутым в переноси носом и флегматическим характером, представляют помесь с эстами и чухонцами. В Казанской, Вятской и в Пермской губерниях путешественник нередко встречает плоды помеси с татарами, вотяками, черемисами и другими инородцами. То же самое в приморских, торговых и пограничных городах—можно видеть самую разнообразную помесь со всеми пришельцами.

Мы указали здесь на видоизменение и перерождение русского типа, совершающееся, можно сказать, перед нашими глазами, но нет никакого сомнения, что половое сочетание племен, а, следовательно, и помесь славянского типа происходила, может быть еще в большей степени, в самые отдаленные времена, одним словом, с тех пор, когда славяно-русская нация начала вступать в сношения с соседними кочующими и оседлыми племенами. Примесь татарской крови к чисто-русскому народонаселению, по всей вероятности, в больших размерах произошла во время монгольского ига, когда политическое значение и физическая сила последних господствовали над русским элементом. Монголы оставили неизгладимую черту, как на характере, нравах, языке, так и на внешних анатомических признаках, в типе русского народа. От этого мы и до сих пор видим почти во всей России более или менее смягченные и измененные татарские черты. Эта помесь обнаруживает себя широким и плоским лицом, сильно развитыми скулами, ши-

роким приплюснутым носом, редкой бородой, большими ушами, а иногда несколько косвенным разрезом глаз. Эти признаки, совершенно несвойственные славянскому типу, встречаясь в сословии дворянства и духовенства, служат доказательством древности этой помеси. Все остальные сословия, несмотря на пренебрежение к нынешним татарам, вследствие ли религиозных предрассудков, или неуважения к их социальному быту, могут еще вступать и действительно вступают с ними в супружеские сношения, производя, таким образом, в потомстве смешанный тип. Но дворянство и духовенство чрезвычайно редко женились и женятся на иностранках, особенно на татарках; потому в них признаки азиатской помеси должны быть отнесены к давнему времени.

Что упомянутый монголо- или финно-славянский тип, так часто попадающийся в России и Сибири, не есть результат действия северного климата,—это видно из того, что рядом с этим типом, при тех же условиях среды, существуют, не изменяясь, и типы чисто - славянские. С другой стороны, как увидим ниже, климат, отражаясь на цвете кожи и волос, едва ли имеет большое влияние на форму костей черепа и лица—свойства чисто наследственные, передаваемые потомству от родителей.

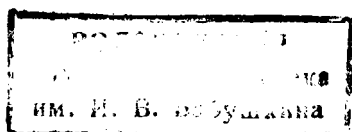
Таким образом, как русская жизнь сложилась и выработалась у нас под влиянием географических условий, дружественных и враждебных столкновений с соседями,—так и русский тип, или, лучше сказать, русские типы складывались и формировались мало-по-малу, под влиянием тех же столкновений и политических переворотов. Варяги, половцы, хозары, финские и монгольские племена, греки и проч. откладывали свои разнообразные черты на русском типе, изменяя, осложняя и разнообразя его до бесконечности. И по настоящее время мы не имеем права сказать, что этот тип сложился окончательно и упрочился; напротив, как тип всякой расы и нации, он и прежде и теперь не имеет ничего прочного и определенного. В высшей степени подвижный и изменчивый, он изменялся и изменяется теперь и будет изменяться под влиянием новых столкновений.

Всматриваясь в тип русской нации, нельзя не заметить того явления, что она в физической красоте значительно отстала от других (южных) славянских племен; в течение веков она под влиянием неблагоприятных помесей утратила многие свои прежние черты, свойственные славянскому племени вообще. Только в тех местностях, где северо-восточной помеси было меньше, остались еще более или менее чистые славянские типы, как, напр., в некоторых внутренних губерниях России, на Дону, в Малороссии, а отчасти между старообрядцами. Типы же жителей по окраинам нашего отечества большею частью представляют монголизованный славянский тип.

Впрочем, с другой стороны, надобно заметить, что если мы, вследствие частых помесей, много потеряли в физической красоте, то, может быть, настолько же выиграли в физической и нравственной силе; потому что чем чаще и больше обновляется племя, тем больше оно получает задатков для будущего более сильного и разнообразного развития. Племя, предоставленное самому себе, кровь которого не освежается и не подновляется, обыкновенно мельчает физически и нравственно; чистый тип рано или поздно вырождается. Помесь в этом отношении действует благотворительно, но, конечно, было бы лучше, если бы эта помесь и в эстетическом отношении происходила бы в нашу пользу, что мы и начинаем замечать в последнее время. Теперь там и сям в России встречаются уже новые типы, образовавшиеся под другими условиями, при более счастливом сочетании племен. Между массой обыкновенных или даже некрасивых физиономий вы встречаете не редко поразительную красоту, усовершенствованный южный тип, перенесенный на нашу почву. Эти новые славяно-западные типы со временем будут встречаться все чаще и чаще, потому что, по складу современной истории, европейская помесь, естественно, у нас будет превалировать над азиатской.

В настоящее время Россия по своему географическому и этнологическому положению, едва ли не более, чем другая какая-либо страна, представляет условий для изменчивости типа ее жителей. Эти условия заключаются в обилии

700143

и разнообразии племен, населяющих Россию, и в более распространенных сношениях с европейцами. Таким образом, тип наш теперь благотельно подновляется и изменяется, как под влиянием внутренней помеси (остзейцы, поляки, евреи, цыгане, кавказские племена), так и наплыва иностранцев—немцев, англичан, французов, итальянцев и пр. Это в особенности ясно можно видеть в столицах, в больших торговых или портовых городах, в пограничных местностях или местах с смешанным народонаселением, по берегам Балтийского и Черного моря. При таких разнообразных столкновениях мы имеем право предположить, что современным тип русской нации выработается гораздо совершеннее, так как ныне совершающаяся помесь дает лучшие результаты, чем бывшая помесь с татарами и финнами. Может ли это отразиться на умственном и нравственном развитии народа,—мы увидим ниже.

Кроме России, без сомнения, племенная помесь происходит и во всех других местностях, где только существует смешение племен. Так, например, в Австрии, составляющей политическую смесь немцев, чехов, сербов, итальянцев, венгерцев, взаимная помесь всех этих разнохарактерных племен должна была отразиться на типе их. И, действительно, в Вене результат такой помеси резко бросается в глаза путешественнику. Ни в одном городе нельзя встретить столько разнообразной красоты, столько пестроты в сочетании разнообразных, нередко противоположных физических качеств, как там. Случаи помесей, напр., итальянцев с немцами, чехов с венгерцами и пр. дают новому поколению качества тех и других, напр., блондинок с черными бровями, глазами и ресницами, брюнеток с голубыми глазами, белокурых немцев с итальянским типом и пр.

При взгляде на современный венгерский тип, нельзя также не заметить в нем значительного отклонения от прежнего монгольского типа. Я считаю лишним много распространяться здесь о происхождении венгров или мадьяров—это вопрос истории. Скажу только, что во время пребывания моего в Пеште я был поражен сходством некоторых венгерцев с нашими казанскими татарами. То же самое впечат-

ление испытал я и многие из моих товарищей-казанцев при посещении аудиторий венского университета, где было очень много студентов-мадьяров. Судя по тому, нет никакого сомнения, что этот народ,—обломок гуннов, есть выроdek монгольского племени. Если мы вспомним портрет Аттилы, имевшего широкую грудь, маленькие глаза, редкую бороду, сплюснутый нос, смуглый цвет лица (Демулен, Приск), и вообще описание наружности гунна (Иорнанд), то убедимся еще более, что часть нынешнего венгерского населения, происходящего от них, есть отрасль монгольская. Находясь в других условиях, чем их единоплеменники, окруженные со всех сторон славянскими и немецкими народами, венгры естественно претерпели значительное смешение со своими соседями и в результате изменили свой родовой тип.

Эту изменчивость мы не можем объяснить исключительно влиянием климата. Оно обнаруживается, как мы видели, только на цвете кожи и волос. И, действительно, судя по описаниям, гунны были смуглы, а современные венгры не имеют этого признака. Стало-быть, цвет их изменился под влиянием климата точно так же, как он изменился у евреев, переселенных на север, или как белый цвет кавказского племени, населившего Африку (Египет), перешел в бронзовый. Но, с другой стороны, мы видим, что в мадьярах утрачены или перемешаны и многие родовые монгольские признаки, выражающиеся в скелете, перемешаны так, что историки при взгляде на этот народ долго колебались, куда отнести его происхождение. Чистого типа гуннов теперь не существует, а его можно узнать при больших или меньших изменениях в помесях, от него происходящих. Эта помесь совершалась очень давно и очень разнообразно. Народ, который навел ужас на Европу в IV столетии, а в V грозил ей совершенным порабощением, по свидетельству историков, состоял из пестрой смеси племен турко-монгольского и финского происхождения. Их смешение произошло у подножья Уральских гор, исконной родины финнов, куда зашли племена, вытесненные войною и другими неизвестными причинами из своих жилищ в Средней Азии. Кроме того, гунны

увлекли в своем движении и славян; имя их осталось во многих славянских местностях, некогда им подвластных. Стало быть, гунны представляли имя собирательное: гунны, в собственном смысле, были монголы, — мадьяры, по свидетельству Грановского, принадлежали к финскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть гуннского народа, или, правильнее сказать, ополчения.

Из этого краткого исторического очерка можно понять, какое смещение и какое изменение должен был претерпеть монгольский тип при самом первоначальном его водворении в Венгрии. Это смещение продолжалось и в течение всей последующей истории Венгрии. Этим только и можно объяснить ту разнохарактерную смесь венгерского народонаселения, отсутствие чистого типа в этой стране, до такой степени, что одни историки считают родоначальниками венгров финские племена, другие — монгольские, третьи — славянские. Это последнее обстоятельство служит самым красноречивым доказательством нашей мысли о перерождении племени.

В настоящее время венгерский череп характеризуется следующими признаками: верхние челюсти сильно развиты, поэтому лицо приближается к прогнатическому типу. Лоб выгнут мало, затылок — умеренно, а середина черепа — очень сильно. Лицо умеренной длины, широко особенно в скуловых костях и верхних челюстях; в нижней части оно суживается. Нижняя челюсть очень велика, верхняя широка, сильно выдается вперед, дуги их велики и длинны. Вид черепа большей частью продолговато-овальный; лоб низок и узок, лицо сравнительно с черепом велико. Основание носа широкое; надбровные дуги значительно выступают; нижний край глазных впадин большею частью очень толст и выгнут кпереди; скуловые кости толсты, виски умеренно выпуклы; нижняя челюсть крепка и толста, подбородок закруглен и широк.

Точно так же смешанные, переходные формы можно наблюдать у чехов, преимущественно в Праге, где резче выражаются следы помеси с немцами, у сербов, кроатов — следы помеси с венгерцами и северными итальянцами. На юге Франции бросается в глаза помесь с испанцами, что

придает обитающим здесь французам чисто - южный тип, с продолговатым лицом, черными, как смоль, волосами и черными глазами.

Изучая итальянский тип, мы прежде всего обратили внимание на разность теперешнего типа с древне - римским и на отличие северных итальянцев от южных. Кто внимательно всматривался в старые картины, фрески, бюсты и статуи в неаполитанском музее, римских музеях и преимущественно в Ватикане и Капитолии, музеях флорентийских и пр., особенно в бюсты и статуи римских императоров, греческих и римских философов, тот мог воскресить в своем воображении, на основании этого праха древности,—живой образ древне-римского типа.

В этом отношении особенно интересны бюсты первых императоров (Августа, Тиберия, Германика, Клавдия, Нерона, Тита и пр.), потому что они происходили от древних фамилий и не принадлежали, как многие из их преемников, к чуждым племенам.

Тип их большею частью резко характеризуется следующими чертами: вертикальный размер головы короток, вследствие этого лицо широко; верхушка черепа довольно плоская; нижний край челюсти почти горизонтальный, от этого очерк головы спереди подходит к форме четырехугольника. Боковые части головы выше ушей выпуклы, лоб низок, нос настоящий орлиный, т.-е. горб начинается сверху и оканчивается не доходя до конца. Передняя часть подбородка округлена. Этот тип римлянина, резко характеристичный, можно видеть почти на всех бюстах, статуях, барельефах и древних картинах. Стало быть, это был тип народный, его не редко можно встретить и до сих пор в верхней Италии и к северу от Рима. В Неаполе он исчезает или, по крайней мере, становится очень редким.

Всматриваясь в портреты великих поэтов Италии: Данте, Петрарки, Ариосто и Тассо, в картины венецианской школы, в портреты дождей, собранные в бывшем дворце их, и пр., невольно поражаешься лежащим на всех этих портретах отпечатком одной породы. Но эта порода уже несколько отличная от древне - римской; здесь голова

представляется продолговатой, лоб высокий и развитой, нос, загнутый концом книзу, с вздернутыми ноздрями. Этот тип можно и теперь наблюдать в Тоскане, Болонье, Ферраре, Падуе, Венеции и Милане. Он обязан своим происхождением галлам, потому его можно встретить не только в верхней Италии, но и по ту сторону Альп в Швейцарии около Женевы и отчасти во Франции (в Бургундии, Лионской области, Дофинэ и Савойе), что придает теперешним французам некоторое сходство с северными итальянцами.

Сравнивая эти два типа, т. е. чисто римский и современный итальянский, нельзя не придти к тому заключению, что тип древних римлян значительно отличался от нынешнего. Классическая римская красота в настоящее время изменилась и приняла другие формы. Остатки ее, конечно, попадаются и теперь, но это не что иное, как обломки старого типа, перемешанные и сгруппированные с чертами пришлыми, как старые римские здания, реставрированные по новому стилю. Процесс этого вырождения римской нации совершался в течение веков под влиянием исторических переворотов римской империи, при наплыве и смешении разнохарактерных наций, путем замещения, разделения и видоизменения анатомических особенностей, вносимых каждой нацией в потомство при помеси крови ¹⁾.

Как результат этого вырождения, мы видим и теперешнюю разницу между северными и южными итальянцами. Красивые формы встречаются преимущественно в северной Италии. Череп северного итальянца в настоящую эпоху характеризуется следующим: он довольно широк, лицо сравнительно с черепом мало, умеренно длинно и скорее узко, чем широко. Вид черепа широко-овальный; лоб широк и сильно выпуклый, виски сильно выгнуты, затылок широк и плоско-округлый; надбровные дуги не выдаются, отверстия

---

¹⁾ Помесь крови — выражение неправильное, так как при передаче анатомических свойств от родителей к детям кровь в собственном смысле не играет никакой роли; но мы иногда будем употреблять это выражение в смысле смешения рас и племен, потому что оно общепринято и всем понятно. В таком же смысле можно употреблять слова: чистокровный, полукровный и пр.

глазных впадин велики и продолговато - четырехугольны' нижний край их тонко заострен; корень носа, равно как и носовые кости узки; скуловые кости тонки. Вид черепа спереди продолговато - овальный. Кроме этого красивого склада черепа, северный итальянец обыкновенно имеет круглые глаза, небольшой рот, прекрасные зубы, большую, окладистую, большею частью, черную бороду, стройный стан, средний, редко высокий рост при незначительном отложении пигмента в коже и достаточной жировой подстилке. Каждый путешественник, вероятно, обратил внимание на массу выдающихся красавиц и красавцев в Венеции, в Вероне, Милане, Турине, Генуе и отчасти во Флоренции и Риме, что особенно может броситься в глаза во время больших праздников карнавала, в театрах, на общественных гуляньях, при стечении масс народа, когда можно сделать оценку красоты народонаселения.

Совершенно особенный характер южно - итальянского типа можно наблюдать, напр., в Неаполе и его окрестностях. Здешние жители почти исключительно брюнеты; цвет кожи большей частью темно - матовый; черты лица более продолговатые, чем у северных итальянцев; нос длинный, прямой или выгнутый; рот довольно большой; жировая подкожная клетчатка развита очень мало. Вообще, южные итальянцы скорее походят на нынешних греков или наших цыган, а северные более приближаются к типу галльскому или южно-славянскому. Нет сомнения, что в происхождении этих особенностей играло не маловажную роль и действие климата, но существенным образом тип изменился под влиянием помеси крови.

Всматриваясь в польский тип, мы найдем в нем значительные особенности, отличающие его от славяно-русского типа. Череп их довольно велик, короток и очень широк; затылок плоский, лоб сильно выпуклый; средняя часть головы выгнута умеренно; лицо сравнительно с черепом довольно длинно, в верхней части довольно широко, а к низу суживается; глазные впадины малы и мелки (оттого глаза на выкате). Спереди голова кажется продолговато - овальной формы, с высоким и широким лбом; корень носа узок, но-

совые кости довольно велики, при соединении своем образуют плоский нос; нижняя челюсть значительно велика, подбородок довольно узкий.

Выработке польского типа содействовала помесь с соседними племенами. Вследствие географического положения и политических судеб этой страны, жители ее очень рано начали сталкиваться с окружающим их немецким народонаселением, с малороссами, эстонцами, пришлыми голландцами, французами и пр. и находящимися в их среде евреями. Таким образом, у поляков помесь с европейцами произошла раньше, чем у русских славян, и она дала лучшие результаты, чем помесь в России, происходившая в прежнее время с монгольским и с финскими племенами. От этого польский тип выработался несколько совершеннее, чем тип русский.

Эти примеры, надеюсь, достаточно доказывают, что племенной и национальный тип изменчив. Теперь остается указать на несколько примеров того, каким образом совершается это изменение. Изменение типа вследствие помеси наций может быть весьма разнообразно, что зависит от элементов, играющих роль в этой помеси. Кому неизвестно влияние еврейского, армянского или грузинского типа на тип славянский, и наоборот? Между обитателями России эта помесь выдается резче всего. Влияние помянутых племен на славянские черты отражается не только в цвете волос и глаз, но и в форме лица, которое делается уже; кроме того, изменяются форма и направление носовых костей, скул и челюстей, так что в новом поколении выходит большею частью нечто среднее между еврейским или армянским и славянским типами, дающее более красивые формы. Сглаживание и улучшение формы вследствие помеси образуется большею частью не вдруг, а через несколько поколений, когда родоначальные типы, перемешиваясь, совершенно маскируются. Конечно, такое превращение может происходить и быстрее, особенно если на рождающихся детях одновременно отражаются черты обоих родителей.

Всматриваясь в русских красивых брюнеток и брюнетов с продолговатым лицом, широким лбом и прямым, тонким носом, напоминающих собой итальянский тип, мы по воз-

возможности старались анализировать их генеалогию. Большею частью оказывалось, что в ряду их родоначальников, иногда за несколько поколений, были пришлые элементы, именно еврейский, армянский, грузинский или итальянский. При виде таких субъектов можно, в большинстве случаев, смело сказать, что в произведении их от славянского корня участвовали пришлые нации, а иногда при строгом наблюдении— даже какие именно.

Признаки пришлой помеси сохраняются на поколениях иногда очень долго, воспроизводясь в последующих поколениях в форме смешанного типа, если только они не будут парализованы более сильным влиянием чистокровного родителя, вполне отразившего на детях свои национальные черты. Такое возвращение к чистому типу, впрочем, происходит сравнительно реже, чем продолжение смешанного, так как большею частью, при продолжающихся помесях, на рождающемся потомстве воспроизводятся одновременно, хотя и не всегда в одинаковой степени, черты обоих родителей. От этого в общей сложности, при смешении племен происходит мало-по-малу, при различных колебаниях, изменение племенных типов. Напр., при долго продолжающемся смешении брахоцефалов с долихоцефалами, ортогнатических племен с прогнатическими, в общем итоге, наконец, будет средний тип, в котором характеристические резкие черты тех и других утратятся.

При помеси славян с татарами, башкирами, калмыками образуется точно так же смешанный тип, в котором славянские черты будут носить отпечаток монгольского происхождения; в этом случае круглое славянское лицо не суживается и не удлиняется, как при только-что описанной помеси, а, напротив, расширяется и делается более плоским. Форма черепа, относительные размеры лица, формы и степень развития лицевых костей (скуловые и носовые кости, верхняя и нижняя челюсти), форма и направление глазных орбит теряют резкую типичность той и другой расы, выражая собою нечто среднее, как бы переходную форму. От этого между полукровными славянами с примесью монгольской крови мы встречаем типы с татарским

оттенком, что особенно часто можно наблюдать на окраинах России, например, около Астрахани, в Казанской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерниях и в Сибири. Такие смешанные типы при дальнейших генерациях производят подобное же поколение, в котором будут преобладать монгольские или славянские черты, смотря по тому, какого влияния было больше. Так как татарская помесь происходила у нас большею частью очень давно, изменялась и перерождалась под влиянием помесей с другими инородцами, то на таких смешанных типах иногда бывает уже трудно узнать следы их первоначального происхождения, хотя все-таки переродившийся тип будет отличен от типа чисто славяно-русского.

Этим смешением можно объяснить то всем известное явление, что у нас народонаселение почти всех губерний имеет нечто особенное в своей наружности. Сравните, напр., ярославских или московских крестьян с крестьянами Вятской, Нижегородской, Пермской, Петербургской, Псковской, Витебской губерний и пр., и вы увидите разницу их так осязательно, что при некотором навыке можно даже в некоторых случаях приблизительно сказать, к какой губернии принадлежит крестьянин (4). Чем меньше инородцев в губернии, тем славяно-русский тип чище, и наоборот. Этим же мы, между прочим, объясняем и общее отличие русского типа (весьма, впрочем, разнообразного в частностях) от типа других славянских народов, напр., поляков, чехов, сербов и пр., выработавшихся под другими условиями, при других помесях, большею частью с европейскими народами.

До сих пор мы говорили о помеси наций, теперь обратим внимание на помесь фамилий. Кому из путешествовавших по России не известно, что в нашем обширном отечестве встречаются ограниченные местности, отдельные села и деревни, исстари славившиеся, как оазисы среди пустыни, красотой своих жителей. Такая молва большею частью идет не напрасно. В этих селах и деревнях вы действительно встречаете народонаселение и стройное и красивое, иногда с совершенно особенным оттенком, чем в смежных местностях. Образчиком этому может служить, на-

пример, наша Охта, если мы сравним ее жителей с жителями других окрестных петербургских деревень. Объяснить это не трудно, если мы вспомним, что некоторые отдельные местности точно так же славятся красотой и лучшим качеством животных. Так, напр., кто не знает про холмогорских и тирольских коров, про вятских и шведских лошадей, про романовских и шленских овец и пр. Эти животные, раз разведенные от доброкачественных родоначальников и поселенные в известной местности, плодились здесь, сохраняя более или менее свой первоначальный тип даже при продолжающихся время от времени помесях с туземными животными.

Точно так же объяснение вышеприведенного факта исключительной красоты мы должны искать в счастливом происхождении этих жителей от красивых и крепких родоначальников, или в подновлении семейных пород пришлыми, однокровными, но лучшими элементами. Так, например, относительно Охты мы знаем, что жители ее произошли от переселенцев разного рода вольных людей Новгородской, Тверской и Олонецкой губерний, выписанных сюда при Петре I в числе трехсот. Зная, с одной стороны, что жители Новгородской и Тверской губерний и прежде и теперь отличаются стройным и красивым сложением, а вольная молодежь их, выбранная для переселения, по всей вероятности состояла из более способных к работе, следовательно, более рослых и крепких людей; с другой стороны, предполагая, что вольные переселенцы, преимущественно старообрядцы, едва ли в своем поколении допускали помесь с окрестными (туземными) жителями Петербурга,—мы поймем, отчего тип охтян выработался чище и лучше, нежели у жителей окрестных петербургских деревень, где происходили и происходят помеси с финским племенем. С другой стороны, нельзя не допустить и того предположения, что охтянки при своей свободе, в постоянных сношениях с Петербургом, кое-когда подновляли свой род элементами разнообразного петербургского народонаселения.

Относительно деревень, разбросанных в глубине России, большею частью можно сказать то же самое, т.-е. что кра-

сивые жители их произошли от переселенцев из других губерний, отличающихся лучшим типом жителей, или расплодились и усовершенствовались под влиянием пришлых и временных обитателей. В ряду этих последних нужно поставить на первом плане войска и фабричных рабочих. Что долго продолжающиеся военные постои имеют влияние на тип нового поколения занимаемой ими местности, в этом внимательному наблюдателю убедиться легко. Рослые и бравые солдаты, особенно гвардейских и лейб-гренадерских полков, сплошь и рядом служат рассадниками красивого народонаселения, незаметно сглаживают фамильные недостатки данной местности, обновляют вырождающееся племя, точно так же, как в сельско-хозяйственном быту кровные или полукровные животные (приводимые с заводов) поддерживают и поправляют мельчающую расу деревенского скота (5). Мы слышали, что описанное влияние солдат было давно известно помещикам, и что некоторые из них, по экономическим расчетам, будто бы желали в своих деревнях военных постоев, находя, что налоги от них значительно вознаграждаются в будущем приобретением большого количества живых рабочих сил. Как бы то ни было, но, сравнивая народонаселение местности, где долго квартировали войска, с народонаселением местности, где не было этих постоев, мы почти всегда найдем, что жители первых превзойдут рослостью и силой.

И это будет еще понятнее, когда мы разберем законы вырождения и подновления фамилий,—влияние помеси крови и отборно доброкачественных племенных рассадников на новое поколение данной местности. Кроме солдат, такую же роль могут играть, хоть и в меньшей степени, и другие пришлые и временные обитатели, как, напр., рабочий ремесленный люд, приходящий на заработки из других губерний, мелкие торговцы (напр., вязниковцы, офени и пр.), фабричные и т. п. Влияние их на тип жителей данной местности менее заметно, нежели от солдат, так как численность первых несравненно менее, но оно все-таки есть.

Уральские, донские и малороссийские казаки славятся своим ростом и красотой. Тип донской казачки

имеет в себе нечто особенное (черные быстрые глаза, черные брови; тонкий, большей частью прямой нос; лицо более продолговатое, чем у других славяно-русских женщин; стройный стан и пр.), точно так же, как и тип казака, если его сравнивать с велико-русским крестьянином. Развитие такого типа будет понятно, если мы вспомним историю образования казачества. Даже прежде того, напр., во времена Владимира, в Киеве и вообще в южно-русской земле население было более смешанное, чем в другой местности: тут были и греки, и варяги, шведы, датчане, поляки, печенеги, немцы, евреи и болгары. Эта пестрота народонаселения естественно давала поводы к помесям. Не только Киев, но и вся киевская земля населена была такою смесью. Население здесь увеличивалось не посредством народного размножения, а передвижением его из разных более или менее отдаленных стран. Поэтому на юге России, при наплыве разнообразного народонаселения и постоянных столкновениях с разнохарактерными соседними и пришлыми племенами, тип южно-русский мог вырабатываться лучше. Богатыри Владимира, даже женщины того времени, славились высоким ростом, необыкновенной физической силой и удалью.

Впоследствии казачество на Днестре и на Дону еще более выработало и усовершенствовало южный славянский тип. Эти древние русские рыцари составляли наплыв более энергического народонаселения из всех краев русского государства. Ряды казачества наполнялись людьми недовольными, теми, кто не уживался в обществе, для кого не по натуре были его узы,—стало-быть, сравнительно, людьми лучшими. В закладке донского казачества, равно как казачества по берегам Волги, Яика, Терека, лежала уже более или менее выработанная малороссийская народность. При политической свободе и при частом обновлении племени, естественно, тип казаков усовершенствовался быстрее, чем тип крестьянского народонаселения.

Таким образом можно объяснить происхождение областных и фамильных особенностей типа и во всех других местностях.

Вышеприведенные факты и рассуждения, надеюсь, показывают ясно, что типы человеческие изменчивы и переходчивы, что они существенным образом подчиняются влиянию помеси и отчасти—влиянию окружающей среды. Сознание этого служит краеугольным камнем для дальнейших наших рассуждений. Теперь мы должны показать причины и условия изменяемости типа, именно начать с наследственности, потому что без знания законов ее нельзя понять, каким путем род человеческий совершенствуется или вырождается.

Глава вторая.

Значение наследственности в изменяемости человеческого типа.

Чтобы яснее представить процесс вырождения или усовершенствования человеческих пород, необходимо познакомиться с общими физиологическими законами наследственности.

В настоящее время, конечно, никто не будет сомневаться в том факте, что материальное необходимое и существенное условие развития состоит в слиянии мужского элемента — семенного живчика с женским элементом — яйчком ¹⁾. Зародыш есть продукт этого слияния.

¹⁾ Яички существуют в яичниках со дня рождения женщины, но жизнь их остается, так сказать, в скрытом состоянии до тех пор, пока не наступит период половой зрелости, обнаруживающийся появлением месячных очищений. В это время яички начинают созревать, и начинают формироваться графовы пузырьки. Эти последние, названные по имени доктора Reunier Graaf'a, описавшего их в первый раз, суть не что иное, как пузырьки величиною с небольшую вишню, наполненные полупрозрачною жидкостью, в которой помещается женское яичко; графов пузырек не играет никакой роли в воспроизведении рода и назначен только, как вспомогательный орган, для выведения яичка из центра яичника к периферии. При полной своей зрелости этот пузырек, выдвигающийся над поверхностью яичника, разрывается, и из него вместе с жидкостью выступает яичко, воспринимаемое тут же концом фаллопиевой трубы. В это время происходит и встреча яичка с семенными живчиками. Разрыв графова пузырька у женщины большею частью случается во время месячных очищений, но может быть и в другое время.

Самое яичко представляет собой едва различимое невооруженным глазом круглое тело, в котором различают, начиная снаружи оболочку, желток и в середине желтка еще меньший пузырек, наполненный полупрозрачною жидкостью, открытый физиологом Пуркиньи в яйце птиц и Костом — в яйце млекопитающих. Этот пу-

Как яичко, так и семенной живчик носят в себе, подобно зерну растения, скрытые задатки индивидуальных особенностей того липа, которому они принадлежат. Как из макового зерна не разовьется колос, из куриного яйца не выйдет фазан, так и из семенного живчика или яичка от лиц кавказской расы не произойдет негр или калмык. Мало того, через помянутые элементы размножения передаются и более частные, индивидуальные способности—цвет волос и глаз, очертание лица, свойства сложения и пр., так что новый индивидуум получает отпечаток родителей. На этом основано явление наследственности и сходство родителей с детьми.

Зырек Пуркинъи и составляет самую сущность женского яичка, из него собственно и происходит развитие зародыша, тогда как желток яичка играет роль питательного материала. Может показаться странной громадная несоразмерность между женским микроскопическим яичком и яйцами птиц, но нужно помнить, что яичко млекопитающих, тотчас после своего оплодотворения, соприкасается со стенками половых частей матери (фаллопиева труба, матка) и оттуда получает питание, тогда как у птиц зародыш развивается в яйце до полной своей зрелости; следовательно, он должен иметь здесь значительный запас питательного материала, необходимого для развития птичьего зародыша. Месячные очищения у женщин и течка у животных есть не что иное, как результат созревания и выхода яиц, стало-быть, это есть наружное проявление факта половой зрелости и способности к зачатию.

Самый существенный элемент в мужском семени представляют семенные живчики (семенные нити, сперматозоиды). Если исследовать семенную жидкость под микроскопом, то в ней замечается громадное количество этих живчиков, двигающихся с большой энергией в различных направлениях. Каждый живчик состоит из тонкой нити с оливкообразным или овальным утолщением на одном конце (головка). Другой конец живчика, постепенно истончающийся, называется хвостиком. Живчик всегда двигается головкой вперед, делая довольно быстрые колебания хвостиком, в роде того, как мы видим при плавании головастиков или небольших рыбок. Движение сперматозоидов, а равно и оплодотворяющая их способность, быстро прекращается от холода, действия кислот, раствора щелочей, опиума, стрихнина, желчи и катарральной слизи влагалища. Поэтому женщины, страдающие белями, забеременевают с трудом. Несмотря на самостоятельные разнообразные движения семенного живчика, его все-таки нельзя назвать животным в собственном смысле, потому что в нем нет внутренней организации, свойственной животному. Семенные живчики у

С другой стороны, на процесс возрастания имеют влияние среда, условия питания, развития, упражнения органов, так что унаследованные признаки могут получить через это то или другое направление, вследствие чего сходство детей с родителями может приближаться или отдаляться, особенно в течение нескольких поколений.

Если признаки супругов, произведших новой индивидуум, существенно различны, то на новый особи обыкновенно отражаются или признаки одного из родителей, преобладавшего в воспроизведении, или смесь признаков того и другого. В последнем случае продукт не будет вполне походить ни на одного из родителей, а представит нечто среднее между тем и другим. В свою очередь, эта новая личность, при своем собственном размножении, может передать, по тем же законам, или свои личные признаки всецело, или только признаки, унаследованные от одного из родителей, или те и другие в смеси с признаками того лица, с которым оно вступило в брачные сношения. На этом основано изменение породы путем помеси крови.

Если новая особь, носившая в себе сочетание признаков отца и матери, при своем размножении передает признаки одного из своих родителей, тогда проявляется сходство внучат с дедами. Такой возврат к родичам, вероятно, может случиться и через несколько генераций, если ослабленные в родителях свойства снова усилятся в потомках вследствие благоприятных условий. В этом заключаются общие основания наследственности. Почему в одном случае потомок получает больше свойств от отца, чем от матери, в другом—наоборот,—решить трудно. Во всяком случае, здесь,

---

всех позвоночных животных составляют необходимый элемент воспроизведения. У зрелого мужчины они существуют во всякое время, поэтому человек способен оплодотворять всегда, между тем как у животных образование семенных живчиков происходит через известные сроки, и только в эти сроки животное обладает оплодотворяющей способностью.

Мы сочли нужным вкратце рассказать об элементах размножения, без чего для читателей, не изучавших этого предмета, дальнейшие наши указания на свойства и роль этих элементов были бы не ясны.

кажется, должно играть некоторую роль свойство живчика и яичка. Может быть, сравнительно лучше развитой живчик обуславливает преобладание отцовского влияния. Противоположный случай, т.-е. проникновение слабого в развитое и доброкачественное яичко, дает место преимущественному проявлению в зародыше свойств матери. Это предположение можно подтвердить теми фактами, что у крепких, здоровых и энергичных женщин, зачавших вскоре после месячных очищений (преимущественно период зрелости яичек), рожденные дети чаще походят на мать. Но, повторяем, этот закон сходства далеко еще не подмечен и не определен ни у человека, ни у животных, и это служит существенным препятствием рациональному улучшению породы.

Относительно живчика и яичка мы знаем, что они во время половой жизни не остаются в одном и том же состоянии, а первые постоянно нарождаются, вторые созревают и потом снова приходят в увядание, исчезают. Кроме того, мы знаем также, что общее расстройство организма или местные болезни половых органов имеют большое влияние на свойства элементов размножения. У людей больных или слабых, семенные живчики оказываются вялыми, мало подвижными и мало развитыми, так что, наконец, они делаются неспособными к оплодотворению. Это мы замечаем также у стариков и лиц истощенных, особенно злоупотреблением половых сношений. С другой стороны, у людей крепких, здоровых и воздержных по виду и энергии живчиков можно судить о более совершенном их развитии. Оплодотворяющая способность таких людей обыкновенно бывает развита в сильной степени, и новая особь, происходящая вследствие такого оплодотворения, развивается лучше и правильнее.

То же самое мы видим и в женских яичках. Процесс оплодотворения может застать их в различные эпохи развития (вследствие преждевременного разрыва граафова пузырька) и при различных качествах. Поэтому яичко в некоторых случаях хотя и может воспринять оплодотворение, но по слабости своего развития сравнительно с семенным живчиком оно будет оказывать меньше влияния на структуру и

отличительные черты нового индивидуума. Во всяком случае, нельзя отвергать, что от степени развития, здоровья и энергии элементов размножения зависит большая или меньшая степень участия этих элементов в форме и свойствах развития плода. Стало-быть, есть основание допустить, что сходство детей с одним из родителей обуславливается преобладанием силы элементов этого развития. Поэтому у старых, истощенных или больных мужей дети гораздо чаще походят на мать, чем на отца. Из вышесказанного можно вывести следующее практическое применение: если женщина желает, чтобы дети походили на нее, то больше шансов достигнуть этого в том случае, когда оплодотворение будет совершено вскоре после месячных очищений, когда больше можно рассчитывать на зрелость и более совершенное развитие яичка. С другой стороны, мужчина больше может рассчитывать на сходство со своим поколением тогда, когда трата семени у него происходила в большие промежутки времени, стало-быть, когда семенные нити успевают более развиться. Ежедневные сокоупления в этом отношении будут служить не в его пользу. Онанисты, люди, страдающие произвольным истечением семени или злоупотребляющие половыми сношениями, значительно ослабляют силу своих семенных живчиков, так что становятся или вовсе непроизводительными, или, по крайней мере, мало уделяют своего влияния на развивающийся вследствие такого оплодотворения плод.

Некоторые читатели могут подумать: не слишком ли мы ограничили причину сходства детей с родителями, приписывая это только семенному живчику и женскому яичку? Казалось бы, что в этом отношении со стороны матери надо было указать и на другое влияние—влияние почвы, на которой развивается утробный плод, влияние материнской крови. Но мы напомним читателю, что кровь матери здесь играет роль только питательного материала, притом доступного зародышу не с самого начала беременности, а по истечении известного времени, когда зачатки органов плода уже существуют. Мало того, даже самое яичко не все участвует в воспроизведении органов и форм нового индивидуума, а

только известная, самая незначительная его часть, именно зародышевый пузырек с зародышевым пятнышком. Остальная часть яичка тоже составляет только питательный материал. Это мы яснее увидим на курином яйце, в желтке которого каждый может заметить сероватое пятнышко, с горошину величиной. В этом-то пятнышке и происходит начало и вся сущность будущего цыпленка; здесь, как и в зерне, скрыты и сосредоточены все готовые уже отличительные формы нового животного, а вся масса желтка назначена для того только, чтобы дать средства на счет ее развиться этим формам. Стало-быть, и материнская почва вместе с желтком яичка не играет никакой роли в воспроизведении признаков новой особи, а, как земля для зерна растения, представляет только необходимую среду для развития скрытых в существенных элементах размножения форм и признаков. Поэтому влияние матери на форму и признаки плода совершенно равносильно влиянию отца. Другое дело—здоровое питание и развитие плода: это зависит уже от матери, стало-быть, только в этом отношении она и может гордиться своим большим влиянием.

Итак, мы знаем вообще, что у животных и человека дети носят отпечаток производших их родителей. Впрочем, в человеческом роде в этом отношении мы встречаем нередко отступления от общего правила: видим, что дети совершенно не походят ни на отца, ни на мать, представляя иногда черты близких знакомых (мужчин) или дальних родственников. На подобных фактах и было когда-то основано учение о заглядывании и передаче фамильных признаков через несколько поколений. То и другое учение держалось очень долго и по настоящее время так упорно держится в публике потому, что оно представляет много успокоительного для мужей и законный щит для жен в тех случаях, когда на детях их обнаруживается совершенно чуждый тип.

Теория заглядывания для некоторых людей имеет тем более доказательной силы, что основание ее кроется еще в книгах священного писания. В подтверждение этого ссылаются на историю Иакова, жившего у дяди своего Лавана,

когда он будто бы подметил этот закон природы. Известно, что по условиям, сделанным между этими двумя лицами, пестрые овцы должны были принадлежать Иакову, а одноцветные—Лавану. С целью размножения как более пестрых овец, Иаков начал класть в бассейны пестро струганные палочки, на которые овцы должны были смотреть во время водопоя, и это отражалось на цвете шерсти приплода. Этой уловкой Иакова, перехитрившего Лавана, воспользовались впоследствии и жены, чтобы перехитрить мужей. В случае, если родившийся ребенок их носил черты какого-нибудь *ami de famille*, это объясняли заглядыванием, т.-е. что беременная женщина часто смотрела на близкое лицо, и оттого черты его отразились на ребенке.

На основании той же теории, разделяемой когда-то врачами и физиологами, советовали окружать беременных женщин изящными предметами (красивыми картинами, цветами, вообще комфортом) с целью приобрести более красивое потомство.

С другой стороны, теорией заглядывания объясняли также и различные уродства или физические недостатки на рождающихся детях, напр., прирожденные болезни кожи, родимые пятна, в форме которых искали изображения того животного, которым была напугана женщина во время беременности (большею частью мышь, крыса). Само собой разумеется, что подобные взгляды на происхождение красоты или безобразия детей смело могут быть отнесены в настоящее время к разряду нелепых басен, порожденных и поддерживаемых невежеством.

Мы уже видели, что тип рождающемуся потомству передается исключительно через мужское семя (семенные живчики) или женское яичко, следовательно, этот тип неизбежно должен носить отпечаток или отца, или матери, или обоих вместе, видоизменяясь таким образом вследствие новой группировки признаков и видоизменений их от такого сочетания. Поэтому на родившемся ребенке мы видим иногда всецело воспроизведенный тип одного из родителей или, еще чаще, черты того и другого, напр., глаза отца, брови и ресницы матери и т. п. Форма этого сочетания может

быть весьма разнообразна и в некоторых случаях до такой степени может затемнить сходство, что ребенок представляется как бы с новым типом. Точно так же, как от смешения двух красок образуется новый цвет, и от смешения двух физиологических элементов происходит новый тип, который все-таки должен представлять собой не что другое, как результат этого смешения. Закон этот, так точно определенный относительно красок, конечно, далеко не исследован относительно происхождения человеческих типов, но все-таки в общих чертах он известен. Например, блондин и блондинка не могут произвести кровного брюнета. Точно так же, если мы видим на ребенке прямой и тонкий нос, мелкие глазные впадины (глаза на выкате), тонкие и узкие скуловые кости, тонкий и острый подбородок, тогда как у обоих родителей эти черты совершенно противоположны, то, разумеется, такой экземпляр скорее заставит сомневаться в действительности законного родителя, чем в общих законах наследственности.

То же самое нужно сказать про те случаи, когда на ребенке отражается какой-нибудь резкий национальный тип, напр., еврейский, армянский, татарский и пр., когда родители не принадлежат к этим нациям и в своих чертах не имеют с ними ничего сходного. Впрочем, при кажущемся несходстве детей с родителями, достаточно иногда подметить в них один какой-нибудь резкий признак отца (напр., нос, глаза, какую-нибудь особенность сложения), чтобы убедиться в действительном их происхождении от данного родителя, несмотря даже на резкое несходство во всех других отношениях.

На одном ребенке никогда не могут быть следы двух отцов, так как зачатие совершается непременно вследствие одного плодотворного совокупления. Поэтому, если плод хотя одной чертой доказывает происхождение свое от законного отца, то все другие несходные черты должны быть объяснены или смешением материнских и отцовских признаков, или наследственностью через одно или два поколения.

Мы сказали, что смешение типов, как и смешение красок, имеет свои законы и пределы, точного определения

которых нужно ожидать еще от будущих исследований. Теперь об этом можно сказать одно,—что основание этих законов, т.-е. перехода красок и форм, должно быть чисто физическое и механическое. Так, в этом отношении для нас очень понятно, если у брюнета и блондинки ребенок будет иметь русые волосы и карие глаза, от широколицего и длиннолицей родится плод с овальным лицом, от негра и белого родится мулат и пр. Словом, при сочетании противоположных или различных качеств являются черты переходные, в которых резкие особенности одного элемента сглаживаются на счет другого. На этом основано происхождение новых типов и усовершенствование существующих. При этом мы должны еще упомянуть об усилении типа, вследствие сочетания двух однообразных элементов. Так, от русских родителей могут родиться белокурые дети, от двух брюнетов может явиться еще более окрашенный или даже рыжий тип, при чем на потомстве иногда являются и другие признаки этого типа, которых не было на родителях, напр., курчавые волосы и т. п. Законы усиления тоже не исследованы в точности, хотя существование их несомненно. Вообще законы усиления и разделения признаков на потомстве могут быть выражены математически: два однообразных элемента дают в смешении или однородное произведение, или сумму взятых качеств; два разнообразных элемента производят разделение или математическую разность качеств того и другого, т.-е. смешанный тип.

Кроме теории заглядывания, несходства детей с родителями часто объясняют передачей признаков через поколение (возврат к родичам). Если ребенок не похож ни на отца, ни на мать, то обыкновенно говорят, что он вышел в бабушку, прабабушку, дедушку, тетку и т. п. Такое толкование не противоречит научным наблюдениям, хотя нужно сознаться, что им в жизни злоупотребляют довольно часто, произвольно расширяя пределы помянутого закона и давая необузданную волю воображению при отыскивании сходственных признаков. Поэтому мы считаем нужным несколько распространиться здесь об этом предмете.

Передача признаков не непосредственно от родителей к детям, а скачками, через одно или два поколения, составляет весьма интересный биологический факт, но факт еще мало исследованный. Резким, неопровержимым доказательством этому могли бы служить те случаи, когда таким образом передаются в потомство различные патологические неправильности сложения и наследственные болезни, которые гораздо легче отличить, и легче проследить порядок их происхождения, нежели сходство в анатомических чертах (на основании последних можно судить только приблизительно, с большим или меньшим вероятием). Действительно, случаев такой передачи в медицинской литературе можно отыскать несколько. Так, напр., случалось наблюдать передачу через поколение наследственного помешательства, порочного развития конечностей (короткие руки, излишние или сросшиеся пальцы и пр.).

Здесь нужно допустить странную гипотезу, что ненормальные качества семени деда произвели свое влияние не на развитие первого поколения, а только на семя того поколения, от которого развились уродливые внуки. Такая гипотеза была бы слишком смела и произвольна, потому она может иметь место только тогда, когда будущие более точные наблюдения действительно покажут несомненность вышеприведенных фактов передачи патологических недостатков через поколения.

Итак, мы можем сказать, что путем непосредственной или посредственной передачи анатомических и физиологических свойств от родителей к детям сохраняются, в течение известного времени, фамильные особенности или фамильный тип, равно как и тип целой нации. Рано или поздно, однако же, этот тип маскируется и совершенно изменяется, или вследствие преобладающего влияния новых, пришлых элементов, или вследствие обмельчания, вырождения, при недостатке подновления крови.

При вопросе о наследственности, мы кстати коснемся образования полов. Причины происхождения полов доискивались с давних времен, придумывали на счет этого и странные, и более или менее правдоподобные ги-

потезы, но все это до сих пор имеет весьма шаткие основания. В прежние времена (Гиппократ) приписывали разность полов разности яичек или яичников, из которых произошло оплодотворившее семя или оплодотворенное яичко. Так, например, по этой теории яичко, вышедшее из правого яичника, давало при оплодотворении мальчика, из левого яичника—девочку.

Но эта гипотеза пала сама собой, когда накопившиеся факты показали наблюдателям, что женщины с одним яичником (при уничтожении другого вследствие болезни или операции) рождали одинаково и мальчиков и девочек; то же самое и мужчины с одним семенником производили детей обоих полов.

Аристотель дал намек на другую причину разности полов, именно на разность возраста родителей. На эту идею обратили особенное внимание позднейшие исследователи и на основании ее создали целые теории и старались вывести точные законы о происхождении полов. Так, напр., Жиру, исследовавший этот вопрос на баранах, говорит, что „пол продукта более или менее зависит от относительной силы спаривающихся особей. Продукт старого отца и молодой матери тем менее походит на отца, чем дряхлее он, и чем сильнее она, а продукт от старой матери и молодого отца тем менее походит на первую, чем она слабее, а он сильнее. По свидетельству Мертегута (1861), в овчарне Biale в Blanc весьма сильные бараны спаривались с слишком молодыми и с очень старыми овцами, вследствие чего рождалось большее количество самцов. Наоборот, от спаривания сильных овец с слишком старыми баранами преимущественно получались самки.

Профессор медицины в Тюбингене Гофаккер в 1828 году опубликовал свою теорию, по которой причина пола плода должна заключаться в возрасте родителей. Эту теорию он составил на основании фамильных списков тюбингенских жителей, из которых он взял 2.000 детей и проследил их происхождение. Он разделил в этом отношении браки на несколько классов, в которых разность родителей была 1—3 лет, 3—6 лет и 9—12 лет и вывел из своих иссле-

дований следующие законы: 1) Если жена старше мужа, то от такого брака вообще родится больше девочек. 2) Равным образом родится больше девочек, чем мальчиков, и в том случае, если отец и мать одинакового возраста (женщина, рожденная в одном году с мужчиной, в замужестве должна считаться старше его, так как она вообще скорее старится). 3) Если муж старше жены, то у них больше родится мальчиков, и именно в возрастающей прогрессии с разностью возраста родителя.

Вскоре после этого Michael Thomas Sadler опубликовал подобные же наблюдения (Law of Population. London. 1830. 3-я глава 4-й книги). Он имел в виду 2068 детей. В 54 супружествах муж был моложе жены, и от этих супружеств родилось 122 мальчика и 144 девочки, следовательно, отношение первых к последним было как 865 к 1000. В 18 супружествах возраст родителей был равный, от них родилось 54 мальчика и 57 девочек или 975 мальчиков к 1000 девочкам. В 309 случаях муж был старше жены, и от этих браков родилось 929 мальчиков и 765 девочек, следовательно, мальчики относились к девочкам, как 1214 к 1000. Далее, разбирая эти последние браки по категориям, Задлер нашел, согласно Гофаккеру, что чем старше был муж, тем больше у них родилось мальчиков. После того этот, так называемый Гофаккер-Задлеровский закон относительно происхождения полов был проверен многими исследователями (Gochlert, Noirot, Legoyt, Warrens и др.) в обширных размерах, и каждый раз он более или менее оправдывался. Само собой разумеется, что при оценке этого закона нужно брать во внимание целые массы, а не отдельные случаи.

Только в последнее время исследования цюрихского профессора Бреслау оказались не совсем согласными с вышеприведенными вычислениями. В 1862 году в Цюрихском кантоне от браков, где муж был старше жены, родилось 3114 мальчиков и 2851 девочек (1092 мальчиков на 1000 девочек); от браков, в которых муж и жена были одинакового возраста, было 326 мальчиков и 290 девочек (1124 на 1000 девочек), а где жена была старше мужа—949 маль-

чиков и 878 девочек (1080 мальчиков на 1000 девочек). Из этого видно, что при всех отношениях возраста родителей оказывалось мальчиков больше, чем девочек, но все-таки и в этом вычислении существуют колебания в их перевесе сообразно с разностью возраста родителей.

Доктор Буден (Boudin) в 1863 г., в заседании Парижской Академии Наук (23 февраля), представил записку под заглавием: *De l'influence de l'âge relatif des parents sur le sexe des enfants*, в которой закон Гофаккер-Задлера опять подтверждается. По его исследованиям, от браков, где муж был моложе жены, рождалось 1000 девочек на 910 мальчиков; где супруги были равного возраста, там пол детей относился как 1000 : 945; а где отец был старше, там на 1.000 девочек родилось 1092 мальчика.

Из всего сказанного можно с большей или меньшей основательностью заключить, что относительный возраст родителей, кажется, должен иметь влияние на происхождение пола детей. Этим влиянием, во всяком случае, легче всего объяснить тот общий статистический закон, по которому во всех городах и местностях, в больших и малых родильных домах, всегда число рожденных мальчиков бывает больше, чем девочек (1092 на 1000), может быть, именно потому, что в нормальных браках муж всегда несколько старше жены.

Почти то же самое показали и помянутые исследования Мертегута в овчарне Biale. Самые благоприятные спаривания для мужского приплода были для двухлетних овец с двухлетними баранами (56,11%), трехлетних овец с четырехлетними баранами (56,76%), четырехлетних овец с пятилетними баранами (58,29%). Если возраст барана превышал возраст овцы более, нежели одним годом, то число мужского приплода превышало среднее количество (5,07%); если же мать была старше отца, то количество мужского приплода уменьшалось. Такие же наблюдения сделаны были над рогатым скотом, из которых видно, что отношение возраста спаривающихся особей имеет большое и постоянное влияние на количество мужского и женского приплода. Но, чтобы эти наблюдения имели полное значение, необходимо

было бы обращать внимание и на количество случек каждого барана и на сроки этих случек. Если предположить, что от барана требуется больше силы для мужского приплода, то нельзя забывать, что эта сила должна уменьшаться от слишком частой случки, так как количество семенных живчиков и зрелость их при этом уменьшается. Сельские хозяева на это имеют положительные факты. Ежегодно наблюдается ими, что в начале яра, пока баран обладает полною силою, он производит более самцов, чем самок. Несколько дней спустя, когда овцы в большом количестве приходят в охоту, и баран истощается от частой случки, тогда получается от него более самок, чем самцов. Когда, наконец, этот период яра начинает проходить, и число в охоту приходящих овец уменьшается, тогда мужской приплод делается снова преобладающим. Это может служить подтверждением вышеприведенного нами положения, именно, что частая потеря семени препятствует как воспроизведению мужского поколения, так и сходству детей с отцом.

Наконец, из новых теорий о происхождении полов, мы должны упомянуть о теории Тюри (Thury). Она основывается на степени зрелости яичка в различные периоды течки. Эта теория односторонняя уже по тому самому, что здесь берется во внимание только один из элементов размножения, именно женский. С другой стороны, проверить и доказать эту теорию фактами было бы очень трудно, потому что наблюдать степень зрелости яичка мы не имеем никаких средств. Поэтому теория Тюри навсегда должна остаться шаткой и произвольной гипотезой. К женщинам она не применима, так как период овуляции (созревания и выхождения яичек) у них не бывает так резко ограничен, как у животных; разрыв графовых пузырьков и выхождение яичек у них, по всей вероятности, совершаются и вне менструальной эпохи. По крайней мере, срок зачатия у женщин в наибольшем числе не совпадает со сроком месячных очищений.

Из всего вышесказанного о происхождении полов можно вывести только то заключение, что пол плода, так же, как и его наследственные свойства и признаки, зависит от пре-

обладающего влияния одного из супругов, или, лучше сказать, от преобладающего влияния и силы одного из элементов размножения. Зрелость яичка и семенного живчика, возраст и сила родителей составляют только условия этого преобладания, условия, в число которых можно бы было включить и несколько других побочных, которые также могли бы содействовать или противодействовать этому преобладанию и, стало-быть, по вышеозначенным теориям, тоже могли бы быть включены в число причин происхождения полов (6).

Теперь мы скажем о передаче наследственных качеств в частности. Потомству могут быть переданы от родителей все анатомические, физиологические и даже отчасти психические качества. При браках одноплеменных в этой передаче нет ничего особенного. Новый индивидуум обыкновенно с большей или меньшей отчетливостью воспроизводит в себе признаки родителей. Другое дело при браках разноплеменных, при помеси крови. Здесь не все признаки родителей передаются одинаково легко и скоро.

Мягкие части тела—развитие мышечной системы, количество подкожной жировой клетчатки, характер кожи и волос и прочее обыкновенно при наследственности представляются очень подвижными. У птиц и млекопитающих не представляет большой трудности произвести животное путем рационального подбора, так сказать, по заранее определенному рисунку с известными крапинками и цветными пятнами, и для этого не требуется многих генераций. Искусный заводчик сэръ Джон Себрайт говаривал (по свидетельству Дарвина) относительно голубей, что он беретя произвести всякое данное перо в 3 года.

На основании такой наследственности английский фермер Бакуэль создал целые породы домашних животных, сложение которых вполне соответствовало предположенной цели. Он хотел, напр., чтобы у быков, назначенных для бойни, мясистые части, составляющие лучшие куски, развились на счет частей худших. После пятнадцатилетних опытов ему удалось развести многочисленную породу быков, у которых головы и кости отличались очень малыми размерами,

ноги были короткие, брюхо узкое, кожа тонкая и нежная, между тем как грудь и бедра были очень массивны, и мышцы этих частей развиты до того, что вес их равнялся двум третям всего веса животного. Соображая, что рога у животного бесполезны и часто даже опасны, Бакуэль произвел виды, не имевшие вовсе рогов. Таким же образом он развел породу больших лошадей, употребляемых в Лондоне для перевозки тяжестей.

Но самое обширное поприще для искусственного разведения животных путем подбора и наследственности и вместе с тем верх успеха—был на овцах. Здесь при разведении старались преследовать различные цели. Англичане смотрели на овцу, как на питательный материал, поэтому те части ее тела, которые доставляли лучшее мясо, старались развить до наибольших размеров. Для этого они разводили таких животных, которые уже в молодости были бы способны отлагать мясо и сало; в результате у таких животных до последней возможности развита подкожная жирная клетчатка. У этих овец подкожный слой сала может быть так толст, как у свиньи (английская овца). При разведении мериносовых пород старались, наоборот, обращать исключительное внимание на шерсть, тонкость и мягкость ее. В какой степени эта цель достигнута, каждый может судить по сравнению тонких шерстяных материй из мериносовой шерсти с грубыми произведениями из шерсти обыкновенной. Наконец, некоторые овцеводы желали соединить на породе оба качества, т.-е. мяса и шерсти, и более или менее достигли этого результата скрещиванием мериносовой и лейчестерской пород.

Не только родовые и фамильные признаки могут передаваться потомству, но даже и те особенности, которые составляют случайные отступления, игру природы. Примером этому может служить недавно разведенная порода моршанских овец, отличающихся необыкновенно тонкой шерстью, почти не уступающею шерсти кашмирской козы. Порода эта произошла таким образом. В овчарне родился очень слабый барашек, с необыкновенно тонкой шерстью, так что сначала его сочли было за уродца, ни к чему не пригод-

ного. Этого барашка случили с мериносовой овцой, и тонкая шерсть стала постоянно передаваться потомственно на всем поколении.

То же самое наблюдается и у человека: например, известны целые породы тучных людей, у которых тучность составляет фамильное качество. Ожирение, так часто встречающееся в купечестве и духовенстве, происходит как от образа жизни, так и от наследственности. Славянские овальные или шаровидные объемистые груди у русских женщин обязаны своим происхождением тоже наследственности. Так называемые козлиные, финно-татарские бородки, с редкими желтоватыми волосами держатся в русском населении в таком огромном количестве благодаря наследственности. В частности, волосы с их цветом, распределением, густотой и редкостью и пр. передаются по наследству очень легко, точно так же, как форма и цвет глаз, качество кожи и мышечной системы.

Потомству передаются не только природные, но и искусственно развитые свойства. Так, например, когда при разведении рогатого скота старались обращать преимущественное внимание на его молочность, старательно выдаивая коров, то эта молочность сделалась достоянием целых поколений. Напротив, молочность совершенно пропадает, если животные несколько генераций совершенно не доятся. Так, венгерский скот, воспитываемый обыкновенно на убой, вовсе не дает молока, но если его отдаивать, то через несколько генераций молочность снова восстанавливается. Европейская корова, завезенная в Колумбию, где ее перестали доить, перестала давать молоко, за исключением того, которое высасывает теленок.

Повторение этого факта мы видим и у женщин. У аристократок, например, и вообще у женщин, которые не кормят своих детей, груди почти совершенно исчезают, так что в целом потомстве, путем наследственности, этот орган представляется весьма мало развитым, и плоскогрудые женщины по необходимости делают искусственные груди. В Германии и отчасти во Франции груди у женщин вообще развиты гораздо меньше, чем у женщин русских, и это зависит

не от одних корсетов, а, главным образом, от недостатка упражнения этого органа. Многие птицы, добывающие себе пищу из почвы, редко летают, и у них почти нет крыльев. У домашней утки кости крыла развиты менее, чем у ее дикого родича, тоже вследствие недостатка упражнения. От этого же так мало развиты глаза у крота и других роющих грызунов.

С другой стороны, точно так же передаются наследственно и те особенности, которые вырабатываются постоянным упражнением. Так, напр., у рысистых лошадей через постоянные упражнения способность к бегу все более и более увеличивается, и сообразно с этим слагаются и формы тела. Рысистый бег, как всем известно, передается наследственно. Те породы животных, которые ходят по горам и на них отыскивают себе пищу, отличаются особенною силою и ловкостью. Эта сила и ловкость, выработанные упражнением, передаются по наследству и составляют потом характеристические черты известной породы.

Изощрение чувств представляет также наследственный признак. Это яснее всего видно на животных, которые по образу жизни или вследствие искусственного упражнения развивают в себе то или другое чувство преимущественно и потом это изощрение передают целому поколению. Резкий пример этому могут представить нам охотничьи собаки. Известные породы собак выработали в себе наследственную способность к известного рода охоте (сеттер, гончая собака и пр.), и потому порода таких собак охотниками особенно ценится. Приморские жители и жители степей приобретают вследствие постоянного упражнения способность дальнозоркости, которую потом передают потомству.

Кроме анатомических свойств и признаков, путем наследственности передаются и физиологические особенности. Сюда можно причислить необыкновенное плодородие. Таким плодородием, например, отличается известная романовская порода овец, разводимая преимущественно в Романо-Борисоглебском уезде Ярославской губернии. Она плодится 2 раза в год, и это составляет наследственный признак.

Примеры фамильного плодородия нередки и в человеческом роде. Мы приведем здесь некоторые из них. В записках В. А. Нащокина¹⁾ под 1755 годом рассказывается следующий факт: „Февраля 2-го в Петербурге известие получено, в котором хотя нужда не обстоит, но для примечания к достоинству такой редко бываемой рода человеческого природы случай происходит, и для того ниже следующее случение внести подобает в журнал. В Московскую губернскую канцелярию рапортом 1754 году написано: „Шуйского уезду, вотчины Николаевского монастыря (села) Введенского у крестьянина Якова Кирилова с первою женою 21 брюхо, в том числе 4 четверни, 7-тройни, 10 двойни, всего 57 человек; с другою женою 7 брюх все по двойни, в том числе одни тройни, и того 15 человек. Всех было 72 человека, а выше описанный крестьянин по известию и ныне жив, лет ему 70“. Другой факт напечатан был в „Панораме С.-Петербурга“²⁾: „1782 года 27 февраля прислана в Москву ведомость от Никольского монастыря, что Шуйского уезда крестьянин Федор Васильев, женатый два раза, имел от обоих браков 87 детей. Первая жена в 27 родах имела: 4 раза по 4 (16), 7 раз по 3 (21), 16 раз по 2 (32), всего 69. Вторая жена 2 раза родила тройни (6), 6 раз двойни (12), а всего 18. Васильеву было тогда 75 лет, а из детей были живы 83“. Случаи эти замечательны, между прочим, потому, что были в одной и той же местности (Шуйском уезде). В 1862 году доктор Lewis Brittain сообщил об одной англичанке, забеременевшей в первый раз на 25 году и с 1839 по 1857 год—в 14 беременностей родившей 25 детей, при чем 11 раз были двойни.

Изложенные факты, каких мы могли бы набрать несколько, представляют исключительную плодовитость, но в меньшей степени это свойство не составляет редкости и большею частью обнаруживается, как свойство фамильное, наследственное.

---

¹⁾ Записки Василия Александровича Нащокина, С.-Петербург. 1842, стр. 148. Изд. Д. Языкова.

²⁾ „Панорама С.-Петербурга“. С.-Петербург, 1834, ч. II, кн. 2, стр. 75.

С другой стороны, нам нередко случалось наблюдать, что легкие или очень быстрые роды составляют также наследственное качество. Акушеры и акушерки могут указать на многих женщин, у которых это замечается в родстве, как фамильный признак. То же самое можно сказать относительно срока созревания женщины, склонности к послеродовым кровотечениям и пр., что, по всей вероятности, обуславливается наследственной передачей известного анатомического строения матки.

Большая или меньшая продолжительность жизни оканчивается тоже наследственно. Есть целые фамилии, славящиеся долголетием. Это можно объяснить наследственностью организма или тех качеств его, от которых зависит долголетие. Изнеженность или крепость организма, склонность или способность его к той или другой деятельности также нередко составляют качества наследственные. Кроме упомянутых физиологических свойств, передаваемых наследственно, можно указать и на множество других, но перечислять их мы не считаем особенно нужным. Достаточно помнить тот факт, что физиологические свойства и особенности точно так же передаются в потомство, как и анатомические признаки.

Характер и привычки также передаются наследственно. На большую часть инстинктов животных можно смотреть не иначе, как на выработанную упражнением и упроченную наследственностью привычку (7). Такие инстинкты находятся в связи с образом жизни и могут утрачиваться или заменяться другими под влиянием обстоятельств. Приведем этому несколько примеров. В тех местах, где часто охотятся на дичь, молодые детеныши птиц выказывают вскоре после рождения такую осторожность, какой не замечается даже у старых уток в местах, менее посещаемых охотниками. Турман (голубь) приобрел себе странную привычку, передающуюся наследственно, летать стайей на значительной высоте и кувыркаться в воздухе. Некоторые кошки привыкли охотиться за мышами, другие—за крысами, одни ловят птиц, другие—кроликов, третьи охотятся по болотам за куликами и тетеревами, и эти привычки переда-

ются из рода в род. Всем известно, как трудно приручить и выдрессировать дикую лошадь, собаку и вообще дикое животное; но животное той же породы, рожденное от прирученного и выдрессированного, обыкновенно, уже рождается с этими качествами или с склонностью к ним, так что воспитать его для известных целей бывает уже очень легко. Поэтому охотниками и ценится порода лошади или собаки. Пословица — „как волка ни корми, он все в лес глядит“ — справедлива только относительно. Естественно, что у волка в первой генерации, несмотря на всю дрессировку, будут проявляться врожденные волчьи склонности и привычки, но при последующих генерациях, происходящих от прирученного волка, эти привычки мало-по-малу исчезнут и заменятся другими, искусственно выработанными. Известное благонравие и кротость арабских лошадей есть унаследованный плод последовательного воспитания. То же самое можно сказать относительно характера и привычек и всех других животных, равно как и человека. Кто не замечал, что на детях иногда отражаются не только черты родителей, но и походка, привычные позы, склад речи и, вообще, те мелкие особенности, которыми отличались родители. Правда, во многих случаях это есть результат подражания при первоначальном воспитании, но очень может быть, что и наследственность имеет здесь некоторое влияние.

Относительно наследственности нравственных качеств и умственных способностей вопрос представляется еще не решенным. Одни говорят, что эти качества развиваются только вследствие воспитания и постепенного упражнения органов, что из человека воспитанием можно сделать все; но постоянные факты убеждают нас в противном. Кто не знает, что сплошь и рядом целые семейства и целые поколения семейств отличаются умом, другие, наоборот, посредственными умственными способностями, даже глупостью.

Кроме того, нельзя не признать врожденной способности, напр., к математическим наукам, к живописи, к стихотворству и пр. Одному человеку это с малолетства дается легко, напр., он, не учась, начинает писать стихи, сохраняя

правильность стихосложения, между тем как другой не может с этим справиться в течение целой жизни.

Противники наследственности объясняют все это тем, что в умных семействах дается более разумное воспитание; поэтому не мудрено, что дети выходят умнее, а преимущественные наклонности и способности к тем или другим наукам или искусствам происходят вследствие преимущественного упражнения этих способностей и, стало-быть, большего их развития.

Но против этого можно указать на те факты, где выходили самоучки художники, ученые, техники, стихотворцы, музыканты и пр.,—люди, рожденные в неразвитой среде, которая скорее задерживала их развитие, чем поощряла. Между тем, несмотря на все это, мальчик с юных лет горит или необыкновенной любознательностью и способностью обобщения фактов, или рисует углем правильные, даже художественные фигуры, или устраивает какие-либо механизмы и пр., и при благоприятствующих обстоятельствах показывает необыкновенно быстрые успехи развития в этом направлении. Как есть люди, совершенно обиженные музыкальными способностями или способностями к живописи и стихотворству, точно так же есть люди восприимчивые для умственного развития и не восприимчивые. Это составляет врожденную способность, без которой воспитанники учебных заведений, находящиеся под одинаковыми условиями, развивались бы почти одинаково, не было бы категорий глупых и умных, посредственных и гениальных.

Так как нравственные и умственные способности должны быть рассматриваемы не иначе, как результат того или другого сложения и развития мозга, то отсюда понятно, что материальные особенности строения мозга, а, стало-быть, и задатки для тех или других умственных качеств могут, даже должны быть наследственными, точно так же, как наследственны и все другие анатомические и физиологические особенности человека. Если через отцовское семя или яичко матери передается ребенку наследственный рост (высокий или низкий), долговечность и плодородие,—признаки, которые обнаруживаются спустя много лет после рождения,

то нет никакого основания не допустить, что и задатки умственного роста также передаются потомству и обнаруживаются в нем в той или другой быстроте и крепости умственного возрастания.

Те случаи, где от умных отцов и матерей родились глупые и ограниченные дети, должны быть рассматриваемы, как случаи ненормальные. Все равно, как от крепких и рослых родителей может уродиться карлик или урод, вследствие воспрепятствованного утробного развития или вследствие английской и других болезней детства, точно так же и от умных родителей может иногда родиться идиот, напр., вследствие кровного родства или зачатия в пьяном виде, как это мы покажем ниже. Во всяком случае, такие примеры, повидимому, противоречащие наследственности умственных качеств, должны быть объясняемы или врожденными болезнями мозга, или физическими и нравственными болезнями детства, а общий закон наследственности остается неприкосновенным. С другой стороны, рассматривая такие примеры, не нужно упускать из внимания и того обстоятельства, что умственные качества супругов нередко бывают далеко неодинаковы. Умный муж и от природы ограниченная жена могут производить детей и умных и ограниченных, смотря по тому, кто больше передаст потомству своих наследственных качеств. При скрещении благородного и обыкновенного животного видим же мы нередко, что структура последнего, равно как и нравственные качества, долго не подчиняются облагораживанию. Это тем более может иметь место у человека, потому что умные отцы сплошь и рядом представляют поколение новое, молодое, неупроченное, следовательно, нет ничего удивительного, если наследственно передаваемые задатки их ума так часто парализуются влиянием прочно-установившейся, но умственно неразвитой породы.

Само собой разумеется, что наследственно передаются не умственные качества в полном их развитии, а только задатки этих качеств, т.е. способность при известном упражнении скорее достигать лучшего развития. Жеребенок от рысистой лошади не имеет еще рысистого бега, но его

легко можно развить упражнением, тогда как у жеребенка от водовозной лошади все усилия к этому были бы напрасны. Поэтому, кроме наследственности, врожденности, для развития умственных качеств необходимо еще правильное упражнение.

Принимая наследственность умственных качеств, мы вовсе не хотели сказать того, что умные дети могут родиться исключительно от развитых родителей. Мы видим очень часто, что лучшие деятели нашего общества происходят из неразвитой или мало развитой среды, напр., из крестьян или мещан, но это нисколько не противоречит высказанным нами положениям о наследственности умственных качеств вообще; потому что, само собой разумеется, что в этой среде точно так же, если еще не в большом количестве, встречаются от природы даровитые личности, с здравым и прочным, хотя и мало развитым умом. Врожденный, так сказать, натуральный ум нужно отличать от ума, выработанного воспитанием, точно так же, как мы отличаем природную красоту сложения от красоты искусственной, достигаемой культурой тела, манерами и поддерживаемой косметическими средствами и различными приправами утонченного туалета. Как мы нередко обманываемся искусственной физической красотой кокеток, так и при разборе умственных качеств человека иногда принимаем по ошибке за природный ум начитанность, ум, заимствованный или приобретенный умственной дрессировкой. Таких личностей в развитом классе общества встречается очень много, и нет ничего удивительного, если дети их, не употребившие над собой таких усилий для умственного развития, какие употреблены были родителем, выходят личностями ограниченными. Личности неразвитые, но богатой природы, в этом отношении могут быть гораздо производительнее; от мужика может родиться гений и от образованного дворянина—дурак; таких фактов можно указать много и в истории и в обыденной жизни. При виде таких фактов остается только жалеть, что не все слои общества имеют одинаковую возможность для развития своего природного ума, что много прекрасных, талантливых натур скрывается в массе народа,

как бесплодный, непродуцирующий капитал, которому нет ни выхода, ни применения.

Рассматривая общее движение умственного развития целой нации, мы должны придти к тому же заключению, какое мы вывели при рассмотрении анатомических национальных типов, т.-е. что умственный склад нации вырабатывается, совершенствуется и укрепляется постепенно, путем собственного упражнения и благоприятствующей помеси. Влияние цивилизованных народов на цивилизуемую страну точно такое же, как влияние относительно совершенного анатомического типа на тип менее совершенный. Анатомический шаг к развитию, сделанный мозгом, путем ли личного упражнения этого органа, или под влиянием наследственной передачи, сообщается потомству, для которого достижение известного уровня умственного развития вследствие этого становится легче. Таким образом, нравственный и умственный уровень типа мало-по-малу возвышается. От этого происходит, что одна нация воспринимает и удерживает современную цивилизацию легче, другая—медленней, развивается ту же, смотря по тому, чей мозг более подготовлен, более прогрессивно развит. В Северо-Американских Штатах цивилизация принялась быстро, может быть, между прочим, именно вследствие того, что туда были перенесены из Европы не одни книги и науки, но и европейский мозг, размноженный и распространенный в стране лучшими производителями—талантливыми, умными и энергическими выходцами из Европы. Под влиянием такого обновления, такой благодетельной помеси, ум американцев не должен был проходить в своем развитии все степени догоняющего движения, как ум другой нации, предоставленной самой себе, а прямо начал с прогрессивного движения вперед. Таким образом, назначение цивилизующей нации состоит не в том только, что оно играет роль учителя цивилизуемой страны, но, при помеси крови, и роль рассадника того мозгового прогресса, который для первой составляет нормальный анатомический уровень.

Русская цивилизация до Петра шла так плохо, между прочим, потому, что славянский ум, положим, от природы

довольно богатый, не только был предоставлен самому себе, стало-быть, должен был проходить постепенно все фазы своего прогрессивного развития, но, кроме того, это развитие парализовалось невыгодной помесью с нациями менее цивилизованными. По мере заводимых сношений с Европой, славяно-русский мозг не только стал получать больше пищи для своего развития и стал быстрее совершенствоваться, но, сверх того, путем физиологической помеси с европейцами, наследственно стал получать от них уже выработанные плоды современной цивилизации.

В подтверждение нашей мысли о наследственности умственных качеств и о постепенном физиологическом усовершенствовании мозга целой нации мы можем указать еще на евреев. Они представляют такую нацию, которая воплотила в себе плоды самой древней цивилизации. Мозг их в течение тысячелетий развился и окреп, раса получила устойчивость в передаче наследственных качеств. Естественно после этого, что до сих пор, несмотря на все превратности судьбы, на все гонения и невыгоды социального положения, евреи не только сохраняют свой национальный тип, но и поддерживают сравнительно высокий интеллектуальный уровень. Рассеянные, можно сказать, отдельными единицами, по всему земному шару, они не только не поглощаются окружающими племенами, как это обыкновенно случается с другими не настолько физиологически-устойчивыми инородцами, но, сверх того, везде имеют своих славных представителей в рядах ученых, дипломатов, художников, музыкантов и пр. Если бы можно было представить процент замечательных личностей из евреев, относительно общего их народонаселения, и сравнить его с процентом подобных личностей из других, более юных наций, то, по всей вероятности, громадная разница оказалась бы в пользу евреев. Это показывает, что ум каждой нации вырабатывается временем, и что каждый шаг к развитию, сделанный мозгом, запечатлевается неизгладимым следом, вступающим в число национальных, наследственных признаков.

Наконец, говоря о наследственности умственных и нравственных качеств, мы коснемся еще одного вопроса. В силу

высказанного выше положения, т.-е. что ум нации или известного слоя общества вырабатывается и совершенствуется временем, путем постоянного упражнения и наследственности, мы должны были бы признать, что верхние слои нашего общества более способны к развитию, чем нижние, стало-быть, первые не без основания отличают себя от последних „голубою, более благородною кровью“. Признать такое мнение—значит поставить себя в противоречие с повсюдными и ежедневными фактами. Достаточно сравнить уровень образования различных учебных заведений, где воспитываются люди из верхних, средних и низших слоев общества; достаточно обратить здесь внимание на сравнительный процент способных, талантливых и ограниченных воспитанников, чтобы убедиться, на чьей стороне будет перевес. И, действительно, предполагаемая разница подмечена давно: не даром в обществе сложилось мнение, что нравственную и умственную силу нации нужно ожидать не от привилегированных слоев, а от народа, и не потому, чтобы последний был численно больше, а потому, что он умственно и нравственно крепче.

Почему же, спрашивается, более цивилизованные слои общества, упрочившие за собой цивилизацию с давнего времени, не могли выработать себе, в силу вышеприведенного закона, больших задатков для прогрессивного развития, для умственной и гражданской деятельности, чем слои менее цивилизованные? Для удовлетворительного решения этого вопроса нужно было бы зайти нам слишком далеко, именно в пределы статьи о вырождении рас и фамилий. Об этом мы скажем в своем месте. Теперь заметим только, что так называемая цивилизация верхних слоев не всегда была и есть истинная цивилизация, а сплошь и рядом мишурный блеск. Процесс умственного развития и роста состоит не в том, что человек воспринял в себя кое-какие сведения, усвоил приемы приличия и иностранную речь. При таком образовании мозг играет, можно сказать, пассивную роль. Во многих случаях сметливому крестьянину или ремесленнику приходится чаще раскидывать мозгами, думать и придумывать, чем богатому, образованному дворянину,

незнающему, куда приложить свое образование, и в течение жизни не встречающему ни предмета, ни вопроса, над которым бы он мог задуматься. Вполне обеспеченный и довольный, он большею частью живет чужим умом, делает чужими руками, и ни одна невзгода жизни не заставит его сделать усиленного напряжения мозга, чтобы выйти из стеснительного положения. От этого барич так мало способен к серьезной умственной работе, от этого маменькины сынки и вообще люди, веденные на помочах, теряются и падают духом при первом столкновении с суровой жизнью, при первой трудности, которую мог бы преодолеть простой деревенский мальчик.

Другое дело—человек необеспеченный и угнетаемый: со дня рождения он принужден вступать в борьбу со всем окружающим, и людьми, и природой; каждый кусок хлеба, каждое удобство жизни он должен приобрести своим трудом, умением, расторопностью, да сверх того должен придумывать меры, как бы не похитили у него этого куска и этого удобства. Оттого и происходит, что деревенский мальчик гораздо более находчив, предприимчив и смел, чем мальчик такого же возраста, воспитанный в неге и холе в роде Обломова. Простой крестьянин иногда лучше выпутается из стеснительных обстоятельств, лучше и отчетливее сделает всякое дело по его силам, чем благовоспитанный джентльмен, находящийся, сравнительно со своим образованием и положением, в таких же обстоятельствах. Понятно после этого, кто умственно работает больше, и где мы вправе ожидать большего потомственного развития мозга. Теперь не покажется странным, если мы скажем, что вековая работа умственного возрастания совершается не в одном так называемом образованном обществе, а еще с большей энергией, с большим напряжением она идет и копится незаметно, обогащая национальный ум, в тех классах, которые еще так недавно считались если не полулюдьми, то, по крайней мере, существами низшими, обиженными природой.

Итак, мы видим, что богатство, образование и довольство нельзя еще считать абсолютным условием для прогрессивного умственного развития; оно делается этим только

тогда, когда служит средством для более обширного применения умственной работы. И, с другой стороны, бедность иногда подавляет человека, убивает умственный труд, иногда же, напротив, служит стимулом для умственного труда.

Из сказанного отчасти уже понятно, почему уровень умственного прогресса у привилегированных классов, несмотря на давность их цивилизации, ниже такого же уровня других слоев общества; что у первых, по складу жизни и отсутствию умственной работы, мозг, естественно, должен не усовершенствоваться, а, напротив, атрофироваться. Это обстоятельство служит одной из причин вырождения аристократических фамилий, даже вырождения целых наций, если они, подчинивши себе покоренные народы, начинают жить на счет их умственного и физического труда и превращаются в паразитов.

Чувствую, что этой главой я утомил своих читателей, но, тем не менее, хотел бы коснуться еще одного вопроса, имеющего некоторую аналогию с только-что изложенным, именно вопроса об умственном развитии женщин.

Если мы вспомним, сколько было писано об этом предмете, сколько деятельных защитников женского прогресса старалось доказать умственное тождество женщины и мужчины; если, говорю, вспомним все это, то всякое рассуждение о женском уме может показаться излишним. Но вооружусь терпением и храбростью и скажу от себя несколько слов. Не знаю, будут ли они по сердцу моим читательницам. На всякий случай я защищаю себя от их неблагосклонных взглядов старинным изречением: *amicus Plato, sed magis amicus veritas est!* (будь другом Платону, но бóльшим твоим другом да будет истина!).

Что женщина, за исключением сферы половых органов, имеет такую же совершенно организацию, как и мужчина, что она, стало-быть, способна к тем же физиологическим отправлениям, как и он,—это вопрос давно решенный, даже избитый. Но сущность нашего вопроса заключается не в этом, а в том, на каком уровне прогрессивного умственного развития стоит наша женщина, или, лучше сказать, в какой степени ее мозг выработан интеллектуальным

упражнением и упрочен наследственностью для того, чтобы быть способным к самобытному и плодovitому умственному труду. Выше мы видели, что не у всех наций, не во всех классах общества этот уровень стоит одинаково. У одних предшествовавшего исторического умственного труда было больше, и оттого наследственный ум, или, правильнее сказать, мозг, развился лучше, у других, наоборот, от недостатка упражнений, мозг атрофировался, или, по крайней мере, остался на более низкой степени развития. От этого одна нация или одна общественная группа дает большую сумму умственных сил и лучший результат их применения, чем другие.

Если мы посмотрим на историческую судьбу женщины, то увидим, что в течение целых веков, даже тысячелетий, положение ее относительно умственного развития было самое невыгодное. Отстраненная мужчиной от всех важных, так сказать, головоломных занятий, она по необходимости сосредоточила свое внимание на домашнем очаге и детях. Круг ее деятельности был слишком узок, заботы слишком ограничены, положение слишком зависимое, чтобы не сказать—порабощенное. Даже при теперешнем положении, повидимому, улучшенном, женщина в так называемом образованном классе большею частью или кукла, предназначенная для утешения мужчины, или нянька и экономка, или же, в рабочем классе общества,—работница, т.е. механическая рабочая сила. Заботы о приискании средств к жизни, дающие наибольшую пищу для ума, заботы о прославлении своего имени (которого у женщины нет), заботы о своем отечестве, как всегда, так и теперь отстранены от женщины. Поэтому естественно, что инициативы для умственного труда у женщины было меньше, чем у мужчины. Вследствие этого она наполняла свое безделье или вязаньем чулков, или мелочной механической работой по хозяйству, или даже чтением, но это последнее большею частью не составляет у женщины целесообразного, определенного труда, а то же препровождение времени. В этом отношении образованную женщину нашего времени можно поставить в параллель с теми обеспеченными и праздными личностями, о которых

мы говорили выше. Взявши это во внимание, не трудно придти к тому заключению, что женский мозг, вследствие исторических судеб, от недостатка упражнения не выработан так, как он выработан у мужчины. Вследствие этого женщина менее восприимчива к умственному труду и менее производительна в этом труде.

Против такого состояния женского мозга можно сделать одно, и очень серьезное, возражение, именно то, что женщина получает наследственные качества не от одной матери, но и от отца, следовательно, все то, что мужчина выработал в себе в этом отношении, должно было делиться поровну на оба пола. Но степень применения этого основного закона наследственности к данному вопросу может подлежать еще некоторым ограничениям. В этом отношении мы знаем, что, помимо передачи основных фамильных признаков, есть признаки, которые преимущественно передаются по женской или мужской линии. Так, например, в анатомическом отношении женщина наследственно выработала в себе более грациозные формы, большую тонкость частей скелета, меньшее развитие мышц и пр., и эти признаки, несмотря на помесь с мужским элементом, передаются только по одной женской линии. То же самое относительно привычек и характера. Девочка с самого начала обнаруживает кокетливость, скромность, склонность к известным играм, тогда как мальчик, воспитывающийся совершенно под одними и теми же условиями, проявляет другие склонности. Этого нельзя было объяснить подражанием, потому что характер мальчика и девочки обнаруживается одинаково и при тех условиях, когда дети развиваются исключительно под материнским влиянием. Далее, если мы обратим внимание на половой характер животных, то увидим разность между самцами и самками, разность наследственную, повторяющуюся постоянно, при всех условиях, даже в тех случаях, когда молодое животное удалено от родителей и, стало-быть, не могло развить своих инстинктов и привычек путем подражания. Наконец, мы могли бы указать здесь на несколько фактов патологической наследственности, где известные болезни, например, истерика, передаются по жен-

ской линии, тогда как другие, например, запой,—по мужской. От чего бы ни зависело такое явление, но оно показывает, что при распределении на сыновьях и дочерях наследственных признаков родителей, особенно умственных и нравственных, они группируются на потомстве большею частью сообразно половой упроченности этих признаков. Следовательно, если женщина, несмотря на помесь в ее организме с мужским элементом, наследует от матери особенность женского организма, если наследственно передаются половой характер и привычки, то почему бы не допустить, что и женский склад мозга тоже большею частью передается по женской линии.

Этим только и можно объяснить тот поразительно ничтожный процент женского умственного капитала, который мы видели до сих пор в литературе, науках и искусствах. Такого умственного застоя, такой непроизводительности женщин нельзя приписывать исключительно социальному положению их. Оно виновато только в историческом отношении, т.-е. в том смысле, что парализовало развитие женского мозга, но при нормальной восприимчивости его не служило бы абсолютным препятствием для умственного труда. В самом деле, если мы вообразим, что, положим, с завтрашнего дня роли наши поменяются, мужчины примут на себя обязанности женщин, а женщины—труды мужчин, то мы можем быть уверены, что масса освободившихся мужских умственных сил не останется в бездействии. Образчики этого воображаемого положения можно видеть и в действительности, именно в тех случаях, когда развитой мужчина вследствие чего-либо удаляется от общества, от всех обязанностей гражданина, положим даже, что куда-нибудь заключается; несмотря на это, он и здесь находит какое-нибудь средство для применения своей умственной силы. Деятельность составляет непреодолимую потребность человека — это физиологический закон, но она может выражаться так или иначе, смотря по тому, к какой деятельности человек более склонен и наследственно подготовлен. Повторяем, что привычки к тому или иному образу жизни, к тому или другому роду занятий укре-

пляются наследственностью, если они повторялись непрерывно в течение многих и многих поколений.

Таким образом, с одной стороны, унаследованная и весьма укрепленная привычка к праздному роду жизни, с другой стороны, исторический недостаток упражнения мозга и, наконец, продолжающееся социальное угнетение женщины служат причиной тому, что женская умственная деятельность проявлялась и проявляется в таких ничтожных размерах. Говоря о меньшей подготовке женщин к умственному труду, мы вовсе не хотим этим выразить намека о неспособности их к этому труду. Напротив, мы, может быть, более, чем кто-либо, желали бы видеть его, желали бы полного простора женскому развитию и уверены, что при изменившихся обстоятельствах женский мозг сделает быстрое движение вперед и сделается со временем настолько же восприимчивым и производительным, как мозг мужчины.

Шаг к такому развитию мы замечаем уже и теперь. Современное поколение женщин имеет в своих рядах представительниц этого отрядного движения; остается только желать, чтобы обстоятельства жизни не тормазили его, не мешали женщине стремиться к той благородной цели, которая делает человека царем всего существующего. Знание,—как говорит Бэкон,—и пригом правильно организованное,—прибавим мы от себя,—становится могуществом.

Глава третья.

Условия, содействующие изменению человеческой породы.

При заботах об улучшении породы человек имеет в виду: 1) потребность усовершенствования здоровья; 2) потребность усовершенствования физических качеств и 3) потребность усовершенствования умственных и нравственных качеств.

Все эти потребности так естественны, что каждый из родителей, сознательно или бессознательно, заботится об их осуществлении на своем потомстве. Эта забота, однако же, далеко не всегда бывает успешна именно потому, что, с одной стороны, понятие об этих требованиях не всегда бывает правильно и часто превратно; с другой стороны, средства к выполнению их остаются мало или вовсе неизвестными. Всякий человек естественно желает здоровья и себе и своему потомству, но далеко не всякий хочет и умеет пользоваться теми правилами науки, при которых сохранение здоровья наиболее возможно. Сплошь и рядом, подобно тому, как личным здоровьем жертвуют для житейских удовольствий, точно так же при женитьбе чаще имеют в виду другие побочные выгоды и удобства брака, а не здоровое сложение будущей матери.

Относительно красоты можно сказать, что о ней заботятся больше, чем о здоровье, но и здесь цель не всегда достигается. Понятие о красоте до такой степени индивидуально, что нередко красота, признаваемая одним, считается другим за безобразие. Возьмите, например, калмычку или татарку: в своей среде они могут считаться красавицами, а в нашем обществе признаются чуть не уродами. Точно так же пикантная красота нашей светской барыни, с ее бледным

личиком и сухощавым сложением, для купеческого вкуса будет ниже всякой посредственности.

О вкусах не спорят, говорит пословица. У каждого народа и даже у каждого сословия идеал красоты не только бывает различен, но и изменчив, смотря по времени и по степени развития нации или сословия. При всем том, как вообще в понятии об изящном должно существовать нечто общее, определенное, на чем должна сходиться большая часть индивидуальных вкусов, так точно должна существовать известная доля определенности и в понятиях о человеческой красоте. Здоровье есть тоже понятие относительное; несмотря на то, мы различаем человека больного от здорового, крепкого от слабого: точно так же, при всех вариациях и отклонениях личного вкуса, нельзя не отличить существо красивое или некрасивое.

Во всяком случае, истинная красота при симметрии и изяществе сложения должна быть неразрывна с здоровьем. Красота, идущая в ущерб физиологическому отправлению членов или органов, не должна считаться истинной красотой, точно так же, как, напр., понятие о красоте костюма должно быть сообразно с понятием о его пригодности. Мы не будем несправедливы, если непомерную шнуровку или необъятные кринолины и шлейфы сочтем за безобразие. Точно так же не будем несправедливы, если современный вкус в женской красоте, основывающийся на неестественной бледности (малокровии) и тонкости членов в ущерб их развитию, назовем вкусом извращенным, как вкус китайцев относительно дамских ног. Слишком малая и узкая головка, несмотря на всю грацию, которую желали бы в ней отыскать, не будет хороша, потому что в ней помещается мало мозгу. Чахоточная женщина, несмотря на всю прелесть и выразительность ее блестящих глаз и нежность румянца, не может служить представительницей женской красоты, точно так же, как разлагающийся рябчик не может служить образцом вкуса этой птицы, хотя до тех и других есть много охотников.

Как образец более выработанного вкуса касательно человеческой красоты, мы можем взять красоту греческую и римскую. При взгляде на древние статуи, каждый увидит

в них не только полную гармонию сложения, но и совершенное развитие каждого органа в отдельности. Греческая и римская головка нравится нам не только по своей пропорциональности, но и по развитию черепа, свидетельствующему о развитии мозга. Широкий череп с выпуклыми висками и открытым лбом всегда будет красивее плоского, узкого или длинного черепа, если бы даже последний относительно лица и туловища был сложен и пропорционально.

Точно так же, почему мы восхищаемся красивым торсом, например, Венеры Милосской, Медицейской, Юпитера или Аполлона Бельведерского и пр.? Потому, что этот торс служит выражением полной гармонии физиологической жизни. Взглянем ли мы на мускулы, на устройство грудной клетки, таза, на груди и пр., и мы видим, что здесь каждая часть и каждый орган как бы просятся исполнить свою функцию и обнаруживают скрывающуюся в них полную гармоническую жизнь. Отнимите у Венеры одно какое-нибудь качество, напр., представьте, что грудная клетка ее плоская, или что таз уже, тогда впечатление совершенно изменится. Такая Венера, несмотря на ее прекрасную головку, будет внушать не восхищение, а грустное, тяжелое чувство, какое внушают нам вообще болезни и недостатки человеческие.

Если бы мы привыкли отдавать себе отчет в своих впечатлениях, то во многих случаях поняли бы, почему внешность одного человека производит на нас приятное впечатление, а другого—отталкивающее. Симпатии и антипатии наши не безотчетны и кажутся нам такими только потому, что процесс умозаключения, основывающийся на тех или других признаках человека, происходит слишком быстро, неуловимо. Относительно физической красоты слово—„нравится“ и „не нравится“, произносимое нами часто безотчетно, всегда имеет свое основание. Полнота и правильность жизни, где бы и в чем бы они ни проявлялись, всегда производят приятное впечатление, и, наоборот, болезненность, угнетение, страдание вызывают впечатление грустное. Вследствие этого мы чувствуем симпатию преимущественно к тем лицам, в которых как физическая, так и нравственная жизнь выражается

полнее и гармоничнее, точно так же, как мы больше склонны наслаждаться цветущей природой (весной), а не заглохшей и скованной зимними морозами. При половых вкусах это безотчетное влечение к цветущей жизни проявляется еще сильнее. Пластическая красота, с пробивающейся наружу кипучей жизнью, во всяком гораздо легче вызовет чувство любви, чем красота на увядшем или сраженном болезнью теле. В этом отношении половой вкус руководится более или менее замаскированным, даже не сознаваемым, но совершенно естественным чувством (чутьем), указывающим на большую ответственность избираемого лица для половых целей. В каждом человеке, как и в животном, существует половой инстинкт, замаскированный розовыми красками в виде сердечных отношений, инстинкт весьма деятельный и в высшей степени важный, потому что он служит рычагом для продолжения рода всего живущего. Помощью его природа указывает человеку на одну из главных физиологических целей и незаметно подводит его к этой цели, окружая ее ореолом любви и нравственных отношений.

Но одним инстинктом полового влечения природа достигла бы только целей размножения, без дальнейшей гарантии качества размножаемых продуктов. Нужно было вложить человеку такое чувство или такое стремление, которое бы отыскивало факторов для произведения более совершенных индивидуумов, стало-быть, более удовлетворяющих цели размножения. Поэтому вместе с инстинктом полового влечения у человека существует стремление к обладанию существом более совершенным, т.-е. более здоровым, правильно сложенным и развитым и, стало-быть, красивым.

Таким образом, понятие о человеческой красоте, тесно связанное с инстинктом половой любви, при половых влечениях основывается на пригодности или непригодности человека к размножению рода. Следовательно, с этой точки зрения чувство человеческой красоты должно вытекать из понятия о степени здоровья рассматриваемого индивидуума, о полноте и совершенстве его физиологической и моральной жизни, и, следовательно, вкус, отыскивающий красоту вне здоровья, должен считаться вкусом неестественным.

Древние эстетики очень хорошо поняли условия идеальной красоты; поэтому каждое их изображение представляет не только пропорциональное развитие всех частей человеческого тела, но вместе с тем указывает на более совершенное и вместе с тем пропорциональное физиологическое отправление этих частей. Эта олицетворенная в мраморе нормальная физиологическая жизнь, дышащая силой и здоровьем,— жизнь, при которой ни один орган не развился и не действует в ущерб другому,— и служит душой художественного произведения.

Мы не хотим сказать, чтобы понятие о красоте было совершенно тождественно с понятием о здоровье. Много людей могут считаться совершенно здоровыми, но некрасивыми, потому что тонкая пропорциональность и гармония частей не составляют еще необходимого условия здоровья. Но, с другой стороны, истинная красота без здоровья, т.е. без нормального устройства и отправления всех органов тела, существовать не может. Выходя с этой точки зрения, можно установить общий идеал человеческой красоты, к которому следует подводить все личные вкусы.

Потребность усовершенствования умственных и нравственных качеств также свойственна человеку, как и потребность усовершенствования здоровья и красоты. Но и здесь точно так же, как и во вкусах, нравственное чутье у различных наций и сословий, смотря по степени их развития, бывает различно. В общем итоге, однако же, массы неизбежно стремятся к тому, чтобы поднять уровень своего умственного и нравственного развития. Эта цель достигается как индивидуальным умственным трудом, так и наследственной передачей выработанной, таким образом, способности к этому труду при благоприятствующих половых сочетаниях. В силу этого требования, при устройстве брачных союзов, большею частью имеются в виду степень нравственных и умственных качеств выбираемого лица, благородство и развитость породы. Насколько эта потребность может выполняться путем наследственности, мы показали в предыдущей главе.

При частном разборе условий, содействующих изменению породы, мы прежде всего поставим:

1. Вкус и запрос на известные качества.

Каждый человек сознательно или бессознательно стремится к тому, чтобы видеть в себе и своем потомстве лучшие качества, касается ли это внешних признаков, или моральных свойств. Руководимый этим побуждением, он заботится о своей внешности—физиономии, костюме, обстановке; по этому же самому инстинкт полового влечения указывает ему на личности, по его субъективным понятиям более совершенные, более удовлетворяющие его вкусу.

Любовь в физиологическом смысле, как мы сказали выше, есть проявление не просто полового стремления, а полового эстетического, т.-е. не просто потребность воспроизведения, а смутно сознаваемая или вовсе бессознательная потребность воспроизведения потомства более совершенного.

Это мы видим не только на человеке, но и на животных. Крепкие и более красивые самцы и самки стараются, так сказать, щеголять своими качествами друг перед другом; птицы соперничают одна с другой в голосе, домашние животные и звери—в своей ловкости, силе, храбрости. Дарвин говорит, что „гвианский каменный петушок, райские птицы и т. д., в период половых стремлений, собираются кучами, и самцы, один за другим, распускают свои сверкающие перья и выделывают странные эволюции перед самками, которые, наконец, выбирают самого привлекательного из них. Тот, кто наблюдал за домашними птицами, очень хорошо знает, что они подвержены личным симпатиям и антипатиям“.

Таким образом, и у животных есть периоды любви, периоды весны, соперничества, выбор невест и женихов, основанный на предпочтении лучшего худшему. Это—естественный подбор, в силу которого лучшие породы размножаются, а худшие и слабые рedeют и исчезают. То же самое и у человека. Как только начинают проявляться в нем половые инстинкты, вместе с этим развивается чувство любви, т.-е. предпочтение лучшего (по личным понятиям) индивидуума худшему и стремление вступить в брачные половые сношения именно с этим индивидуумом.

Период лучшей красоты и силы обыкновенно совпадает с периодом этого выбора. Как только эта половая задача кончена, воспроизведение потомства произошло, мужчина и женщина большей частью перестают заботиться о своей более выгодной внешности и сосредоточивают свою заботу на потомстве и опять таки на том, чтобы это потомство было по возможности лучше. Поэтому и говорят, что любить можно один раз в жизни, так как цель или побуждение к любви только одно — воспроизведение рода в более удовлетворительной форме. Если мы видим факты повторяющейся любви, то должны объяснить их не иначе, как неудовлетворительностью прежних попыток, незаконченностью цели, вследствие чего являются новые стремления к ее достижению. Если любовь не увенчалась браком, или брак—плодородием, то вслед за разочарованием является новая инстинктивная потребность к выполнению закона природы, новые поиски за женщиной по своему вкусу, новые попытки любви, и продолжается это до тех пор, пока человек не удовлетворит своей цели. Оттого самая прочная и счастливая любовь — это любовь, имеющая последствием воспитание детей, и оттого бездетное супружество не так прочно и не так удовлетворительно.

Мы сказали, что любовь есть половой эстетический выбор с целью воспроизведения более совершенного потомства; но требования при этом выборе у разных личностей, разных сословий и наций бывают различны. Здесь играют роль запрос на те или другие качества и личный вкус. В силу преобладания этих требований и развиваются в последующих поколениях те или другие характеристические особенности; стало-быть, вкус и запрос при выборе супругов играют не маловажную роль в прочности или подвижности, совершенстве или ухудшении физических и даже моральных качеств последующих поколений. Доказательство этого можно видеть в сохранившихся до сих пор особенностях сложения у различных сословий. Так, например, русский крестьянин, для которого жена—работница, выработал потребность при выборе невесты искать преимущественно физической крепости, дородства, здоровья. Жена

его должна быть и работница, и кормилица, потому у крестьянина и развился вкус к женщинам плотно сложенным, краснощеким, с большими грудями. Этот вкус когда-то был и обще-русским вкусом, когда на женщину смотрели не как на сильфиду, а как на расторопную хозяйку и на здоровую мать.

Если мы вспомним идеал русской женщины по оставшимся литературным памятникам, то увидим, что прежде более всего ценились длинная русая коса, лебединая грудь, щеки с ямочкой, кровь с молоком. В 1793 году идеал женской красоты рисовали так: „женское пригожество составляют: младость, средний рост и дородство; стройность всех частей, длинные белокурые волосы, тело нежное и чистое; здоровая и румяная белизна, ровное чело и не мускулистые виски, глаза светло-серые, большие, не на выкате, но ровно с лицом, имеющие приятный взор; нос долговат, щеки немного выпуклы с небольшими ямками, губы румяные, малый рот, белые и ровные зубы, несколько продолговатую бородку с ямкою, небольшие уши, прилегшие к голове; грудь белая и круватая, кисти у рук белые, длинноватые и полные; островатые пальцы, ногти жемчужные и овальные; тихое дыхание, приятный голос и добрый прием, с перехватом стан, благородная и скромная походка ¹⁾).

Поэтому русская женщина, например, до-Петровского периода была не то, что теперь в высших слоях общества. Тщедушное сложение, бледно-матовый цвет лица, тонкие черты тогда были не в моде; потому естественно, что потомство с такими качествами медленно размножалось, и наружный тип русской женщины складывался по другим требованиям, чем он складывается теперь.

Прежний взгляд на женщину и прежние требования на нее остались теперь почти исключительно в крестьянстве. Оттого здесь преимущественно сохранился прежний тип русской женщины. При взгляде на деревенских красавиц, мы до сих пор очень часто можем встретить и круглые красные щеки с ямочками, и длинную русую косу, и пол-

---

¹⁾ „Письмовник“ Курганова. 5-е издание. 1793, ч. 1, стр. 283.

ные груди. Деревенская женщина до сих пор так же плотна и коренаста, как была и прежде.

Относительно мужчин запрос был преимущественно на физическую силу, высокий рост, коренастое сложение. Такой идеал мужского совершенства рельефнее всего выразился в народной поэзии о богатырях, поднимающих палицу в тридцать пуд, выпивающих одним духом чару зелена вина в полтора ведра, побивающих целую рать и проч. От мужчины изящных форм не требовали, разве за исключением русских кудрей, а требовали силы и отваги. Под влиянием такого идеала, русский крестьянин в последующих поколениях должен был развивать или, по крайней мере, поддерживать упомянутые качества, что и наблюдается в действительности.

У купцов средней руки или вообще у купцов, не изменивших дедовским вкусам и обычаям, понятия о красоте и запрос на эту красоту совсем другие, чем у дворян, или, даже, чем у крестьян. Купец отдает в этом отношении преимущество пухлости и округлости форм; ему нужна не сухая пикантность, а плоть и кровь с достаточным количеством жира, лебединая грудь, щеки со сплошным румянцем; поэтому, вследствие усиленного запроса на эти качества, личности, обладающие ими, скорее выходят замуж и, стало-быть, в большем количестве плодят себе подобных. Таким образом размножается и складывается купеческий тип, по которому, в большинстве случаев, купчих легко отличить от женщин другого сословия.

В среднем и высшем классе нашего общества понятия о красоте, а, стало-быть, и вкус, совершенно изменились. Не вдаваясь в причины изменения этого вкуса, скажем только, что здесь немаловажное значение имела литература (8). В былое время девочки и мальчики зачитывались Жуковским и другими подобными поэтами, рисовавшими женский идеал в полувоздушных формах. Такой болезненный, искаженный идеал естественно проникал в жизнь. Девушки и женщины морили себя голодом или, по крайней мере, стыдились при людях есть, как следует здоровому человеку, пили уксус, ели мел и глину, напускали на себя

худобу и бледность, чтобы больше походить на неземное творение ¹⁾). Мужчины в свою очередь, зараженные тем же извращенным вкусом, предпочитали подобных женщин. Крепко сложенная и здоровая красавица им казалась „Матреной“. Кроме того, и сами мужчины любили поинтересничать своей физиономией в том же роде, добываясь естественной или искусственной бледности и по возможности утончая свое тело. Одним словом, страдальческий вид был в моде, и чем болезненнее, бледнее человек, тем он казался лучше. Понятно после этого, какого приплода можно было ожидать от сочетания подобных личностей. И вот в нарождающихся поколениях достигли, наконец, необыкновенной тонкости и нежности кожи, истончили кости скелета, по возможности уничтожили жирную подстилку, одним словом—сделали из привилегированных сословий нечто бесплотное и бездушное, потому что здоровый дух может быть только в здоровом теле (9).

Английская нация выработала в себе вкус к здоровью и крепости. Там, даже в высших слоях общества, между другими качествами жены требуют качеств здоровой матери и кормилицы. Мужчины, с своей стороны, также не щеголяют нежным сложением, и чем крепче, рослее и мускулистее мужчина, тем он предпочтительнее. От таких браков, естественно, рождается такой же приплод. Мы любуемся детьми англичан, перенимаем от них манеру воспитания, но, несмотря на это, наши привилегированные детки, гуляющие с голыми ножками, все-таки остаются теми же тщедушными созданиями, и это понятно, потому что сложение ребенка есть результат наследственности; воспитанием оно может только поддерживаться и сохраняться. Из чахлого семени не разовьется крепкое потомство, сколько бы мы ни положили забот на его воспитание.

Мы не разбираем здесь, который из приведенных вкусов или идеалов красоты лучше и натуральнее,—это легко могут решить сами читатели,—а приводим только факты,

---

1) В настоящее время я знаю несколько женщин, которые откровенно признавались, что во время своей цветущей молодости они не навидели свое здоровье, свой румянец и различным образом настаивали на том, чтобы ежегодно производить по несколько кровопусканий единственно с целью уменьшить совсем не модную красноту щек.

что вкус и запрос отражаются на человеческом поколении точно так же, как они отражаются путем искусственного подбора на усовершенствованных с известною целью животных (тонкорунные овцы, рысистые лошади и пр.). Но мы, конечно, далеки от той мысли, чтобы изменение или характеристику физических свойств известной нации или сословия выводить исключительно из этого источника. Напротив, на развитие тех или других физических качеств имеет влияние и много других условий, о которых мы скажем ниже (10).

Кроме запроса на физическую красоту, естественно в обществе должен существовать и запрос на нравственную и умственную силу. Относительно последнего следует однако же заметить, что он до сих пор преимущественно направлен был к одним мужчинам, а не к женщинам. От первых требовали по преимуществу ума и силы, от вторых—красоты и сердца. Правда, относительно выбора невест еще давным-давно ставили условие, чтобы она была „лицом красна и умом свершна“, но последнее условие большею частью пренебрегалось. Народ привык смотреть на женщину, как на создание в умственном отношении слабое, поэтому и не был к ней взыскателен, удовлетворяясь одними физическими ее качествами. „У бабы волос долог, да ум короток“,—говорит пословица. „Ум женский не тверд,—говорили старые книжники,—аки храм не покровен; мудрость женская, аки оплот не окопан, до ветру стоит: ветер повеет,—и оплот порушится; так и мудрость женская, аки оплот, до прелестного глаголанья и до сладкого увещания не тверда есть. Немоцнейшии суть разумы женские, в нечувственных ничто же могути умное постигнути“. „Московского государства женский пол,—говорит Котошихин,—грамоте неученые, и не обычай тому есть, а природным разумом простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях, и оприч самых ближних родственников, чужие люди никто их, и они людей видети не могут, и потому мочно дознаться, отчего-б быти гораздо разумными и смелыми; также как и замуж выдут, и их потому ж люди видят мало“.

Таким образом, от женщин требовали не ума, а только красоты и доброты, рабской покорности и стыдливости. При общем убеждении об умственном и нравственном бессилии женщины, она сама, наконец, признала такое мнение века, нравственно и физически поработив себя мужу. Выражение, что муж есть „глава жены“, принято было в самом обширном смысле. Муж, не повелевающий своей женой, считался унижающим свое мужское достоинство.

В таком положении был запрос на умственные качества женщины до-Петровского периода. С этого времени женщина стала принимать большее участие в общественной жизни, начала больше сталкиваться с людьми, и поэтому, естественно, запрос на ее умственные качества увеличился. Мужу стыдно было, если его жена в обществе, в разговорах оказывалась простовата и несмышлена. Но этот запрос на развитие, проистекающий из эгоистических видов мужчины, был слишком ограничен. Он не подкреплялся потребностью женского развития, вытекавшего из самой жизни, из социального положения женщины. Женское развитие имело применение только в гостиных, а не на общественных аренах; поэтому оно имело одностороннее, так сказать, поверхностное направление. Такой ограниченный запрос на умственное развитие женщин в массе остается и до сих пор. От женщины большею частью не требуют ни большого ума, ни основательного образования,—это считается излишней, неприменимой к делу роскошью,—а ограничиваются тем, если она усвоит внешние манеры, иностранную речь, сумеет прилично и со вкусом одеться и бросить в обществе несколько вычитанных из новейших журналов фраз. При таком ограниченном запросе, при таком недостаточном применении умственного развития к жизни, естественно, это развитие подвигалось очень туго. Только в самое последнее время, когда на женщину стали смотреть, как на существо в умственном отношении равносильное мужчине, когда стали ждать от нее и требовать более серьезного образования и более серьезной умственной деятельности, в рядах женщин стали появляться личности, удовлетворяющие этим требованиям. Если бы теперь для женщины открылось большее,

или даже какое бы то ни было, применение умственных сил в гражданской жизни, положим, напр., если бы она могла быть медиком, учителем и пр., то, само собой разумеется, что, рядом с запросом, развились бы и эти силы.

Все сказанное показывает, что запрос играет большую роль в развитии тех или других качеств массы народонаселения и подтверждает общее положение, что производительность идет рука-об-руку с потреблением. От женщины до сих пор требовали любви, сердца, грации, кокетства, и она развила в себе это до тонкости. Будет время, когда эти качества выйдут из моды, и они удалятся на второй план перед выступающими новыми требованиями, точно так же, как стусевались в современном женском обществе некоторые, бывшие некогда в моде, физические качества, напр., пухлые щеки с ямочками и полные груди.

Мы не считаем нужным распространяться здесь о влиянии запроса на умственное развитие мужчин,—это очевидно само собой. На мужчине всегда лежала прямая обязанность всех забот и распоряжений, как относительно своего семейства, так и дел гражданских, государственных. Поэтому естественно, что умственные качества в нем ценились и требовались более всех других. В силу этого, ум мужчины, при постоянном упражнении и изошрении, развивался более быстрыми шагами, тогда как другие качества, напр., физическая красота, сердечность были отодвинуты на второй план.

Рассматривая в частности проявления умственного развития в различных профессиях, мы еще нагляднее убедимся в прямой зависимости его от степени запроса.

Было время, когда в России большую часть умственного труда, по крайней мере относительно некоторых специальностей, возлагали на иностранцев, считая русских неспособными к этому труду, точно так же, как теперь считают женщин,—и следствием этого выходило то, что мы по этим специальностям не имели никакого развития.

Так, например, еще не очень давно думали, что механиком, аптекарем, медиком, профессором и пр. может быть только немец, что будто у русского человека не хватит

для этого ни ума, ни терпения. Такое мнение поддерживалось долго не только вследствие известных распоряжений по внушению иностранных влиятельных специалистов, но и по ложному убеждению публики.

С переменою взглядов на русские способности, с увеличивающимся запросом на русские умы, они быстро начинают развиваться в требуемом направлении. Теперь публика убедилась, что и русский человек может быть хорошим доктором или механиком, и это убеждение служит уже залогом, что у нас не перестанут развиваться эти специальности на домашней почве. Но публика не убедилась до сих пор, что женщина может исполнять различные гражданские профессии точно так же, как и мужчина, или что аптекарем может быть и не немец,—и у нас до сих пор нет ни специалистов женщин, ни русских аптекарей, потому что ни на тех, ни на других до сих пор нет запроса.

Было время, когда военные люди пользовались более благосклонным вниманием публики, чем труженики на гражданском или ученом поприще,—и военная служба, доставлявшая больше чести и почета, привлекала к себе громадные массы молодых сил, исчезавшие здесь без всякой производительности. Умственные силы менялись на мелочи, и из даровитых людей сплошь и рядом выходили только салонные герои, Печорины или Онегины, потому что массой публики эти качества ценились гораздо более. С переменой вкуса или запроса переменяются и личности. Когда на первый план выступит не физическая сила и салонная ловкость, а умственный труд, тогда, естественно, всякий способный к этому труду будет иметь и охоту и возможность проявлять свою жизненную деятельность в этом направлении.

2. Влияние внешних жизненных условий.

Влияние климата на структуру и наружные признаки человека и животных не должно подлежать сомнению. В более резких формах это можно заметить при сравнении животных тропических и полярных стран. Достаточно бросить один беглый взгляд на животных, собранных в музее, чтобы сказать, что такое-то живет около полюса, а такое-то

около экватора. Под экватором цвета животных разнообразны—яркие, металлические; под полюсами же—однообразны, бледны, обыкновенно серые, белые. Вместе с разнообразием цветов, по мере приближения к экватору увеличивается разнообразие и самих животных, т.-е. их видов.

Сельским хозяевам известно, что лошади в холодных и сухих местностях становятся малорослыми, но сильными, в местностях холодных и сырых они малорослы и вялы.

О свиньях говорят, что белые свиньи холодных климатов, будучи водворены в климате более теплом, становятся черными. По свидетельству Тремо, то же самое наблюдается и над человеком, т. е. что белый тип под влиянием жаркого климата может переходить в черный, и наоборот, в умеренных и холодных климатах черный тип смягчается. Евреи в северных странах Европы большею частью русые; у английских евреев голубые глаза и светлые волосы, у немецких и польских—очень часто встречаются рыжие бороды. В Индии можно видеть совершенно черных евреев.

Влияние климата на пигмент кожи и волос будет ясно для всякого, кто только сравнит северных жителей, например, финнов, с жителями умеренного и жаркого поясов. Это можно резко наблюдать, проезжая даже по одной России от севера к югу, при чем не может не броситься в глаза, как белокурое и мелкое народонаселение постепенно сменяется более крупным и более пигментированным населением. Овца, при водворении в другом климате и предоставленная самой себе, изменяет качество своего руна. Так, в суровом и холодном горном климате овцы получают густую, грубую шерсть, тогда как в странах теплых получается противоположное явление. То же самое можно видеть и на других животных: на севере шерсть становится гуще и пушистее, на юге, напротив, меньше и реже.

Влияние климата, отражаясь на росте, цвете кожи и волос, не распространяется однако же на кости скелета, не изменяет типических племенных особенностей, которые, кажется, подчиняются только помеси крови. Доказать это не трудно. Почти от каждого европейского народа отделились части, за несколько веков до нас поселившиеся в других

странах света; несмотря на это, они не потерпели существенных изменений. Белый человек давно живет у экватора, в той крайней температуре, которая действует на него сильнее всякой другой, но все-таки и теперь можно отличить там сынов Англии, Франции и Испании. Кожа их загорела и стала смуглее, изменился характер, даже, может быть, рост, а порода не выродилась. Английский, французский и испанский переселенец сохраняют отличительные черты своих предков. Самым убедительным примером в этом отношении могут служить евреи. Этот народ, рассеянный по всему земному шару, подвергаясь влиянию всевозможных климатов, самых крайних удобств и неудобств жизни, все-таки в течение многих веков не утратил своих признаков. Еврей русский, немецкий, французский, итальянский, испанский, американский и пр. везде остается евреем, за исключением мелких оттенков. У него сохраняются те же характеристические формы и пропорции, из которых слагается национальный тип. Тип этот, несмотря на влияние всевозможных климатов, не изменился в течение целых тысячелетий. Доказательство этого можно видеть в египетских гробницах и памятниках, где фигуры евреев, сделанные во весь рост, представляют почти совершенные портреты нынешних евреев. Можно ли найти лучшее доказательство в пользу точности национального типа, в пользу того, что ни климат, ни образ жизни, ни всевозможные гонения и лишения не изменяют национальных признаков? Помянутые влияния, как мы уже сказали, могут отразиться на мягких частях, на росте, на здоровье народа, но не на характере скелета (11).

Вместе с изменением кожи и волос, смотря по местности, изменяется и продолжительность жизни. Средняя продолжительность жизни на юге гораздо менее, чем на севере. Конечно, и в жарких странах можно найти несколько столетних стариков, но сравнительно они там очень редки; южное население умирает гораздо моложе и дряхлеет скорее, чем северное.

Замечательные примеры долголетия встречаются преимущественно в холодных климатах. Так, в Шотландии Джемс Лауренс умер 140 лет; в Ирландии графиня Десмонд

умерла тоже 140 лет; графиня Эклектон умерла 143 лет; Томас Винслов — на 146 году. В Англии Джон Эффингем дожил до 144 лет; Френсис Консист — до 150 лет; Томас Парр — до 152; в Норвегии Иосиф Суррингтон умер 160 л. В России в 1804 году, из 1.358,287 умерших, было 1504 человека, имевших от 90 до 95 лет, 1501 — от 100 до 105 лет, 71 человек от — 105 до 110 лет, 22 человека — от 110 до 115, 22 человека — от 115 до 120 лет и 3 — от 120 до 125 лет (Марат). Во Франции в 1802 году, из 904.692 умерших, было 5134 человека, достигших от 90 до 100 лет, и только 39 человек — от 100 до 105 лет, 14 — от 105 до 110 лет и 2 — от 110 до 118 лет. Взамен уменьшенной продолжительности жизни, темп ее у человека на юге гораздо быстрее, чем на севере. Женщина южных стран созревает скорее (10—12 л.), но зато скорее и старится.

Влияние пищи. Кормление в стойле производит нежных животных с более тонкими и слабыми костями, с тонкой шерстью и нежной кожей. Кормление на пастбищах, напротив, подкрепляет развитие костей и сухожилий и вообще не изнеживает тело. Сочный и жидкий корм у животных усиливает деятельность лимфатической системы и развивает рыхлую клетчатку и жир, тогда как сухой корм производит явления противоположные. То же самое мы постоянно видим и на людях. Не говоря о скудной, недостаточной пище, влекущей за собой упадок питания и недостаток развития, род пищи отражается на наружном виде питомца. Взгляните на детей, вскормленных хлебом и картофелем, и на детей, развившихся в более благоприятных условиях: между теми и другими вы увидите значительную разницу. Первые представляются сырыми, золотушными, с сильным развитием живота и лимфатической системы, тогда как вторые имеют умеренную полноту, свежесть и цветущий вид. Хорошая хозяйка при взгляде на телятину, поданную к столу, по цвету ее отличит, — кормили ли теленка одним молоком, или другой пищей. Следствия систематического кормления всего поразительнее на свиньях. Если мы сравним, например, беркширскую и лейстерскую свинью с большеухой германской или обыкновенной домашней, то увидим между

ними резкую разницу. Первая имеет низкие и тонкие ноги, маленькую голову, но колоссальное туловище, в котором не видно ни позвонков, ни ребер, а как бы все состоит из рыхлой клетчатки, проросшей жиром, тогда как во второй больше развиты кости, чем мускулы и жир.

Между крестьянами, ведущими трудовую, деятельную и подвижную жизнь при умеренно питательной пище, паразитической толщины никогда не встречается; но тот же крестьянин, разбогатея, делается, напр., содержателем постоянного двора, старостой, купцом, словом, переходит в выгодные условия для питания своего тела, и он начинает жиреть иногда до безобразных размеров. Паразитическая толщина встречается преимущественно между зажиточными, малоподвижными крестьянами, купцами, духовенством, одним словом—у здоровых людей, пользующихся весьма питательным и обильным столом и весьма незначительною деятельностью.

Стало-быть, к ожирению располагают: здоровое сложение, обильная пища, сидячая жизнь и бездеятельность.

Литератор и мелкий небогатый чиновник, несмотря на сидячую жизнь, не ожиревают, потому что они большей частью работают сверх своих сил и редко пользуются блистательной материальной обстановкой. Но тот же литератор и тот же чиновник, делающийся тузом, быстро начинает прибывать в фигуре и весе (12).

Светские барыни, несмотря на бездеятельную жизнь, редко полнеют потому, что, с одной стороны, редко пользуются хорошим здоровьем вследствие воспитания и наследственности, с другой стороны, потому, что жизнь их все-таки не так беспечна и сонна, как жизнь купчихи. Заботы о нарядах и выездах, о положении в свете, интриги и соревнования в состоянии также изменить тело, как умственный и физический труд.

О влиянии недостаточного питания будет сказано в другом месте.

Удобство жизни, комфорт, забота о своей внешности также отражаются на физических свойствах человека и животных.

Деревенская рабочая лошадь, превращенная в городскую выездную, скоро изменяет свой внешний вид. Овес, теплая и сухая конюшня, заботливая чистка и вытирание производят то, что та же самая неуклюжая лошадь делается гораздо круглее, нежнее и красивее.

Деревенский мальчик, взятый на воспитание или усыновленный господами, в скором времени делается по наружному виду настоящим барченком. Бедняк, вышедший в люди или разбогатевший, с течением времени получает в своей фигуре нечто, так называемое, благородное. Это нечто, смягчающее и округляющее черты человека, и есть результат комфорта и довольства. Такое изменение фигуры, цвета и выражения лица зависит как от рода пищи и удобства помещения, так и от культуры своего тела, душевного состояния и образа жизни.

Выражение лица, главным образом, складывается вследствие преимущественного упражнения тех или других лицевых мускулов. Деятельность этих мускулов находится в связи с нравственным состоянием человека. Страсти или известное настроение духа отражаются на лице вследствие необходимого сокращения при этом известной группы мышц, потому и говорят, что лицо есть зеркало души. Когда известное состояние повторяется у человека довольно часто, то и деятельность мускулов, выражающих это состояние, усиливается и, наконец, делается привычной. Таким образом складывается постоянное, свойственное известному человеку и характеризующее его выражение лица. Мы различаем умное и глупое, веселое, задумчивое или печальное, величественное (начальническое), напыщенное, злое или хитрое и тому подобные выражения, смотря по тому, какое из этих качеств у человека преобладает. Говорят, что некоторые дамы и начальники нарочно приучают перед зеркалом свои физиономии к известному выражению и путем упражнения достигают своей цели.

Если мы будем применять теперь влияние внешних жизненных условий к совершенствованию человеческих пород, то прежде всего должны заметить то общее положение, что, чем благоприятнее сказанные условия для каждого

человека или нации, тем совершенствование идет быстрее. Как несомненно то, что климат и физические условия страны имеют неоспоримое влияние на успехи цивилизации, так же точно, с своей стороны, плоды цивилизации, выражающиеся в народном довольстве, возвышают моральный и физический уровень народа. Поэтому кавказское племя так опередило в развитии все остальные племена; поэтому же более цивилизованные ветви этого племени представляются, даже в анатомическом отношении, более совершенными, чем другие, менее цивилизованные. Греки и римляне выработали свой тип до такой высокой степени, что под их влиянием многие современные народы Европы, происходившие некогда от диких или полудиких племен, облагородили свой тип и примкнули к народам более совершенным; от того же, с другой стороны, многие нецивилизованные племена, находящиеся в невыгодных материальных условиях, до сих пор так мало развиты.

Чтобы оценить влияние материального довольства на физическое развитие человека, достаточно обратить внимание на факты, находящиеся у нас перед глазами. Сравните русские деревни, населенные свободными крестьянами и некогда бывшими крепостными, деревни зажиточные—с разоренными и долго угнетавшимися, — и вы увидите в типе жителей тех и других большую разницу. Пришибленное, униженное и разоренное народонаселение с первого раза бросится в глаза своей физической и нравственной неразвитостью. Поставьте этих же самых людей в более благоприятные условия материального быта, и они не замедлят догнать в развитии своих более счастливых соседей. Впрочем, о влиянии бедности и рабства мы будем еще говорить в своем месте.

Таким образом, нужно признать несомненным, что материальное довольство имеет громадное влияние на совершенствование физических и моральных качеств, как целой нации, так и отдельных личностей, что это совершенствование идет рука об руку с успехом истинной цивилизации. Стало-быть, та страна или те учреждения, которые дают жителям более свободы и достатка, этим самым могут более

рассчитывать на успех прогрессивного развития человека. Жители порабощенные, коснеющие в бедности и невежестве, могут в продолжение целых веков не только не сдвинуться вперед, но потерять и то, что имели. Нам должны казаться дикими претензии тех цивилизаторов, которые, под видом благодетельства, стараются распространить европейское просвещение огнем и мечом. Разорение и рабство служат первым шагом к вырождению нации. Поэтому цивилизация, внесенная в страну таким путем, естественно, не может служить стимулом для развития туземных сил, а скорее рассадником для распространения сил внешних, пришлых, разрастающихся здесь в прямой ущерб национальному туземному развитию.

3. Рациональное бракосочетание.

Выбор супругов при бракосочетании представляет один из важных гигиенических вопросов, самое существенное условие для улучшения породы. От качества супругов непосредственно зависят и качества потомства. Это давно понято народным смыслом, выразившим свою мудрую наблюдательность в пословицах: „яблоко от яблони не далеко падает“, „что посеешь, то пожнешь“. Поэтому вопрос о рациональном бракосочетании по своей важности требует серьезного внимания. Но прежде чем мы будем говорить об этом важном предмете, необходимо сделать небольшое разъяснение.

Можно ли, могут сказать мне, так материально смотреть на брак—самое святое таинство жизни; можно ли так сурово и холодно смотреть на любовь, подчиняя ее—это прихотливое и капризное дитя—правилам науки и соображения? Наконец, можно ли смотреть на брак, как на скрещивание домашних животных с целью улучшения породы! Это уже выходит из пределов материализма,—это цинизм!

Вы сейчас увидите, что в моих словах нет никакого цинизма, что я также уважаю брак и любовь и не отнимаю от последней ее очарования. Вы согласитесь со мной, что индивидуальная любовь есть род личного вкуса: иному нравится арбуз, иному свиной хрящик, один любит осень, дру-

гой может восхищаться только весной, один любит тухлые яйца и подгнивших рябчиков, другой этого терпеть не может. Точно так же и относительно половой любви. Есть люди, которым нравятся худенькие, жиденькие, болезненные создания, другие, напротив, находят вкус в сочности, здоровьи и настоящей красоте. От любви к свиному хрящичу и тухлым рябчикам вреда никому быть не может, а от неестественно развившейся половой любви могут произойти весьма плачевные последствия на потомстве. Любовь точно так же должна подчиняться ограничениям, контролю рассудка, как и всякая другая потребность; потому что и это чувство может проявляться так же ненормально и нерационально, как и многие другие потребности. Представьте, что у больной женщины развивается ложный вкус к потреблению таких предметов, которые не только не питательны, а даже положительно вредны (уголь, глина, уксус и пр.), или, например, у пьяницы развивается вкус или любовь к запоям: неужели вы вооружитесь против того, кто будет доказывать, что этот вкус существовать не должен, что это извращение вкуса?

Вот точно так же и относительно половой любви. Я ничуть не отвергаю ее необходимости при бракосочетании, а хочу только высказать, что не всякая любовь естественна, рациональна, и есть такие симпатии, где супружество было бы положительно вредно, не говоря уже о тех случаях браков, которые идут наперекор науке и рассудку. В браках повидимому безупречных сплошь и рядом мы видим, что группировка полов делается не вполне удовлетворительно. Блондинка лимфатического телосложения, сырая и вялая сделала бы гораздо лучше, если бы вышла замуж за человека с противоположными качествами, чем за такого же лимфатика. Два хороших человека не всегда еще могут быть хорошими супругами. Говорят, что в семейной жизни муж и жена иногда не сходятся характерами и убеждениями, точно так же они могут не сходиться темпераментами и прочими физическими качествами. Как в первом случае выходит, что два в отдельности достойных человека, сведенные вместе, принесут друг другу несчастье, точно так же два в от-

дельности порядочных организма могут произвести неудовлетворительное потомство. Поэтому следует заботиться, чтобы в брачных сочетаниях по возможности существовало не только моральное, но и физическое равновесие. В знании тех условий, при которых это может быть легче достигнуто, и заключается подбор супругов.

Мне скажут, что вопрос о браке не может быть рассматриваем чисто с гигиенической точки зрения, что здесь не менее важны нравственные и гражданские условия. В этом, конечно, сомневаться никто не будет, но, разбирая только физиологическую и гигиеническую сторону брака, я ничуть не отвергаю этим других сторон, все равно как физиолог, рассматривая функции человеческого организма и умалчивая о социальных и других отношениях человека, этим самым не отвергает существования этих отношений и не подрывает их важности.

Что касается до того, насколько научно-обоснованные гигиенические правила брака могут быть применимы к жизни,—это другой вопрос. В жизни случается не редко, что сколько ни уговаривайте не есть углей или сгнившего сыра, не пить водки и пр., но болезненный вкус берет свое, и нас не слушают: точно так же возродившаяся нерациональная любовь сплошь и рядом, очертя голову, кончается женитьбой, но из этого еще не следует, чтобы не стеснять свободного чувства правилами науки. Имеющие уши слышать, да слышат. Кто захочет понять, что брак между стариком и молодой девушкой, между чахоточным или эпилептиком не только безрассуден, но преступление, тот не женится таким образом. Кроме того, наши слова могут быть не бесплодными и потому, что самый вкус при выборе предмета любви, как и вообще всякий вкус, подчиняется развитию; следовательно, сознавая условия нормального бракосочетания, можно более или менее стремиться к выработыванию настоящего, рационального вкуса. При всем этом нужно помнить, что на брак следует смотреть не как на личное удовольствие, а как на важный акт гражданской жизни, как на таинство воспроизведения рода, в котором должны быть заинтересованы не два только лица, но и все общество, наука и за-

конодательство. После этого, надеюсь, читатели не ужаснутся при мысли об улучшении человеческой породы, о рациональном подборе родичей и пр.

Слишком взыскательные читатели могут обидеться в нашей статье еще тем, что мы часто сопоставляем вопрос о человеческой половой производительности с подобными явлениями у животных. В самом деле, для человека, привыкшего считать себя царем всего существующего, для человека, всосавшего чуть не с молоком матери такое убеждение, что между ним и животным нет ничего общего, естественно, такие сопоставления с непривычки могут показаться щекотливыми. Но мыслящий читатель должен отбросить ложное самолюбие и смотреть на вещи не через розовый флер, а так, как они существуют в действительности. Он должен сознать прежде всего, что органическая жизнь человека и животных так близка между собой, что наибольшая часть физиологических процессов у них почти тождественны. Поэтому при изучении этих процессов необходимо и в высшей степени важно пользоваться фактами, взятыми с животных, так как эти последние гораздо более доступны экспериментальному исследованию, так как у них физиологическую жизнь не только можно наблюдать, но и преднамеренно выставлять на вид, направлять по произволу согласно той или другой цели. Зная, что результаты этих опытов с полной основательностью могут быть перенесены на человека, естественно, что ими следует дорожить, а никак не обижаться. После всего сказанного мы можем спокойно продолжать свою речь.

При вопросе о выборе супругов мы рассмотрим возраст вступающих в брак, нравственные и физические их качества и помесь крови.

Вопрос, в каком возрасте должны быть заключены браки, настолько же важен, насколько и труден для решения. Вообще можно сказать, что брак должен быть позволяем тогда, когда развитие окончилось, и телосложение совершенно установилось, или, как говорят, человек совершенно „сложился“. Возраст, в котором средним числом происходит это,—принимают 25 лет для мужчины и 20 лет для

женщины. Но из этого ничуть не следует, чтобы раньше такого срока ни мужчина, ни женщина не были способны к половой жизни. Месячные очищения у женщин, служащие наружным признаком половой зрелости, в Южной Европе появляются средним числом с четырнадцатилетнего возраста, в Средней Европе—с пятнадцати лет, в России самый обыкновенный срок—от 14 до 16 лет, в Лапландии, и вообще на самом севере, они показываются не раньше 18 лет, а часто и позже того. В исключительных случаях месячные очищения появляются гораздо раньше, например, на 9—10 году. Вильсон наблюдал девушку, которая на 12 году забеременела и потом легко родила зрелого ребенка¹⁾. По Робертсону одна девушка 11 лет была уже беременна; а по Смитю другая 10^{1/2} лет получила регулы и 12 лет родила. В случае Ровле девочка 9 лет имела регулы, а 10 лет и 13 дней родила живого ребенка. В южных странах таких примеров можно встретить довольно много. В России еще так недавно женщины выходили замуж 13—14 лет, а 15—16 иногда делались уже матерями. Но следует ли однако же из этого, чтоб такие ранние браки могли считаться рациональными, что появление менструаций у женщин и продукция семени у мужчины действительно указывают на полную готовность их к размножению рода? Этот вопрос и должен занимать нас в настоящее время. При рассмотривании его представляются факты двух родов: одни могут оправдывать ранние браки, другие говорят против них.

Если рассматривать женщину исключительно с физиологической точки зрения, то всякая возникающая физиологическая потребность должна считаться законною и своевременною, и, стало-быть, удовлетворение этой потребности по мере ее возникновения не должно быть вредно. Человек хочет есть — накормите его, чувствует жажду — утолите ее; у человека в известном возрасте являются половые побуждения, — почему же не считать эти побуждения также естественными и своевременными? Если мы будем стеснять эти побуждения, то они найдут другой, менее естественный выход. Гони природу в дверь, она влетит в окно. Почему

¹⁾ „Edinburgh Medical Journal“, 1861, vol. II, p. 332.

знать, не приносим ли мы более вреда, чем пользы, преследуя ранние браки, именно потому, что этим самым мы даем, может быть, повод к усиленному развитию в обществе тех пороков неестественного полового удовлетворения, которые растлевают молодое поколение и так губельно действуют на здоровье народонаселения?

Стесняя ранние браки, мы ничуть не стесняем этим проявления половых инстинктов; они все равно пробивают себе путь, но путь косвенный, а потому более вредный. Брак, рассматриваемый исключительно с гигиенической точки зрения, предохраняет от многих болезней и увеличивает среднюю продолжительность человеческой жизни. Это очевидным образом доказали точные статистические выводы, например, К а с п е р а и др.

Следовательно, чем позже будут заключаться браки, тем больше на общественном здоровьи будут отражаться те невыгодные условия, которые влечет за собой безбрачная жизнь.

В пользу ранних браков приводят также тот факт, что такие браки во многих странах, в том числе и в России, позволялись законом и существовали в течение многих лет без заметного ослабления народонаселения. Из читателей этой статьи, вероятно, много найдется таких, матери которых были выданы замуж около 14 лет, но, несмотря на это, ни на матерях, ни на потомстве не отразилось заметного ослабления. Мне самому удавалось наблюдать беременность и роды у девушки 16—17 лет, и при этом я не замечал, чтобы такая беременность вредно действовала на организм молодой матери, или чтобы плод ее был не вполне развит и упитан.

Что касается теперь до родов и послеродовых болезней, то с первого раза казалось бы, что юная мать 15—16 лет с трудом должна выносить родовые муки, что силы ее едва ли будут достаточны для продолжительного и вообще трудного акта рождения младенца. Но факты об этом говорят противное. Всем акушерам известно, что чем моложе женщина, рождающая в первый раз, тем роды ее легче. Продолжительность первых родов у женщины 16—18 лет можно принять в 14—16 часов, тогда как у женщины старше 20 лет на это требуется около или даже более 20 часов.

Женщина, рождающая в первый раз после 25 лет, редко обходится без оперативного акушерского пособия. Легкие роды у наших крестьянок, кроме сложения, может быть, зависят и от того, что в крестьянском сословии девушка рано выходит замуж.

Таким образом, повидимому, чрезмерная болезненность родов, на которую так часто сетуют наши дамы, упрекая несправедливую к ним природу, во многом зависит от них самих. В менее цивилизованных общественных группах, где жизнь идет более сообразно с природой, где половая сфера начинает свою деятельность в свой законный срок, где организм женщины не ослаблен и не извращен несообразным воспитанием и образом жизни, там процесс рождения младенца не представляется карой небесной.

Я не хочу сказать, что у крестьянок родовой акт совсем безболезнен: известная доля родовых болей необходима. Боли при родах дают знать о начале этого процесса; без них много бы детей было потеряно на улице. Поэтому роды и у животных и у человека сопровождаются болью, заставляющею во-время принимать меры предосторожности для более безопасного появления на свет нового индивидуума.

Обратимся, однако же, к главному вопросу.

Из вышесказанного видно, что раннее замужество и рождение детей не представляют с первого раза особенных невыгод ни для матерей, ни для их потомства. Мало того, оно облегчает мучения первых родов и, содействуя с самого начала нормальному ходу половой жизни, предотвращает неблагоприятные последствия как от излишнего полового воздержания, так и от неестественного удовлетворения половых стремлений.

Но это только одна сторона вопроса. При всестороннем обсуждении дела необходимо взять во внимание не одну физическую натуру человека, не одни физиологические побуждения, но и моральную сторону брака, социальные условия семейной и общественной жизни. Если мы будем смотреть на брак только с физиологической точки зрения, т.-е. как на освященное законом средство для размножения потомства, стало-быть, если будем иметь в виду только способ-

ность или неспособность человека к размножению, то нам ничто не попрепятствует допустить женитьбу для мужчин 17—18 лет, а для женщин—15—16 лет, так как это — период половой зрелости тех и других. Но брак в то же время составляет начало новой, самостоятельной гражданской жизни, стало-быть, кроме воспроизведения детей, от супругов требуется известная подготовка к этой жизни. У народов нецивилизованных эта подготовка не представляет особенной сложности, так как самая жизнь их очень проста и незатейлива; но чем сложнее социальные условия, в которых живет человек, тем больше требуется запаса сил для обеспечения семейного довольства и счастья. Поэтому, кроме половой способности, вступающие в брак должны иметь способности и силы для гражданской жизни, известную долю образования, известную зрелость рассудка. Хорош будет, например, 18-летний муж с 15-летней женой, когда ни у того, ни у другого еще не сформировался характер, не установился рассудок. Было бы безрассудно советовать таким юношам, в силу физиологических принципов, брать на себя важные обязанности мужа и главы семейства. Увлечения, свойственные этому возрасту, шаткость убеждений, недостаточность подготовки для того, чтобы обеспечить и руководить свое семейство, очень легко могут повести не только к разным несчастьям жизни, но и отразиться на здоровье потомства. Стало-быть, не только в видах семейного счастья, но и в видах улучшения рода, такие браки не должны считаться рациональными. Поэтому для большинства в цивилизованном классе можно постановить гигиеническим правилом для мужчин вступление в брак не раньше 25-летнего возраста, а для женщин—не раньше 17—18 лет. В это время как у женщины, так и у мужчины рассудок более зрел, суждение более здраво, знания более положительны и характер более сложившийся, что вполне необходимо для отца и матери семейства, для хозяина и хозяйки дома. Срок для вступления в брак, положенный нашим законом, именно для женщин в 16, а для мужчин в 18 лет, не противоречит физиологическим основаниям, но не вполне соответствует социальным требованиям.

Для тех, кто хотел бы руководствоваться для определения первого срока половой жизни одним физиологическим побуждением, следует заметить, что это побуждение в цивилизованных классах большею частью развивается преждевременно, до наступления периода возмужалости, вследствие ненормального физического и нравственного возбуждения. С ранней юности общество, чтение, примеры, возбуждают желания молодых людей обоих полов, разжигают огонь страсти и ускоряют преждевременное наступление половой зрелости. Следовательно, как здесь, так и во многих других случаях, одним побуждением руководиться нельзя. Для этого и существуют правила гигиены, отличающие действительную потребность организма от ложной и извращенной. Преждевременно начавшаяся половая жизнь, без сомнения, послужит в ущерб развитию тела, будет действовать ослабляющим образом, как на самих производителей, так и на потомство. Поэтому все древние законодатели совершенно справедливо старались отдалить эпоху брака, потому что, в самом деле, преждевременное воспроизведение рода до наступления полной зрелости мужчины и женщины неизбежно отразится на потомстве гибельным образом. Наблюдателями замечено, что дети слишком молодых родителей (не окончательно сложившихся и окрепших) отличаются малым ростом, слабостью и сильным расположением к болезням. Яйца молодых куриц вдвое меньше, чем куриц взрослых; щенята, родившиеся после первого оплодотворения суки, никогда не достигают большого роста (Бурдах). Скотоводы замечают, что если животное при не вполне соответствующем питательном корме допускается к случке в раннем возрасте, то оно становится малорослым и слабым. Если оно впоследствии и получает более обильную пищу, то и тогда в нем развивается более жир, чем мышцы, и относительно полезности оно не будет иметь большого значения ¹⁾).

Что касается до тех невыгод, которые влечет за собою безбрачная жизнь, до извращения и неправильного прояв-

---

¹⁾ Д-р Вейденгаммер. Сельско-хоз. скотоводство, как аргумент дарвиновой теории. „Зап. Русск. Общ. Акклиматиз.“. Москва, 1865.

ления половых инстинктов, то, не отвергая важности этого влияния на ослабление народонаселения, мы думаем, что это влияние следует парализовать не ранним вступлением в брак (это значило бы одно зло заменять другим), а другими путями, о которых говорить здесь не место. Если бы условия нашей социальной жизни были не те, что теперь, то и вопрос о сроках вступления в брак мог бы быть разрешаем более на физиологических основаниях, стало-быть, и борьба с неестественным проявлением половых инстинктов могла быть устранена сама собой. Но нам поневоле нужно применять гигиенические правила к той жизни, которою мы живем, а не к жизни идеальной, ожидаемой в будущем. Поэтому помянутое зло, естественно вытекающее из сложившейся жизни, может быть пока устраняемо не радикально, т.-е. не изменением самой жизни, а паллиативным образом, действуя не на корень зла, а только на его проявления ¹⁾).

В каком возрасте родителей можно ожидать лучшего потомства? Зная общие законы наследственности, этот вопрос разрешить не трудно. Тот возраст, в котором человек, окончательно сложившийся и окрепший, пользуется лучшим здоровьем, тот возраст, в котором различные невзгоды и лишения жизни, пороки и излишества не положили еще своей печати на здоровье человека, естественно должен

---

¹⁾ Древним римлянам и грекам, говорят, рукоблудие было неизвестно, потому что развитие их молодости более соответствовало законам природы, а свободе половых сношений не препятствовали ни религиозные, ни моральные взгляды, ни закон, ни государственные учреждения. Новейшим векам суждено было заменить многие открытые, часто менее вредные проступки, более губительными тайными злоупотреблениями. Сдерживаемый и потом неправильно прорывающийся половой инстинкт в современном обществе служит одним из самых важных зол, подрывающих народное здоровье. Это зло проявляется тем в больших размерах, чем больше в известном классе или сословии существует стеснений относительно брачной или вообще половой жизни. В простом классе общества, где эта жизнь идет регулярнее, где браки заключаются раньше, помянутые пороки существуют в гораздо меньшей степени. Каким образом устранить эту неизбежную жертву современной цивилизации и склада гражданской жизни,—это вопрос настолько же социальный, насколько и гигиенический.

считаться лучшим возрастом для размножения. Стало-быть, возраст 25—35 лет для мужчины и 17—30 лет для женщины, т.-е. период лучшей красоты, силы и энергии, следует признать самым удобным для размножения рода.

Само собой разумеется, что и последующие сроки, например, с 35—40 лет для мужчины, с 30—40 лет для женщины, тоже будут плодородны, но это плодородие, воспроизведенное на ослабленной и истощенной почве, не будет уже так совершенно, как вышеупомянутое. От этого самые последние дети, рожденные в преклонных летах, несмотря на устроившийся быт и довольство родителей, почти всегда имеют врожденные недостатки сложения—результат слабости организма родителей. Английская болезнь, золотуха, бугорчатка, слабость физического и умственного развития резко отличают эти запоздалые произведения от их братьев и сестер, рожденных в цветущее время жизни ¹⁾.

Многим из читателей, вероятно, приходилось недоумевать, почему так часто у весьма развитых родителей являются очень ограниченные дети, но не многие обращали внимание на то, что эти родители, потратившие большую половину жизни и здоровья на свое развитие, благодаря неудобствам социальных условий, слишком поздно применили ослабевшую уже воспроизводительную способность.

Здесь мы должны обратить внимание еще на одно обстоятельство. Известно, что в нашем просвещенном обществе мужчины большею частью женятся по истечении 30 лет следовательно, самый благоприятный возраст для произведения рода и самые лучшие элементы для этого тратятся или совершенно даром, или идут на производство так называемых незаконнорожденных детей. Из этого, повидимому, следовало бы, что большинство незаконнорожденных детей должно обладать лучшими качествами, чем позднейшие,

---

¹⁾ Дети старых родителей,—говорит Леви,—кажется, более обыкновенного предрасположены к английской болезни; они не отличаются живостью и веселостью, свойственною их возрасту, и часто умирают от чахотки, хотя бы даже родители их вовсе не страдали этой болезнью. Если же они остаются в живых, то не развиваются как следует и подвергаются преждевременно различным страданиям.

законные произведения тех же родителей. Это и должно бы происходить на самом деле, если бы на упомянутых детей не влияли со всех сторон губительные условия. Известно, что смертность между незаконнорожденными детьми и подкидышами достигает самых ужасающих размеров. Из 12.786 детей, принятых в Дублинский воспитательный дом, с 1789—1805 год по прошествии 5 лет, в живых осталось только 135 (Friedländer). В парижском воспитательном доме в конце прошлого столетия из 100 детей умирало 80, даже 90⁰/₀¹⁾.

В настоящее время в воспитательных домах смертность хотя и значительно уменьшилась, но все-таки она сравнительно велика. До истечения первого года жизни там умирает детей 22—25⁰/₀, тогда как в других местах, по деревням и городам, 17—20⁰/₀; в продолжение первых 5 лет обыкновенно детей умирает около половины (немного менее); детей же из воспитательного дома—наверное более половины. Из детей, оставшихся в живых, большая часть носит отпечатки тех гигиенических неудобств, на которые обрекает их несчастное рождение. Таким образом, значительный процент своевременной и, может быть, действительно лучшей производительности народонаселения пропадает даром, приносится в жертву дурным условиям социального быта.

Разность лет между мужем и женой также имеет влияние на качество приплода. Основываясь на физиологическом законе более скорого созревания женщины сравнительно с мужчиной, почти во всех странах и во всех классах общества женская половина брачной четы бывает моложе мужской. Но эта разница не везде бывает одинакова. В народных массах она при нормальных браках большей частью равняется 2—3 годам, в привилегированных же сословиях 5—10 годам. Такая разность лет может считаться нормальной, потому что ее оправдывают физиологические условия жизни женщины и мужчины. Выше мы видели, что половая зрелость наступает у женщины несколькими годами раньше, чем у мужчины, и вместе с тем первая старится

---

¹⁾ По этому поводу один остроумный автор предложил на подобных заведениях делать надпись: „Здесь губят детей на общественном иждивении“.

скорее, чем последний. Способность к деторождению у женщин продолжается до 40—45 лет и только в редких случаях до 50 года, тогда как у мужчины эти границы в точности еще не определены, но во всяком случае они больше, чем для женщины. Жизнь женщины вообще течет быстрее. Если мы возьмем 30-летнего мужчину и 30-летнюю женщину, то последняя будет всегда казаться гораздо старше, более отцветающей, чем первый. Поэтому естественно, что одинаковость лет для обоих супругов и тем более обратная несоответственность их представила бы много невыгод и относительно воспроизводительной способности и относительно семейного счастья. Поэтому помянутая разность лет всегда была покровительствуема законами и освящена народными обычаями.

Но как во многих других житейских отношениях, так и здесь часто бывают злоупотребления. На каждом шагу в нашем обществе повторяются печальные факты ненормальных супружеств между пожилыми людьми, даже стариками, и молоденькими девицами—супружеств, одинаково растлевающих институт брака и подрывающих народное здоровье. Мы уже говорили о невыгодных условиях и последствиях позднего плодородия; они должны отразиться и здесь, потому что воспроизводительные силы молодой матери будут более или менее парализоваться угнетающим влиянием старика-отца.

Кроме того, при таких неестественных браках едва ли можно рассчитывать на полную супружескую любовь и гармонию, от чего тоже страдает как произведение и воспитание детей, так и общественная нравственность. Поэтому было бы желательно, чтобы разность лет в супружестве не превышала 10—12 лет, чтобы печальные и уродливые факты брачных сочетаний 16—18-летних девушек с 40—50-летними стариками были преследуемы, если не законом, то, по крайней мере общественным мнением. „Молодая девушка,—говорит Леви,—по расчету выходящая за старика, оскорбляет природу, потому что в этом случае интересы целого поколения приносятся в жертву страстям одной личности. Это, если можно так выразиться, настоящий физиологический

скандал; но он допускается законом, и общество может называть его только презрением и насмешкою“.

Кроме соответствующего возраста, мы поставили условием рационального бракосочетания необходимость известных физических и нравственных качеств супругов, при которых можно было бы рассчитывать на более удовлетворительное потомство. Важность этого условия ясна для всякого, кто понимает значение наследственности. Само собой разумеется, что в этом отношении было бы лучше всего подбирать таких супругов, которые не имеют ни физических, ни нравственных недостатков; но совершенства, как говорят, не существует на земле, поэтому в большинстве случаев было бы и то хорошо, если бы относительные недостатки супругов были бы сопоставляемы так, чтоб они не усиливали, а ослабляли друг друга. С физиологической точки зрения нужно, чтобы браки противодействовали различным телосложениям и темпераментам и могли, так сказать, нейтрализовать болезненную наследственность обоих супругов. Так, два семейства, имеющие одинаковые недостатки или расположенные к одинаковым болезням, породившись между собой, непременно усилят на потомстве эти недостатки. Поколение, рожденное, например, от двух слабогрудых супругов, расположенных к чахотке, или от золотушных, будет носить на себе эти недостатки или в такой же степени, как у родителей, или даже в усиленной. Золотуха или чахотка, соединяясь между собой, становятся пагубными рассадниками множества болезней. Поэтому браки между двумя больными, худосочными лицами с медицинской точки зрения должны бы быть запрещаемы. В противном случае неизбежно будет поддерживаться ослабление и вырождение породы.

Но нам скажут: что же делать с такими молодыми людьми, которые, повидимому, не годятся для рационального брака; неужели за свою слабость и болезненное сложение они должны быть обречены на безбрачную жизнь? Такой приговор был бы слишком жесток и неприменим к практической жизни; потому что при нашей почти общей болезненности, где бы было взять тогда достаточное количество женихов и невест? Поэтому общественная гигиена должна ограничить свои тре-

бования лишь тем, чтобы хотя один из супругов обладал здоровым сложением, или же оба супруга обладали такими разнородными качествами, которые бы уравнивали друг друга, подавляя болезненную наследственность слабого элемента. Так, например, если женщина, происходящая от чахоточных родителей, выйдет замуж за здорового и крепкого мужчину, то можно надеяться, что она сделается матерью здорового поколения, которое в свою очередь, соединяясь с „хорошею кровью“, произведет детей совершенно безукоризненных. В этом случае сила болезненной наследственности, ничем не поддерживаемая, а, напротив, ослабляемая влиянием здорового элемента, естественно будет уменьшаться и, наконец, совершенно истощится. Множество фактов, свидетельствующих о произвольном исчезании или заметном ослаблении некоторых наследственных болезней (напр., проказы), говорят в пользу помянутого смешения. И, наоборот, все более и более распространяющееся влияние сифилиса, чахотки и золотухи, заметно ослабляющих наше народонаселение, ясно говорят, как живой укор, в пользу того, что при бракосочетаниях на правила гигиены обращается все-таки слишком мало внимания.

В частности, при выборе супругов нужно иметь в виду:

1) Что при соединении двух лиц слабого телосложения, лимфатического темперамента, рождаемые дети будут еще более слабы, расположены к золотухе и английской болезни. Поэтому следует избегать таких соединений, а, напротив, должно подновлять телосложение и темперамент хорошо обдуманной помесью. Беккерель в этом отношении советует, чтобы „крепкий, сильный мужчина, с темною кожей и хорошо развитой мышечной системой, соединялся браком с блондинкой, у которой голубые глаза, белая и тонкая кожа и лимфатический темперамент“.

2) Так как от соединения двух особ нервного темперамента дети должны обладать этим темпераментом еще в большей степени, то при выборе супругов нужно иметь в виду, чтобы темпераменты их были не сходны.

3) Если у одного из супругов существует наследственная или приобретенная слабость какого-нибудь органа, напр.,

зрения, слуха, недостаточное развитие мышц или костей и проч., то при брачных сочетаниях следует иметь в виду, чтобы у другого супруга эти органы были особенно развиты. Слишком полнокровные особы, расположенные к апоплексии, должны соединяться с лицами или неимеющими этого недостатка, или даже с малокровными.

4) Имея в виду улучшение красоты потомства или, лучше сказать, сглаживание существующих недостатков (например, наследственная чрезмерная полнота, раннее выпадение волос, некрасивая форма черепа и, вообще, сложения и пр.), нужно стараться заключать брак с таким лицом, у которого качества эти противоположны.

5) Слишком большая несоразмерность в росте супругов должна быть избегаема.

6) Как женщина, так и мужчина должны быть способны к производству потомства; поэтому женщина, имеющая неправильное строение таза, при котором роды невозможны, не должна бы выходить замуж. При обсуждении таких недостатков таза, при которых рождение не слишком крупных детей возможно, следует иметь в виду рост, размеры головы и плеч мужчины, за которого эта женщина должна выйти. Лица, страдающие важными наследственными болезнями, как, например, наследственным умопомешательством, падучей болезнью и проч., должны бы были отказаться от удовольствий брачной жизни (13).

7) Учитывая наследственность умственных и нравственных качеств и желая видеть на потомстве эти качества, при брачном сочетании нужно иметь в виду даровитость и нравственный характер породы. При этом не следует забывать, что умственное развитие не редко идет в ущерб физическому, что люди, истощенные непомерным умственным трудом, часто бывают плохими производителями.

8) При всякой возможности следует искать и предпочитать здоровое и крепкое телосложение слабому и болезненному, стройное и красивое—уродливому, умного человека — ограниченному, не жертвуя этими существенными качествами другим мелким выгодам и расчетам женитьбы. В случае же невозможности устроить брак на таких осно-

ваниях, следует, по крайней мере, заботиться о том, чтобы физические недостатки супругов не совпадали между собой.

Выполнение этих правил гигиены могло бы принести важную услугу, как отдельным лицам и целым семействам, так и целому обществу. Оно могло бы послужить средством устранять физические недостатки целого народонаселения, влекущие за собой ухудшение пород. К сожалению, врачей не призывают к участию в обсуждении вопроса о бракосочетании, ни к участию при составлении законов об этом предмете. Наши законодательства не предписывают никаких мер к улучшению физического быта человечества, за исключением разве запрещения брака в известных степенях родства. Поэтому общество само должно заботиться о таком важном вопросе. Оставляя на личный произвол условия второстепенной важности, напр., заботу о красоте потомства, общество должно преследовать, наравне с тяжкими преступлениями, те аномалии брака, которые влекут за собой гибельные последствия на поколениях. В самом деле, не имеем ли мы права точно так же назвать извергами 50-летнего старика, женившегося на 16-летней девушке, и чахоточных или сифилитических родителей, как мы называем вообще людей, лишаящих из-за личной страсти кого бы то ни было жизни или здоровья? Больные родители должны знать, что они произведут больных детей, поэтому они обязаны подумать не о своей только, уже сосчитанной жизни, а и о жизни несчастного поколения. Всякий болезненный ребенок, наследственно-чахоточный юноша, всякий изуродованный английскою болезнью или получивший в дар от родителей сифилис, падучую болезнь или помешательство вправе негодовать за такое наследство, особенно если они будут знать, что милые родители допустили это не по неопытности, а из своих корыстных или эгоистических расчетов.

О последствиях нерационального бракосочетания подробнее мы будем говорить в статье о вырождении человеческих пород.

Помесь крови. Между другими условиями, содействующими улучшению породы, помесь крови играет не-

маловажную роль. Вообще можно сказать, что породы животных и человека мельчают, когда все производители переродятся между собой. Коннозаводчикам и скотоводам это давно известно, потому они и стараются по возможности освежать кровь приобретением новых самцов, не родственных стаду. Дарвин говорит, что скрещивание в близких степенях родства уменьшает плодовитость и силу. На этом, между прочим, основывается вырождение животных, напр., зубра в Литве. Нынешние зубры Беловежской пушчи, потомки 500 зубров, живших там в 1824 году, все более или менее перероднились между собой. Вследствие этого рост зубров значительно уменьшился. Таких больших животных, какие убивались королями польскими, и вес которых записывался, теперь уж нет. Полагают даже, что в настоящее время существует две разновидности зубра, из которых одна гораздо мельче другой, представляющая, по всей вероятности, результат вырождения. Наконец, самцов этого животного в Беловежской пушче родится теперь больше, чем самок, несмотря на то, что зубр — животное многоженное. Подобные факты вырождения существуют и в человеческом роде. Известно, что при недостатке помеси крови вырождались и исчезали целые фамилии, ослабевали и клонились к упадку целые нации. Из этого очевидно, какую важную роль должна играть помесь крови в гигиеническом отношении.

Почему же именно помесь крови действует так благотворительно? Не говоря о том, не вполне еще разъясненном, но фактически несомненном наблюдении, что браки между близкими родственниками влекут за собой упадок производительной силы, — браки между лицами, живущими в одной ограниченной местности, должны содействовать увеличению на поколении тех физических недостатков, какие существуют в этой местности. Положим, например, что в известном уезде, вследствие физических условий местности или образа жизни, у многих жителей развивается кретинизм, английская болезнь, золотуха и проч.; эти жители, роднясь только между собой, неизбежно усиливают сказанные болезни, так как лучших и более крепких производителей взять неоткуда.

Мы указали на более резкий пример, но сколько других, весьма разнообразных, явных и скрытых недостатков может развиваться в народонаселении всякой местности,—недостатков, свойственных именно взятому народонаселению, потому что они происходят от продолжительного существования в одинаковых неблагоприятных условиях. В другой местности и при других условиях здоровье народонаселения может быть или менее ослаблено, или существующие болезни и недостатки сложения могут проявиться в другой форме. При помеси крови между двумя народностями, сословиями и пр., существующие недостатки сглаживаются или вследствие подновления ослабевшей породы породой более сильной, или вследствие парализования существующих недостатков недостатками противоположного свойства, как мы видели это выше при подборе супругов. Этим или, может быть, многими другими путями действует помесь крови, но несомненно то, что в общей массе она действует благотворно. Жизнь сословия иссякла бы в непродолжительном времени, если бы оно не подновлялось постоянным притоком чуждых элементов, отличающихся от него и физическим телосложением и нравственными свойствами. В этом непрерывном обмене, в этом разнообразии, в этой, можно сказать, борьбе и заключается источник общественных сил и живучесть всякого сословия. Изолируйте какое угодно сословие,—в среде его в скором времени накопится столько физических и нравственных недостатков, что оно измельчает, вырождается, сгорит и потухнет точно так же, как сгорает всякое органическое тело.

Составляя одно из существенных условий физического и морального развития народов, помесь крови совершается в большей или меньшей степени почти повсюду, как между племенами и народами, так и между сословиями и семьями. Степень проявления ее бывает, конечно, различна, смотря по тому, где существует больше условий, соответствующих или противодействующих этому. Об этих условиях мы и считаем нужным поговорить здесь.

Географические условия страны и степень сношения жителей с соседними народами могут существенно содействовать или противодействовать инородной, внеш-

ней помеси. Местности изолированные или слишком отдаленные (некоторые острова, Китайская империя и пр.), где жители не находятся почти ни в каких сношениях с жителями других местностей, естественно препятствуют помеси. Поэтому в таких местностях развитие обыкновенно подвигается очень медленно, тип жителей не совершенствуется, или остается на одном уровне, или даже ухудшается. Между этими местностями более противодействуют вырождению те, которые занимают большие пространства и имеют смешанное народонаселение, нежели местности небольшие, с однообразным народонаселением. В первых может еще происходить внутренняя помесь (областная, сословная), вследствие чего тип жителей разнообразится и подновляется, между тем как во вторых, большею частью мало или вовсе нецивилизованных, где между жителями нет ни племенного, ни сословного различия, при существующем однообразии помеси делаются невозможными. В первом случае отсутствие внешней помеси мешает только прогрессивному развитию народа, обуславливает умственный и физический застой, но не мешает здоровью народонаселения. Во втором случае, при отсутствии даже внутреннего разнообразия и помеси, физические и нравственные недостатки народа, развившиеся в данной ограниченной местности, под влиянием постоянно существующих одних и тех же условий, будут прогрессивно увеличиваться.

В тех странах, которые по географическому положению, политическому развитию жителей не разобщены от других населенных и цивилизованных местностей, внешняя помесь в той или другой степени происходит неизбежно. Вследствие этого совершается непрерывный обмен как физических, так и моральных сил, — обмен, при котором слагается тип и увеличивается рост каждой нации, подновляются ее силы, сглаживаются недостатки. Такую помесь мы видим у всех европейских народов. Ей содействуют просвещение страны, торговые и политические сношения, удобства путей сообщения.

Степень внутренней помеси и результат ее в каждой стране зависят также от географических условий, характера

народонаселения, сословных предрассудков, сословных прав и религиозных взглядов.

Страна, раскинутая на большом пространстве, где существует большое разнообразие климата, местности и вообще всех физических условий, дает возможность к разнообразному развитию жителей. В этом отношении Россия дает самые выгодные условия. Здесь вы найдете жителей, развившихся под самыми разнообразными широтами, начиная с глубокого севера до Закавказья,—жителей самых разнообразных местностей, начиная с тундр и кончая такими горными возвышенностями, где едва может обитать человек.

Естественно, что такое разнообразие физических условий должно было отразиться на характере и типе жителей. Поэтому в России более, чем во всякой стране, можно встретить самые разнообразные, самые противоположные типы сложений и темпераментов. Поэтому внутренняя помещь у нас должна бы была происходить самым деятельным образом. До сих пор, однако, этому значительно препятствовали недостатки путей сообщения и слишком большая привязанность наших жителей к своей местности. Поэтому многие из отдаленных провинций России могут быть рассматриваемы, как местности изолированные. Род занятий русского простонародья (хлебопашество), недостаток предприимчивости и свободы (вследствие бывшего крепостного состояния) были причиной тому, что помеси у нас происходили несравненно реже, чем они могли бы происходить. Эти помеси могли быть только в местах центральных, куда стекалось разнообразное народонаселение,—именно в столицах и больших городах, между тем как наибольшая масса народонаселения роднилась только с самыми близкими окрестными жителями (редко переходя в другую волость, еще реже — в другой уезд и почти никогда — в другую губернию), стало-быть, жителями, развившимися под одними и теми же условиями, имеющими более или менее однообразные свойства и недостатки. Вследствие этого результат помеси крови у нас был не так блистателен, как он мог бы быть. Но можно надеяться, что при лучших путях сообщения, при

большем богатстве, развитии и свободе, сближение жителей увеличится, и тогда помесь крови, подновление провинциальных типов будет заметнее. Во всяком случае, Россия в этом отношении может рассчитывать на свою живучесть, на свои внутренние силы, на рост из самой себя.

Обмельчание и вырождение типа в будущем у нас возможно разве только при самом несчастном политическом устройстве, именно, если бы в народе была убита всякая предприимчивость, прекратились бы сближения между отдельными провинциями, если бы существующее разобщение масс еще более увеличилось, и отдельные местности России еще более стали играть роль изолированных местностей.

С другой стороны, результат помеси увеличился бы, если бы наши провинции были более самостоятельны; если бы жизнь каждой из них не поглощалась общей центральной жизнью; если бы каждая провинция под влиянием собственных физических условий вырабатывала не одни только особенности сложения и темперамента, но особенности умственные и нравственные; тогда, при сближении этих разнообразно выработанных данных, результат помеси был бы еще важнее. В этом случае он мог бы иметь почти то же значение, как помесь внешняя, иностранная.

Из других стран самую замечательную и плодотворную помесь представляет Америка. Цивилизованное народонаселение ее составляет пеструю смесь выходцев (или потомков их) почти из всех стран Европы, стало-быть, лиц с самым разнообразным физическим сложением и с самыми разнообразными моральными задатками. При полной свободе сближения, жизни и развития, это народонаселение должно было воспроизвести в поколении новый тип или новые типы, в котором олицетворились и объединились лучшие человеческие качества, выработавшиеся в Европе под влиянием самых разнообразных физических условий и политических судеб. Оттого ни в одном европейском народе в отдельности мы не видим того совершенства ума, предприимчивости, энергии, какие представляет нам американский народ, вместивший в себе готовые частицы всех евро-

пейских цивилизаций и отбросивший в то же время большую часть тех недостатков, которые неизбежно накапливаются, как продукты горения, в каждой стране, развивающей свою цивилизацию последовательно из самой себя. Благодаря этой помеси и задаткам для нее на будущее время, американская нация имеет в себе столько силы и живучести, что ни внутренние раздоры, ни опустошительные войны, ни другие толчки, расшатывающие политический и гражданский строй страны, не будут для нее так ощутительны, как для многих других европейских народов.

Происхождению помесей, как мы сказали выше, могут препятствовать сословные предрассудки и религиозные взгляды. Мы хотим указать здесь на те предрассудки, по которым известные слои общества или известные семейства, вследствие истинного или ложного понятия о своих достоинствах, считают предосудительным или неприличным мешать свою благородную кровь с кровью менее благородной или плебейской (14). Сплошь и рядом случается, что аристократ или вообще дворянин всеми мерами противодействует тому, чтобы его дети вступали в брачные сношения с детьми из другого, по их понятиям более низкого, сословия, несмотря даже на то, если последние по своему образованию и природным дарованиям значительно превосходят первых. Такой *mésalliance* будто бы пятнает их род, мутит голубую кровь, содействует вырождению их величавого духа.

Такое опасение не безосновательно. Новый элемент, входящий в семейство с другими привычками и другим складом убеждений, естественно вносит их вместе с собой и отражает на потомстве. И мы, действительно, видим, что дети, происходящие от важных фамилий, но при помеси с народным элементом, утрачивают свое аристократическое чванство, свои фамильные предрассудки и слабости и становятся уже гораздо ближе к народу. Такая помесь оказывается тем более благодетельной, что лица (мужчины), выходящие из народа и выбираемые для такой помеси, обыкновенно представляют собой людей передовых, талантливых, потому что только помощью своих личных качеств они могут сделать такую помесь возможною. Следовательно, при по-

добных браках новые и лучшие качества, вносимые в обветшалую жизнь, по общему закону перевеса лучшего и сильного перед худшим и слабым, должны торжествовать, представлять больше устойчивости, и стало-быть аристократическая или дворянская кровь действительно должна терять свои качества.

На этом и основывается подновление пород, очищение крови от накопившихся недостатков.

Даже в таком случае, когда аристократ женится по расчету, напр., на купчихе, что так часто случается, и тогда помесь крови может отразиться на потомстве благотельно. Одно то, что женщина из купеческого сословия вносит в аристократию долю своего здоровья, чего там не достает,— имеет уже много значения. Но, кроме здоровья, по законам наследственности и путем воспитания, женщина может более или менее парализовать или ослаблять те сословные нравственные недостатки, которых везде так много. Дочки от матери купчихи и отца важного барина в большинстве случаев не будут так тщеславны, расточительны и пусты, как они были бы от такой же матери.

Во всяком сословии есть масса временем накопившихся физических и нравственных недостатков, большей частью своеобразных, вытекающих из исторического склада жизни данного сословия. Но, с другой стороны, везде есть и хорошие стороны, свои отличительные достоинства. Вследствие этого, чем больше в сословии будет помесей, тем больше будут очищаться сословные недостатки. При противоположных условиях естественно произойдут и противоположные последствия: масса физических и нравственных недостатков будет накапливаться больше и больше и, наконец, доведет до того, что сословие будет мельчать и вырождаться.

Это мы и видим на самом деле. Замкнутые сословия и кружки, происходившие некогда от прекрасных родоначальников, вскоре утрачивают свои родовые свойства и ослабевают так, что, наконец, совершенно стираются с лица земли. Так исчезли многие аристократические роды и продолжают исчезать до сих пор. Поэтому, чем больше будет доступ в привилегированные слои свежих народных сил, чем меньше

будет предрассудков против плебейского происхождения, тем больше шансов на моральное и физическое улучшение рода. В этом смысле народные силы, как обильный сырой материал, как кислород воздуха для горения, будут служить неисчерпаемым источником для поддержания гражданской и государственной жизни.

Из вышесказанного следует, что на успехи помеси, кроме сословных предрассудков, будет иметь влияние и установление сословных прав. До тех пор, пока негры останутся неграми, они не могут рассчитывать на помесь с белыми американцами. Во время существования крепостной зависимости нельзя было ожидать сближения народа с дворянским сословием. Для этого нужно, чтобы народ не только был свободен, но и богат, без чего самым талантливым личностям трудно выбраться из своей колеи. Распространение грамотности, установление свободного права поступления в средние и высшие заведения, известная доля обеспеченности и равноправия послужат в экономии государственных производительных сил Архимедовым рычагом. Образчик этого могущественного деятеля мы имеем и теперь перед глазами. Наше сельское духовенство, вышедшее непосредственно из народа, до сих пор отличается от своих праотцев весьма немногим. Причетники и даже дьяконы по материальному своему быту почти те же мужики, но только грамотные и более свободные. Дети их имеют право доступа в университеты и другие учебные заведения, и благодаря этому праву народно-духовный элемент проник во все слои общества, охватил собой все роды деятельности и послужил весьма значительным подспорьем для дворянства. В рядах ученых, литераторов, художников, чиновников и пр. они занимали и занимают не последнее место, а при лучших материальных средствах приток этих сил, естественно, был бы еще обильнее. Но что значит численность духовного сословия с численностью крестьянства? Если бы для последних в прежнее время существовал такой же доступ к образованию и гражданской деятельности, то, само собой разумеется, в нашем образованном обществе был бы теперь во 100 раз больше процент свежих и энергических сил.

Наконец, мы должны еще сказать о влиянии на внутренние помеси религиозных взглядов. В этом отношении, по крайней мере у нас в России, можно указать на католиков, лютеран, магометан и евреев. В нашем простом народе существует почти повсеместный предрассудок, по которому магометане, евреи и др. иноверцы считаются людьми погаными. Поэтому русский крестьянин не только не женится на инородках, исповедующих другую религию, но даже не заимствует от них никаких правил житейской мудрости. То же самое можно сказать относительно немецких колонистов и других инородцев. Вследствие такого предрассудка происходит то, что, несмотря на самые близкие поземельные отношения, несмотря на то, что русские крестьяне и инородцы сплошь и рядом живут в одной деревне, каждый из них остается совершенно изолированным. Татарских и немецких помесей, несмотря на видимую возможность их в настоящее время, в массе народонаселения происходит весьма мало. Благодаря этому немцы-колонисты, рассеянные в России небольшими отдельными группами, до сих пор остаются особняком, как *status in statu*.

Глава четвертая.

Вырождение человеческих пород и условия, его вызывающие (рабство, эксплуатация, бедность, недостаток обновления породы, кровосмешение и проч.).

История человечества во все времена показывала и показывает нам непрерывные примеры как прогрессивного, так и регрессивного движения. Будем ли мы наблюдать человеческую жизнь в массах—у целых наций, или в отдельных группах—у сословий и фамилий, везде мы встретим один и тот же факт постепенного возрастания, затем последовательного или быстрого понижения и, наконец, полного исчезания жизни. Жизнь нации, сословия и фамилии, точно так же, как жизнь отдельного индивидуума, имеет свои периоды и пределы. Везде есть периоды юности, зрелого возраста и старости. Продолжительность этих периодов для различных наций и сословий бывает различна, как и продолжительность каждой человеческой жизни в отдельности,—это зависит от степени запаса органических сил, от крепости физического и нравственного сложения нации и от случайных болезней государственной и социальной жизни. Но при всем том, даже в самых прочных нациях роковое движение возрастания и увядания непременно совершается в силу общего закона, с тою или другою скоростью. Таким образом, в короткий срок исторической жизни успели уже совершить и закончить свое существование много народов и государств, сменяя друг друга точно так же, как мы сменили наших дедов и в свою очередь будем сменены внуками. Так над землею прошло последовательно несколько цивилизаций, оставивших следом своего существования или только гра-

нитные обломки и развалины архитектурных произведений, или бессмертные идеи, доставшиеся в наследство следующим поколениям. Куда делись представители вавилонской, ассирийской и египетской цивилизаций? Где те греки и римляне, которые так высоко поднялись было над всеми земными племенами и народами и оставили в исторической памяти столько образцов ума и величия? Одни совершенно стерты с лица земли и исчезли бы даже из народной памяти, если бы дела рук этих народов не оказались прочнее, чем самые народы. Если и существуют теперь представители позднейшей цивилизации—потомки греков и римлян, то можно ли судить по этим обломкам великих наций о их прежнем цветущем состоянии? На этих остатках древней истории можно только изучать процесс вырождения народов, поглощение их новыми племенами, начинающими свою историю на их развалинах.

Факт вырождения народов, о котором свидетельствует нам история, точно так же, хотя и в меньших размерах, совершается и в нашу эпоху, перед нашими глазами. Вырождение этих последних происходит или путем слияния или перехода в другую нацию, или путем измельчания, ослабления и вымирания. Для примера мы можем взять, напр., американских негров, которые, как известно, быстро вытесняются белым племенем. В данном случае это зависело не от каких-либо предполагаемых законов судьбы, обречшей негров на жертву белым, а от тирании этих последних, от рабства, вследствие которого племенные помеси не могли быть слишком частыми, а самостоятельное существование поработенных в таком положении делалось все менее и менее возможным.

Но вырождение отдельных племен может происходить и совсем иным путем — именно путем растворения одного племени в другом посредством смешанных браков. В этом случае обычно имеет место уже не регрессивное, но, напротив, прогрессивное (догоняющее) движение.

Таким образом, мы указали на один порядок вырождения племен, порядок, который можно назвать перерождением или поглощением одного племени другим.

Он, как можно видеть из вышесказанного, может существовать только при тех условиях, когда между племенами существует известная степень движения, не препятствующая взаимным бракам. Следовательно, переходу одного племени в другое будут содействовать: равноправность и единство религии. Перерождению или поглощению племени содействуют: потеря политической свободы и его подчиненность.

Теперь мы обратим внимание на другой порядок вырождения, порядок гибельный, к стыду человечества существующий до сих пор в больших размерах и зависящий большею частью от гнусной тирании, порабощения, бедности, нравственного падения, — мы говорим о вымирании племени.

Известно, что чем ниже стоит народ на уровне человеческого развития, чем больше в нем невежества и пороков, чем несчастнее его материальный быт, тем больше смертности в этом народе. Это показывают статистические цифры не только относительно тех несчастных народов, которые вследствие своего извращенного социального положения, так сказать, обречены на вырождение, напр., негры, но и относительно народов всех других стран, стоящих на различных уровнях цивилизации. В Нью-Йорке, напр., между свободными жителями ежегодно умирал 1 из 36—40, тогда как между неграми, находившимися в рабстве, умирал 1 из 18. В английских, французских и других колониях между рабами больше умирают, чем рождаются на свет. Напротив, в Доминго, с тех пор, как неграм предоставили независимость, число их удвоилось. Вообще можно сказать, что народонаселение увеличивается смотря по средствам к существованию; у каждого народа дети рождаются и остаются в живых только соразмерно количеству пищи. Следовательно, чем богаче страна, чем независимее и обеспеченнее положение ее жителей, тем больше рождается и подрастает детей; напротив, при недостатке средств пропитания и вообще при несчастьях страны число рожденных уменьшается, а смертность увеличивается. Замечено даже, что в цивилизованных странах, вслед за неурожаем, войнами, повальными болезнями и проч., родов бывает меньше, чем в другое, более счастливое время.

Если мы сравним общую смертность в европейских странах по классам и сословиям, то увидим, что она распределяется неравномерно, именно в прямой зависимости от материального довольства и рода занятий. В Англии средняя долговечность высших и образованных слоев равняется 58 годам, тогда как у бедных и рабочих классов—30 лет. В Пруссии предполагают среднюю продолжительность жизни 24 года, а в России—только 11 лет (Каспер).

Но еще резче разница между долговечностью и смертностью детей в различных классах народонаселения. Статистические сведения всех стран показывают, что бедность и горе на детей действуют самым губительным образом. В Лондоне, между *gentry* (образованные и обеспеченные классы) смертные случаи у детей моложе 10 лет составляют только 2⁰/₁₀₀ всей смертности; у лавочников, купцов и т. п.— 6⁰/₁₀₀, у бедных классов 26—28⁰/₁₀₀. В Дублине детей рабочего класса моложе 2 лет умирает до 33—36⁰/₁₀₀, а в дурных кварталах— даже 50⁰/₁₀₀ (Willis), между тем, как в богатых классах Англии 82⁰/₁₀₀ достигает 10-летнего возраста. О смертности между незаконнорожденными детьми воспитательных домов мы уже говорили выше.

Этих немногих примеров достаточно, чтобы показать, как здоровье и долговечность народов находится в тесной зависимости от всех условий жизни и в особенности от материального довольства. В этом отношении плоды цивилизации в образованной Европе ясно обнаружались в улучшении общего здоровья и долговечности. Это улучшение шло и идет рука-об-руку с улучшением промышленной и общественной жизни, с увеличением средств к жизни и народного благосостояния и, наконец, с развитием народной нравственности. Средняя долговечность в средние века была не более 18 лет, а в прошлом столетии—немного более 20 лет, ныне же в культурной Европе она доходит до 38—45 лет. Прежде из 20 жителей ежегодно умирал 1, ныне же умирает 1 из 50—60. Вот какие плоды приносит добросовестная забота о народном благе.

Если мы применим теперь все сказанное к разбираемому вопросу о вымирании племен, то ясно увидим причины

вымирания. Выражение, что слабая раса, существуя вместе с расой сильнейшей, вытесняется этой последней и вымирает, должно понимать в том смысле, что при таком существовании на долю сильной расы обыкновенно выпадают все выгоды, а на долю слабой—все неудобства жизни. При эксплуатации слабых сильными, естественно, вся тяжесть физического труда, все лишения жизни падают на первых, оттого не только не может быть равномерности в прибыли народонаселения тех и других, но в угнетенной расе цифра смертности будет превышать цифру рождения.

Таким образом, с течением времени и пропорционально со степенью угнетения и эксплуатации, раса мало-по-малу уменьшается в числе и, наконец, может совершенно исчезнуть, точно так же, как вытесняются слабые растения и животные, существуя на одной почве с другими, более обеспеченными, одаренными большими средствами для поддержания себя и распространения рода. Если бы первые существовали на той же почве и при тех же естественных условиях, но без вмешательства последних, то размножение их не прекращалось бы, так как в этом случае они одни пользовались бы теми средствами, какие существуют на данной почве для их размножения. Поэтому, напр., те же негры, существуя независимо от белых, не вымирают, а размножаются по общим законам приращения человечества. Поэтому бедные, ослабленные классы без эксплуатирующего вмешательства богатых и сильных, размножались бы гораздо успешнее, точно так же, как по очищению сорных трав с полей и огородов, насаженные растения, получая вследствие этого больше питания, начинают расти быстрее и роскошнее. Следовательно, чем равномернее будет распределение народного богатства и сословных прав и преимуществ, чем меньше в обществе будет эксплуатирующих паразитов, тем с большей гармонией, с большим успехом будут развиваться народные силы, тем больше народные массы будут защищены от ослабления и вырождения.

Что касается до того вопроса: возможна ли такая гармония в сложных человеческих обществах,—то решение его сюда не относится. Для нас достаточно указать на ту общественную язву, которая подтачивает жизнь целых сословий, даже целых рас (цветных), достаточно указать на видимую и сознаваемую опасность, а каким образом предотвратить эту опасность, или уменьшить ее,—это уже вопрос не естественно-исторический, а социальный. Во всяком случае, разумное общество должно сознавать и сознает, что угнетаемые классы нуждаются не в соболезновании об их беспомощном положении, а в таких общественных учреждениях, которые бы поддержали их и предотвратили грозящее им вырождение. Если бы мы сказали, даже на основании исторических фактов, что низшая раса обречена на гибель самою природою и успокоились на этом, то мы бы погрешили и против истины и против человечества.

Если мы до сих пор видели, что белая раса везде поработала и вытесняла цветные, крепостное сословие страдало от помещиков, то в этом виновата не природа и не судьба, а кровожадные наклонности самого человека. Обуздать эти наклонности, защитить слабых перед сильными, по возможности уравновесить права и средства на существование,—это не такие вещи, которые могли бы считаться совершенно неудобноисполнимыми, а, напротив, стремление к их выполнению есть святая обязанность всякого, кто только может помочь в этом словом или делом.

Мы уверены, что одно уничтожение невольничества в Америке резко отразится на прибыли черного населения, как это было уже замечено и прежде, напр., в С.-Доминго. Вместе с тем, при улучшении материального быта и нравственности — необходимых спутников свободы — не только число рождений, но и средняя продолжительность жизни негров значительно возвысится.

Если по уничтожении невольничества нельзя еще ожидать уничтожения экономической зависимости, то эта последняя во всяком случае не будет равносильна рабству. Она существует всюду, но, представляя много переходных ступеней к самостоятельному и обеспеченному быту и нравствен-

ному развитию, гораздо более защищает расу от вымирания, чем рабское состояние. Во всяком случае, если отживающим или слабым народам суждено исчезнуть с лица земли, то гораздо лучше, когда такое исчезание совершается не путем рабства и вымирания, а путем перерождения, что мы действительно видим на отживающих народах образованной Европы и чего вправе желать и ожидать и для цветных рас, если они при восстановленных человеческих правах будут поставлены приблизительно в такие же условия.

До сих пор мы говорили только о вырождении племен и наций, но то же самое случается, хотя и при других условиях, в более ограниченных кругах, в сословиях и отдельных породах. Поочередное возвышение и угасание фамилий, процветание и падение привилегированных сословий во все времена представляло явление довольно обыкновенное и всем известное. „Il y a dans le monde“, пишет Michel Cervantes, „deux sortes de races; l'une tire son origine des rois et des princes, mais peu à peu le temps et la mauvaise fortune l'ont fait déchoir, et elle finit en pointe, comme les pyramides; l'autre, partie de bas, a toujours été en montant, jusqu'à faire naître de très grands seigneurs, de manière que la différence qui existe entre elles, c'est que l'une a été ce qu'elle n'est plus, et que l'autre est ce qu'elle n'était pas“.

Факт вырождения старых аристократических фамилий был замечен еще Аристотелем. Этот философ говорит о потомках Солона и Алкивиада, которые выродились до такой степени, что все члены, составляющие продолжение этих знаменитых фамилий, были или глупцы, или помешанные (15). То же самое говорят историки относительно египетских и сирийских царей, которые, не желая смешать свой род с обыкновенными смертными, имели дурной обычай жениться на близких родственницах. Из этого выходило то, что царственные династии, думавшие в самих себе найти бесконечное продолжение рода и поддержание величия, этим самым довели себя до количественного и качественного ничтожества. Вырождение испанских грандов есть факт общеизвестный. Еще в конце прошлого столетия французские писатели говорили, что при виде толпы людей, соста-

влявших высшую испанскую аристократию, казалось, что находишься в обществе больных. Граф Мирабо в своем „Ami des hommes“ третирует этих господ, как пигмеев, сравнивая их с сухими и дурно питающимися растениями. Венецианские патриции, записанные когда-то в золотую книгу, с течением времени измельчали и выродились. Французские аристократы XVII столетия, по свидетельству историков, к началу следующего века почти все выродились, а остаток их не имел достаточно ни ума, ни силы, чтобы противодействовать своему видимому падению.

Примеры такого вырождения аристократических фамилий и вообще привилегированных общественных групп можно видеть всюду, где только они представляли замкнутые круги. Наблюдательный читатель, вероятно, подметил это и в современном обществе, именно в тех изолированных кастах, которые тщательно защищают себя от помеси с другими слоями общества.

Как прежде в этом отношении помогала феодальная система, так и теперь содействуют вырождению аристократические признаки, по которым право происхождения считается выше всех прав личности. В силу такого исключительного поклонения аристократизму, лица, принадлежащие к этому кругу, при брачных сочетаниях имеют в виду не интеллектуальные и физические качества, а знатность происхождения. Все равно, если бы даже потомок знаменитого рода носил отпечаток идиотизма, его предпочтут личному таланту. Таким образом, распространяются и перепутываются родственные круги, зараженные одними и теми же нравственными недостатками. При отсутствии помеси и подновления рода, эти недостатки растут прогрессивно и дают целому сословию особенный отпечаток нравственного бессилия и пустоты. Если такой порядок замкнутого размножения будет продолжаться долго, если в привилегированный круг не будет доступа свежим силам из другой среды, то дело обыкновенно кончается полным вырождением: каста губит самое себя, как это случилось с испанскими грандами.

Такая атрофия, такое самоубийство расы совершается исподволь; поэтому лица, участвующие в этом, не замечают

своего самоуничтожения. Помешанные на внешности и на правах своего рождения, они не видят ничего далее этих прав, воображая, что с именем знаменитого предка они получили и его доблести. Жизнь их обеспечена богатыми наследствиями, самолюбие удовлетворено знатным происхождением, вследствие чего они не имеют достаточного побуждения для умственного труда. Поэтому мозг их со временем теряет восприимчивость и становится мало производительным, а взамен того приобретаются такие наследственные привычки, которые идут в ущерб умственному развитию и нравственным качествам. Восприимчивость к умственному развитию, как мы говорили выше в статье о наследственности, передается от родителей к потомству; следовательно, чем дольше в известном замкнутом круге будет пренебрегаться самостоятельная умственная деятельность, тем нисходящий род будет слабее в этом отношении.

Что касается до физических качеств, то с первого раза кажется, что они у аристократических родов не только не ухудшаются, а, напротив, совершенствуются. Здесь более, чем где-нибудь, можно встретить чистокровные породы, фамильные тонкие черты лица, особенно *nez de gasé*, усовершенствованные руки и ноги. Женщины здесь большей частью представляют последнюю степень тонкости, нежности и деликатности сложения. Мужчины нередко отличаются стройным станом и рослостью. Все это было замечено даже на угасающих аристократических породах, напр., на французской гвардии и при французском дворе до первой революции. Но эта красота, эта аристократическая чистокровность и тонкие черты не указывают еще на улучшение породы, даже в физическом отношении, потому что усовершенствование здесь касается только внешности и большей частью не гармонирует с физиологическими отправлениями органов. Точно так же, как английская скаковая лошадь, моршанская порода овец, беркширская порода свиней, маленькие комнатные собаченки и проч. никак не могут считаться за зоологические образцы этих животных, и аристократический тип, усовершенствованный исключительно в смысле красоты и нежности, не может считаться образцом

физического усовершенствования человека. Если помянутые животные вследствие развития в них специальных качеств, большей частью идущих в ущерб общему здоровью и крепости, ценятся хозяевами очень высоко, то это зависит от специального назначения этих животных. Вследствие этого свинья, до безобразия оплывшая жиром, или изнеженный рысак, пригодный не для пользы, а только для удовольствия и тщеславия человеческого, считаются лучше здоровой и крепкой хозяйственной лошади и обыкновенной свиньи. В человеческом же роде таких специальных целей для усовершенствования и, следовательно, исключительной заботы о своем породистом носе, руках, ногах и пр. существовать не должно.

Грациозные формы и тонкие черты могут считаться совершенством в таком только случае, когда они составляют не исключительную задачу улучшения породы, когда развитие их не идет в ущерб физиологическому отпавлению и гармоническому развитию более существенных и важных органов. Развивать одни внешние формы чисто с эстетической целью,—значит содействовать вырождению породы, точно так же, как подобное вырождение мы должны признать в зоологическом смысле и за вышеупомянутыми животными, хотя они и считаются в хозяйственном отношении усовершенствованными.

Влияние кровных браков. Вопрос о влиянии кровных браков на потомство с самого давнего времени занимал и законодателей, и врачей, и все общество. Если в старые времена в кровосмешении и не видели физиологической причины вырождения человеческого рода, то все-таки смотрели на него, как на явление противоестественное, порицаемое гражданскими и религиозными законами и народными обычаями. Моисей в этом отношении дает своему народу правила: „Человек ко всякому ближнему плоти своя да не приступит открыти срамоты. Срамоты дщери сына твоего или дщери дщери твоея, да не открыеши срамоты их, яко твоя срамота есть. Срамоты сестры отца твоего да не открыеши, своя бо отцу твоему есть. Срамоты сестры матери твоея да не открыеши, своя бо матери твоей есть. Срамоты брата отца твоего да не открыеши, и к жене его да не

внидеши, сродник бо ти есть. Срамоты невестки твоя да не открыеши, жена бо сына твоего есть, да не открыеши срамоты ея. Срамоты жены брата твоего да не открыеши, срамота брата твоего есть. Срамоты жены и дщери ее да не открыеши, дщере сына ея, и дщере дщери ея да поймеша открыти срамоты их, ближнии бо ти суть, нечестие есть. Сестру жены твоя да не поймеша в наложницу, открыти срамоту ея перед нею, еще живе сущей ей“, и пр. (Кн. Левит, гл. XVIII).

В первые века христианства на этот вопрос обратили еще больше внимания. При аскетическом взгляде на жизнь, духовные писатели этого времени старались по возможности расширить круг препятствий для бракосочетания. Поэтому в канонических постановлениях явилось запрещение браков не только между кровными, но даже между духовными родственниками. Первые христианские императоры (Феодосий Великий) ввели эти постановления в гражданскую жизнь в форме положительных законов, которые с некоторыми изменениями соблюдаются и по настоящее время во всех христианских странах. Те же самые ограничения, хотя и в меньшей степени, существовали у римлян-язычников, существуют и теперь у народов других вероисповеданий: у магометан, народов Индостана, у многих диких и полудиких племен. Вообще можно сказать, что в человеке существует род инстинкта, противодействующего кровосмешению в близких степенях родства. Будем ли мы смотреть на этот инстинкт, как на инстинкт природы, или как на следствие вековых обычаев, во-всяком случае, он существует. В силу его половые сношения в первых степенях родства в большинстве стран казались омерзительными, подобно другим крайним извращениям половых отправлениям.

В последнее время, особенно с 1859 года, вопрос о кровных браках обратил на себя серьезное внимание ученых, стал рассматриваться с естественно-исторической точки зрения, вследствие чего в науке приобретено столько положительных фактов, что на этот вопрос можно смотреть уже не с религиозной или философской, а с чисто научной точки зрения. Однако, и до сих пор мы не можем еще

сказать, чтобы вопрос о кровных браках был разрешен окончательно. Он только приближается к разрешению. Многочисленные факты, собранные об этом предмете в последнее время, могут подтвердить об опасности кровных браков, особенно в человеческом роде, но вместе с тем нельзя умолчать и о том, что при разборе этого вопроса явилось несколько жарких противников, вооружившихся против такого догматического решения, принимавшегося во все времена законодателями, гигиенистами и патологами. Это новое мнение, родившееся преимущественно в Парижском Антропологическом Обществе, мнение, по которому родственные браки считаются не только безвредными, но даже полезными, если бы даже оно было неосновательно, по справедливости требует такого же внимательного разбора. Поэтому мы изложим сперва те научные основания и доводы, по которым родственные браки считаются вредными, а потом и доводы противников этого мнения.

Мы уже сказали, что во все времена и у большей части народов кровные браки в известных степенях запрещались нравственными и религиозными законами. Основание этого запрещения, по всей вероятности, лежало в том, что и в прежние времена были подмечаемы неблагоприятные последствия таких браков на потомстве. Во всяком случае, еще очень давно, в старых сочинениях по части гигиены и нравственности можно встретить указания, где вред от родственных браков рассматривается с гигиенической точки зрения, так как такие браки считались за причину многих болезней и неправильностей сложения. С течением времени, особенно в последние годы, фактов, относящихся к этому вопросу, накопилось столько, что на основании их можно произнести мнение о кровных браках не по предчувствию, не на основании догадок и религиозных убеждений, а на более или менее прочных научных началах. Эти факты так важны и убедительны, что мы считаем не только уместным, а даже необходимым передать их здесь, насколько это возможно в журнальной статье.

Авторы, занимавшиеся преимущественно этим вопросом в последнее время и осуждавшие кровные браки (Francis

Devay, Chazarain, Boudin и пр.), основывали свое мнение как на отдельных наблюдениях, так и на общих статистических выводах. В том и другом случае оказывалось, что последствиями таких браков на потомстве очень часто бывают: глухонмота, идиотизм, альбинизм, различные недостатки сложения и уродливости, слабость развития, уменьшение плодородия, расположение к выкидышам и пр.

Глухонмота, как последствие кровных браков, обратила на себя особенное внимание наблюдателей, так как она встречается гораздо чаще и могла быть наблюдаема отчетливее, чем другие недостатки. Доктор Meniég, состоящий при Институте Глухонемых в Париже, заметил, что врожденная глухонмота весьма часто совпадает с кровосмешением. После того, как на такое совпадение обращено было особенное внимание, число таких наблюдений увеличивалось с каждым днем. Chazarain, бывший профессор в Институте Глухонемых в Бордо, представил 18 наблюдений, где эта болезнь была следствием кровных браков в различных степенях. В представленном им сочинении ¹⁾ он выводит такое статистическое заключение, что в Бордосском институте число глухонемых, происходящих от кровных браков, составляет 30% всего числа глухонемых от рождения. Пропорция поразительная, особенно если при этом взять во внимание несоразмерную пропорцию родственных и неродственных браков во Франции.

Буден ²⁾ представил подобные статистические цифры еще в больших размерах. Он проследил 95 глухонемых от рождения в Парижском институте, происходящих от родственных и неродственных браков, и нашел пропорцию между ними, как 28:100. Сравнивая эти результаты с общей статистикой кровных браков в Европе относительно браков неродственных (Буден принимает средним числом на 100

---

¹⁾ Chazarain. „Du mariage entre consanguins considéré comme cause de dégénérescence organique particulièrement de surdimutité congéniale“. (Thèse de Montpellier, 1859).

²⁾ Boudin. „Dangers des unions consanguines et nécessité des croisements dans l'espèce humaine et parmi les animaux. (Annales de hygiène publique et de médecine legale“. Jtuillet, 1862).

браков около 2 браков кровных), автор приходит к тому заключению, что помянутая болезнь при кровосмешении развивается в 12—15 раз чаще, чем от браков неродственных. При этом нужно еще прибавить, что большая часть глухонемых, которые были взяты в расчет, имеют таких же братьев и сестер, что может почти удвоить вышеуказанную пропорцию.

Другие исследователи представили относительно глухонемых подобные же пропорции, именно Pегgin в Лионе—25 на 100, Pigoux в Нанси—21 на 100 и Brochard—29 на 100. Эти цифры, собранные различными авторами и в различных местах, цифры, одинаково показывающие громадную несоразмерность глухонемых от родственных и неродственных браков сравнительно с пропорцией этих браков вообще,—не могут не служить убедительным доказательством, что глухонмота весьма часто составляет результат кровосмешения.

Буден, не ограничиваясь вышеприведенными общими цифрами, представил другую таблицу, в которой статистически показывает связь глухонемых с различными степенями родства. Из этой таблицы видно, что если число глухонемых, родившихся от брака нормального, принять за единицу, то опасность глухонмоты для браков между двоюродными братьями и сестрами возрастает до 18; для браков между дядями и племянницами—до 37 и для браков между племянниками и тетками опасность глухонмоты равняется 70.

Доктор Ба кл э, находясь при французском войске, расположенном в Риме, сообщил Парижской Академии Наук статистические сведения относительно глухонемых. Эти сведения получены от директора Института для глухонемых в Риме. Из 33 глухонемых 3 родились от кровных браков, а у 10 родители не были в родственных отношениях; у 14 глухонмота развилась вследствие различных болезней и у 6—от причин неопределенных. Между глухонемыми от кровных браков история одного мальчика очень замечательна. Бабушка его, будучи еще в девицах, родила дочь и тотчас же отдала ее в воспитательный дом. Спустя некоторое время она вышла замуж и родила еще мальчика. Жалея о первом ребенке,

она упростила своего мужа взять к себе на воспитание одну девочку из воспитательного дома, и, как думают, ее выбор естественно пал на ее первую незаконнорожденную дочь. Впоследствии эта усыновленная девушка вышла замуж за своего брата. От этого брака первые четыре раза дети родились мертвыми; после пятой беременности родился упомянутый выше глухонемой мальчик, 6-й ребенок вышел карликом, 7-й теперь имеет 11 лет и, повидимому, здоров.

В Америке относительно влияния кровных браков на потомство сделал исследование *Morris*. В представленной им общей таблице он собрал результаты 883 кровных браков, от которых родилось 4013 детей. При этом средняя пропорция детей, имевших различные пороки сложения, была 61 на 100. В частности от родственных браков в третьем колене эта пропорция равнялась 40 на 100; для браков между двоюродными родственниками—67 на 100; для браков между дядями и племянницами или племянниками и тетками—81 на 100 и для кровосмешения в более близких степенях родства—96 на 100.

Доктор *Либрейх* ¹⁾ в Берлине сделал исследование над берлинскими евреями. Известно, что в этом народе, по причине его малочисленности и большей терпимости законов бракосочетания, кровные браки заключаются гораздо чаще, нежели у народов христианских. Поэтому и глухонемота между евреями встречается несравненно чаще, чем между другими народами. Из 340 глухонемых, находившихся в Берлинском институте, было 42 еврея. Если взять пропорцию этих больных на число жителей христианского вероисповедания, то она оказывается 6 на 10.000 жителей или 1 глухонемой на 1.477 христиан, между тем как для евреев эта пропорция возрастает до 0,0027 или 1 глухонемой на 368 евреев. Такая же несоразмерность распространения этой болезни между евреями и народами христианскими замечена Буденом в Парижском институте глухонемых и доктором *Rupen Weu'em* между евреями в Каире. Наконец, замечено, что в Америке глухонемота встречается несравненно чаще

---

¹⁾ „Deutsche Klinik“. Februar, 1861.

между неграми, нежели между белыми. По мнению Будена, это происходит вследствие того, что при рабстве, невежестве и деморализации черной расы, неразборчивое смешение полов, родственные браки и кровосмешения происходят чаще, чем у народов менее угнетаемых. Ramon de la Sagra в 1844 году сообщил таблицу частоты появления глухонемы в различных провинциях Соединенных Штатов между белыми жителями и неграми, из которой видно, что между последними эта болезнь встречается в 91 раз чаще, нежели между первыми. Таблица эта так замечательна, что мы считаем не лишним привести ее здесь:

Глухонемота в народонаселении:

Название провинций.	Белые.	Цветные.
Maine	1 : 2252	1 : 104
New-Hampshire	1 : 1569	1 : 60
Vermont	1 : 2157	1 : 365
Massachusets	1 : 2670	1 : 500
Ohio	1 : 2687	1 : 526
Michigan	1 : 6824	1 : 353
Indiana	1 : 2285	1 : 478
Illinois	1 : 3046	1 : 163
Towa	1 : 4292	1 : 47

Такую поразительную несоразмерность в распределении глухонемы между белой и цветной расами Devau объясняет влиянием рабства. „Всему миру известно, — говорит он, — что такое раб. Это — существо, мужчина или женщина, составляющее собственность другого человека, как и та земля, которую рабы возделывают, поливая своими слезами и потом. Раб обязан не только выполнять все желания своего властелина, но и удовлетворять всем его капризам. При таких условиях необузданный господин сплошь и рядом выбирает рабынь к себе в наложницы и, таким образом, производит известное число детей — братьев и сестер по природе (по отцу), но совершенно чуждых друг другу по закону и по общественному положению. Рожденные от матерей-рабынь, дети остаются так же рабами, как и их матери. Так как эти дети по закону не считаются родствен-

никами, так как весьма часто они даже не знают, что приходятся друг другу братьями, то естественно может случиться, что они женятся между собой. Такое же влияние могут оказывать и купцы, торгующие рабами. В их интересе увеличить количество своего товара, поэтому естественно, что купцы не только не заботятся о предотвращении половых сношений в близких степенях родства, но, напротив, зачастую сами входят в половые сношения со многими негритянками, производя большее или меньшее число детей. Эти незнающие друг друга братья и сестры, как и в первом случае, легко могут жениться друг на друге и размножать глухонемых. Наконец, при торговле неграми часто может быть, что дети одних родителей, разобщенные между собой, развезенные по разным местам, могут снова случайно встретиться в одной колонии и, не зная своего единокровного происхождения, вступать в супружеские сношения". Так стараются объяснить происхождение глухонемы между неграми, и это объяснение во всяком случае не лишено основания.

Все вышеприведенные факты показывают самым наглядным образом, что глухонемота находится в тесной связи с несоблюдением гигиенических правил при бракосочетании или, точнее сказать, с родственными браками. Что она в большинстве случаев не зависит от других, побочных обстоятельств, это можно проследить на отдельных случаях, история которых подробно известна, а равным образом доказать тем, что между теми народами, где родственные браки строго воспрещаются, глухонемота встречается несравненно реже. В Китае, например, по свидетельству Бруна, эта болезнь составляет величайшую редкость, потому что там строго запрещаются всякие родственные браки.

Кроме глухонемы, результатом кровных браков часто бывают и многие другие болезни, например, наследственное помешательство, идиотизм, падачая болезнь (16). Devay, Chazarain, Boudin, Chipault и другие писатели приводят этому много примеров.

Esquiros, Ellis, Spurzheim, Stark и многие другие авторы приписывают родственным бракам причину глу-

пости и идиотизма *grands seigneurs*'ов Франции и Англии, равно как ирландских католиков или английских и шотландских протестантов, которые, составляя замкнутые кружки, не допускали у себя достаточного подновления крови.

Такое мнение можно подтвердить и статистическими цифрами. Доктор Howe ¹⁾ проследил 17 родственных браков в близких степенях родства, от которых родилось 95 детей. Между этими последними было сорок четыре идиота, двенадцать имели слабое телосложение и страдали золотухой, 1 был глухой, 1 карлик и только 37 имели более или менее удовлетворительное здоровье. В некоторых случаях от таких браков все дети были или идиоты, или золотушные, или слишком слабого сложения. В одном семействе из 8 детей было 5 идиотов. Доктор Морель представляет много примеров, где различные виды душевных и нервных болезней находились в связи с кровными браками. То же самое подтверждают Arthaud, Carrier, Guggenbühl, Riffi и др., наблюдавшие в больничной и частной практике совпадение помешательства, глупости, идиотизма и проч. с кровными браками.

Если относительно душевных болезней не сделано до сих пор таких же обширных и точных статистических проверок, как это сделано относительно глухонемых, то потому только, что врачи заведений для умалишенных до настоящего времени не обращали особенного внимания на кровные браки, как причину различных форм помешательства, эпилепсии, идиотизма и пр. в тех случаях, где эти болезни являются наследственными. Многочисленные частные примеры дают основание думать, что во многих случаях упомянутые болезни обязаны своим происхождением кровосмешению, которое иногда могло быть даже не у родителей этих несчастных больных, а за несколько поколений.

Как вообще наследственные болезни, так и болезни вследствие кровосмешения иногда появляются через поколение и проявляются не всегда в одной и той же форме. Девэ приводит этому пример, который он мог проследить очень

---

¹⁾ „Report Made to the Legislature of the Massachusetz upon Idiocy“. Boston. 1848.

точно, так как это было в семействе его близких знакомых. М. L., бабушка этого семейства, вышла замуж за двоюродного брата. От этого брака родились мальчик и девочка совершенно здоровые и даровитые, как и их родители. Девочка, достигши 20 лет, вышла замуж за здорового молодого человека, несколькими годами старше ее, с которым она не состояла ни в каких родственных отношениях. От этой здоровой четы родилась глухонемая девочка. Взвешивая все обстоятельства жизни, влияние среды, обстановку и проч. этой несчастной больной, ни в чем нельзя было отыскать причины ее болезни, кроме родственного брака бабушки.

Тот же автор рассказывает другой случай подобного рода. В одном богатом и высокопоставленном семействе, где родственные браки в предшествовавших поколениях повторялись довольно часто, он наблюдал 11-летнего мальчика-идиота. Воспитание его было совершенно невозможно по причине полного отсутствия способностей. Другие дети в этом семействе страдали падучей болезнью. Двоюродный брат их, очень способный мальчик, имел необыкновенно вспыльчивый, бешеный характер. Буйный гнев его очень часто происходил без всякой видимой причины и не мог быть объясняем дурным воспитанием, а именно его врожденной раздражительностью. Подобные, но резко выраженные болезненные формы, составляющие как бы переход к помешательству или идиотизму, именно бешеный нрав, самодурство, слабость умственных способностей, странность, эксцентричность характера и пр. в привилегированных условиях или вообще там, где браки заключаются только между известным тесным кружком, можно встретить очень часто. Не указывая на частные примеры, мы просим читателей порыться в своей памяти относительно подобных личностей, и каждый, вероятно, может вспомнить несколько подобных случаев. На эти явления, тем более на причины их, обыкновенно обращают мало внимания, но, анализируя эти причины, очень часто приходится отыскивать их именно в том, что в породе таких особ, если не было близких родственных браков, то по крайней мере не было и подновления крови.

Итак, люди, роднящиеся только в одном замкнутом кругу, тщательно охраняющие свою кровь от всяких посторонних примесей, этим самым производят на последующих поколениях деградацию умственных способностей. Такое вырождение не сразу обнаруживается идиотизмом или помешательством, а доходит до этого с известной постепенностью. Как на одну из промежуточных форм этого вырождения, можно указать на невосприимчивость или неспособность к умственным занятиям. Это люди без призвания, без убеждения, без положительного характера; люди, не знающие или не умеющие, чем наполнить свою пустую жизнь; люди, которых если не всегда можно назвать совсем глупыми, то можно причислить к обиженным природой относительно умственных способностей. При дальнейшем влиянии одних и тех же причин, при продолжающемся недостатке помеси крови, угасающая порода перерождается в помешанных или идиотов, как это было замечено выше относительно потомков Солона и Алкивиада.

Между последствиями кровных браков считают частое появление болезней органа зрения. На это явление обратил особое внимание доктор Либрейх в Берлине в 1861 году. Исследуя глаза больных с помощью глазного зеркала, он заметил, что у глухонемых и преимущественно у евреев часто встречается пигментированная сетчатая оболочка (*retinitis pigmentosa*)—болезнь, которая вообще считается весьма редкой¹⁾. „Один больной, — говорит Либ-

---

1) Так называется болезнь, при которой глазное дно, именно сетчатая оболочка бывает усеяна черным пигментом. Одно из резких явлений этой болезни есть ухудшение зрения несоразмерное со степенью освещения, как при куриной слепоте. Поле зрения у таких больных бывает слишком мало, следовательно, только самая малая часть окружающего доступна их зрению. Поэтому такие больные не могут свободно ходить и, чтобы составить понятие об окружающих предметах, принуждены последовательно поворачивать голову в разные стороны с целью привести предметы против суженного поля зрения. Оттого у одержимых пигментированной сетчатой оболочкой глаза находятся в постоянном медленном и гармоническом движении по различным направлениям, когда они хотят составить понятие об окружающем. Вместе с тем, при *retinitis pigmentosa* постоянно бывает и черная слепота.

рейх, — страдавший этой болезнью, случайно обратил свое внимание на то, что его отец был женат на двоюродной сестре. Имея в виду это обстоятельство, как причину сказанной болезни, я впоследствии постоянно обращал на это внимание и нашел, что половина страдающих пигментированной сетчатой оболочкой происходила от кровных браков". Автор особенно часто встречал эту болезнь у глухонемых. Осматривая глаза, с помощью глазного зеркала, у 241 такого субъекта, он нашел пигментированную сетчатую оболочку у 14-ти. Такая пропорция, естественно, показалась необыкновенной, потому что названная болезнь вообще представляет весьма редкое явление. Между 14-ю субъектами, у которых она была открыта, 8 были евреи. Трое из всех этих больных принадлежали к разным семействам, а 11 остальных происходили только из трех семейств, именно четверо из одного, двое из другого и пятеро из третьего. Из 14-ти больных с поражением сетчатой оболочки пятеро были рождены от кровных браков; у двух относительно происхождения нельзя было собрать никаких сведений; у семи между родителями не существовало никакого родства. Из других 18 случаев пигментированной сетчатой оболочки, где не было глухонемоты, в восемь больных родилось от кровных браков (двоюродных), у пятерых родители не состояли в родстве, и у пятерых относительно этого не получено никаких сведений. Следовательно, из общего числа — 35 больных этой болезнью (3 идиота, 14 глухонемых и 18 не пораженных глухонемотой), кровные браки их родителей определены были в четырнадцати случаях, в двадцати они не существовали и в девяти были неизвестны.

Эти цифры показывают самым наглядным образом, что как глухонемота, так и пигментированная сетчатая оболочка у лиц, рожденных от кровных браков, встречаются несравненно чаще, чем от браков не родственных. Принимая во внимание вышеприведенные пропорции, не следует забывать, что число кровных браков в обществе встречается несравненно реже, чем число браков не родственных.

Альбинизм во многих случаях может тоже считаться последствием кровных браков. Deauy к этому относится

таким образом. „Человек довольно часто представляет примеры альбинизма. Они чаще встречаются у народов малочисленных, разобщенных и полудиких, где супружеские отношения между родственниками встречаются гораздо чаще. При подобных условиях альбиносы равным образом появляются и в странах цивилизованных“.

Будэн рассказывает следующий случай. „Одна дама вышла замуж за двоюродного брата и родила от него четырех детей. Из них первые двое были близнецы — оба альбиносы, жившие только 48 часов; третий ребенок родился альбиносом и прожил один год, и только четвертый не имел альбинизма и был здоров“ (I. с., стр. 44).

Доктор Vermiss в одном городе Соединенных Штатов, между детьми, рожденными от 27 кровных браков, насчитал пять альбиносов.

Факты случайного или искусственного произведения альбинизма, вследствие кровосмешения, были замечены не только на человеке, но и на животных. Lubé в этом отношении представил очень много весьма интересных наблюдений¹⁾. „Если, — говорит он, — животные, родственные друг другу, принуждены бывают соединяться между собой, это всегда производит на потомках более или менее существенные изменения, которые часто выражаются перерождением их в альбиносов. В особенности это замечается у животных теплокровных. Я видел очень много подобных субъектов, и все они произошли вследствие последовательного скрещивания между близкими родственниками. У кроликов я производил этим способом альбинизм даже искусственно, по своему желанию, в четвертом или пятом поколении“. „Белые мыши и крысы, которых нам показывают на площадях фокусники, производятся помощью заточенного воспитания“ (где необходимо кровосмешение). Кроме того, у Обе представлено очень много других наблюдений над различными животными, как относительно

---

*) „Note sur les inconvenients qui peuvent résulter du défaut de croisement dans la propagation des espèces animales“. (Société d'Acclimatation, 6 février 1857).

происхождения альбинизма, так и вообще относительно вырождения расы путем родственных скрещиваний.

Влияние кровных браков на потомство не ограничивается вышеупомянутыми болезнями. Оно может проявляться и проявляется в других разнообразных болезненных формах, в общем результате ведущих к ослаблению и вырождению пород. Эти влияния, как уже сказано выше, не всегда могут проявляться на первом поколении, но иногда обнаруживаются только на поколениях последующих, и вообще тем сильнее и опаснее, чем больше в семействе повторялись родственные браки.

Из других болезненных форм, помогающих вырождению породы, мы должны обратить наше внимание на уменьшение плодородия, различные уродливости и ослабление телосложения. Доктор Devay еще в 1846 году, в своей „Hygiène de famille“, представил 39 наблюдений над родственными браками. Из 13 семейств, которые автор знал лично, в двух случаях дяди были женаты на племянницах, в трех случаях — тетки на двоюродных племянниках, в остальных случаях родство было двоюродное и троюродное. Восемь из этих семейств были бесплодны, несмотря на то, что супруги были, повидимому, совершенно здоровы и лета их пропорциональны. В четырех семействах все дети были золотушны и развивались очень плохо; кроме того, один из них страдал ихтиозисом, а двое других имели излишние пальцы. Из остальных 26 наблюдений, заимствованных автором из рассказов достоверных и компетентных людей и самих больных, губительное влияние кровных браков обнаружилось в 11 случаях. В одном из них ребенок страдал падучей болезнью; в трех дети умерли от водянки мозга и от конвульсий; в остальных семи случаях два брака были бесплодны; от остальных дети имели очень слабое сложение.

Впоследствии (с 1846 по 1862 г.) тот же автор собрал еще 82 случая достоверно прослеженных кровных браков, из которых 14 были бесплодны. Присоединивши сюда первые 29 случаев, на общее число их, 121, бесплодных браков приходится 22. Почти все эти браки были между двоюродными или троюродными родственниками и только в четырех

случаях—между дядями и племянниками. Бесплодными они считались только в том случае, когда детей не было не меньше, как в течение 10 лет после замужества.

Из 22 упомянутых случаев в 16 было абсолютное бесплодие, т. е. не было и зачатия, и в шести — беременность всегда сопровождалась выкидышем в первых месяцах. На общее число 121 приходилось 17 выкидышей.

Из этого видно, что браки между родственниками вообще могут считаться менее плодородными. Это обстоятельство можно рассматривать еще как явление благотворное, потому что таким способом природа устраняет размножение уродов и несчастных страдальцев; но вместе с тем это показывает, что чем больше будут повторяться в роде родственные сочетания, тем больше шансов на уменьшение потомков. Следовательно, кровные браки не только ослабляют и обезображивают поколение, но, содействуя численному его уменьшению, приводят к совершенному исчезновению целые фамилии. Если до сих пор относительно уменьшенного плодородия родственных браков численных статистических данных представлено и не очень много, то все-таки, на основании вышеприведенных данных и отзывов большей части наблюдателей, хотя и не всегда подтвержденных цифрами, уменьшение плодородия можно считать при кровных браках довольно постоянным явлением. Это подтверждают нам и исторические факты вырождения фамилий и новые наблюдения, из которых одно мы считаем не лишним привести здесь.

Г. М. имела шестерых детей—двух мальчиков и четырех девочек. Все они были одинаково здоровы и впоследствии женаты или вышли замуж, именно: трое—за двоюродных родственников и три—за посторонних. Сравнительная таблица поколения тех и других показывает резкую разницу.

1) Браки родственные.	Число детей.	Смерть их в раннем возрасте.
М. А.	11	11
М. А.	8	6
М. С.	5	5
	24	22

2) Браки посторонние.	Число детей.	Смерть их в раннем возрасте.
М. У.	6	2
М. А.	7	0
—	6	1
	19	3

В сочинении Девэ (I. с., стр. 144) приведено несколько отдельных наблюдений подобного рода.

Доктор Bemiss¹⁾ в 1857 году представил свои наблюдения относительно 34 кровных браков, из них 28 были в третьем и 6 в четвертом колене родства; из 34 браков 6 было бесплодных и 27 плодородных. От них родилось детей 192, из которых 58 умерли вскоре после рождения. Из остальных — 134 могли считаться более или менее здоровыми, 31 имели слабое здоровье. Из остальных было 23 золотушных, 4 с падучей болезнью, 2 помешанных, 2 немых, 4 идиота, 2 слепых, 2 уроды, 6 альбиносов, 6 с различными недостатками органов зрения и 1 страдал пляской св. Витта.

Из пороков развития и уродливостей, совпадающих с кровными браками, больше всего было обращено внимания на излишества или недостаток пальцев. Из 121 случая таких браков, собранных Девэ, этот недостаток был замечен 17 раз, из них у 13 больных излишество пальцев было на обеих руках. В одном семействе, где отец и мать были родственники в 4-м колене, из трех детей 2 родились с лишними пальцами. Недостаток пальцев встречается гораздо реже. Девэ только в двух случаях нашел отсутствие мизинцев на руках.

В некоторых местностях шестипалость является, как недостаток, свойственный почти всему народонаселению. Так, напр., доктор Поттон наблюдал это в деревне Изо (Izeaux), в департаменте Isère, которая по своему положению была совершенно изолирована от других селений. Жители этой бедной деревни, предоставленные самим себе, в продолже-

---

¹⁾ „Journal of Psychological and Mental Pathology“, by Forbes Winslow, p. 368, avr. 1857. On Marriages of Consanguinity, by S. M. Bemiss of Louisville.

ние долгого времени не вступали в супружеские сношения с соседними жителями, роднились между собой и часто женились на родственницах; вследствие этого, к концу прошлого столетия в помянутой деревне начало родиться много шестипалых, а в течение 35—40 лет такими сделались почти все жители. Как мужчины, так и женщины имели по шестому пальцу на руках и на ногах.

Еще более замечательно то обстоятельство, что как скоро в деревню Изо начала проникать помесь крови, когда при устроившихся путях сообщения эти жители стали вступать в сношения с окрестным народонаселением, излишние пальцы в следующих смешанных поколениях начали пропадать.

Шестипалость была замечена и во многих других местностях, где повторялись кровные браки. Французский хирург Бонне говорит, что ему часто приходилось делать удаление излишнего пальца у детей, рожденных от родственных браков.

Кроме излишних пальцев, у детей, рожденных от кровных браков, были замечаемы и другие уродства и недостатки, как, например, заячья губа, раздвоение позвоночного столба (*spina bifida*), врожденное искривление ног (*pes varus et str.*), недостаточное развитие черепа и проч.

Наконец, по свидетельству Девэ, сюда же следует отнести запоздалое развитие зубов. Он наблюдал у детей, рожденных от кровных браков, у которых на третьем, даже на четвертом году, не было еще ни одного зуба. Эти наблюдения подтверждает подобными же фактами и доктор Олье.

Относительно всех последних недостатков нужно однако заметить, что связь их, или, может быть, простое совпадение с кровными браками, требует еще дальнейших подтверждений статистическими цифрами. Во всяком случае, слишком позднее прорезывание зубов, равно как и многие другие перечисленные и не перечисленные недостатки, указывают на слабость и недостаточное развитие организма, как в утробе матери, так и после появления на свет. Такое ослабление во многих случаях действительно можно приписать влиянию кровных браков, если при частном разборе

данного случая не отыскивается других причин, которыми бы можно было объяснить происхождение порока развития или болезни. Кровные браки тем более можно иметь при этом в виду, что губительное, ослабляющее влияние их на потомство доказывается многими другими положительными фактами, как это видели выше.

Как ни убедительны доказательства, подтверждающие вредное влияние кровосмешения на потомство, но по долгу справедливости нужно заметить, что эти доказательства были собраны и представлены противниками кровных браков. Как во всяком спорном вопросе, так и здесь естественно могли быть крайние мнения, поспешные выводы, перетолковывание фактов в свою пользу; поэтому необходимо познакомиться и с доводами противоположной стороны. Сравнивая доказательную силу тех и других, можно вывести более беспристрастное и более справедливое заключение.

Защитники родственных браков стараются провести и доказать то мнение, что единокровность сама по себе не составляет еще источника тех разнообразных болезней и уродливостей, какие ей приписывают, что вред кровных браков должен быть рассматриваем, как результат болезненной наследственности, и что этот вопрос вообще гораздо сложнее, чем он кажется с первого взгляда. Это мнение защищалось в Парижском Антропологическом Обществе многими талантливыми и дельными людьми. Если они не могли привести достаточно удовлетворительных доказательств в пользу безвредности кровных браков, то, по крайней мере, старались критически разобрать доводы своих противников, чтобы очистить точное от произвольного и установить вопрос на более солидной научной почве.

Основанием мнения безвредности кровных браков послужили прежде всего наблюдения над животными. В самом деле, многие ветеринары и агрономы уверяют, что путем скрещивания чистокровных или вообще доброкачественных животных, несмотря на их близкое родство между собой, можно получать вполне доброкачественные продукты и даже усовершенствовать породу. В Англии, как известно, этим

способом созданы были прекрасные породы лошадей, крупного рогатого скота, овец, собак и др. домашних животных, доведенных до высшей степени хозяйственного совершенства. При этом скрещивания производились между самыми близкими родственниками, напр., между отцом и дочерью, сыном и матерью, братом и сестрой и пр. Этому способу производства, получившему название *breeding in and in*, обязаны своим происхождением чистокровная английская лошадь, породы дюргамского быка, дишлейского барана и пр.

Основываясь на этих фактах, многие животноводы и ветеринары считают правилом производить и размножать породу в самой себе на том основании, что лучшие качества потомков при таком способе не только будут сохраняться, но на ряду следующих поколений даже усовершенствоваться.

Принявши эти факты, повидимому, нет основания аналогически не применять их к человеческому роду. Поэтому защитники кровных браков вывели такой закон, что кровосмешение возвышает наследственность до высшей степени могущества; оно будет благоприятно, если производители-родственники вполне здоровы и доброкачественны и, напротив, вредно, если они имеют те или другие недостатки, могущие передаваться наследственно. Всякий недостаток, равно как и хорошие качества, при кровных браках передаются на потомство тем вернее, чем ближе родство между производителями (*André Sanson*).

Это мнение, по которому единокровности в воспроизведении потомков не придается никакого значения, а все сводится на наследственность, противоречит многим фактам. Не только в человеческом роде, но и между животными, повторяющиеся сочетания родственников влекут за собой вредные последствия. Это ясно видно из убедительных наблюдений и исследований многих агрономов, натуралистов и врачей (*Gourdon, Gordon, Richard du Cantal, Darwin, Ch. Aubé, Magne d'Alfort, Devay, Boudin, Chipault et cet.*). Способ Баккуэля для произведения чистокровных пород путем скрещивания близких родственников (братьев и сестер, отцов и дочерей и пр.), по мнению Гордона, может быть полезен для того, чтобы

упрочить на породе одну какую-нибудь особенность животного, ценную для хозяина, но никак не для усовершенствования расы в зоологическом смысле. Мы уже говорили выше, что животные, развитые со специально-хозяйственной целью, считаются совершенными только относительно той цели, которую задали себе при их воспитании. Большей частью это хозяйственное совершенство есть в то же время физиологический недостаток. Обратите внимание на породу овец, где качеству шерсти приносят в жертву все другие качества животного; на породу быков и свиней, утративших свои кости в пользу мяса и жира: эти животные суть не что иное, как физиологические уроды, выродки первоначального типа. Развитие преобладающих хозяйственных качеств у них идет параллельно с уменьшением физиологических сил и искажения чистого анатомического типа.

Даже чистокровная английская скаковая лошадь в этом отношении не представляет исключения. „Эта совершенно искусственная порода,—говорит Ка т р ф а ж,—создана человеком исключительно с той целью, чтобы быть способной тратить возможно большую силу в возможно короткое время. Вследствие этого она совершенно не в состоянии давать такие услуги, в которых требуется напряжение сил в течение продолжительного времени; потому что чистокровный жеребец не передает своему поколению только одну свою силу, но способ тратить эту силу, свою деликатность, свою нервную раздражительность“. Поэтому скаковая лошадь составляет предмет роскоши и удовольствия, а не пользы. Следовательно, на образцы английских форм нельзя еще указывать, как на доказательство пользы смешения.

Кроме того, опыты показывают, что и разведение животных в самих себе требует известного ограничения и осторожности. Если скрещивание родственников будет повторяться через много поколений, то раса неизбежно приходит в ослабление и вырождается. Это можно считать общим законом для животных и человека. Всякая чистая порода без подновления крови с течением времени не только мельчала и теряла свои качества, но и делалась бесплодной.

Так, напр., английская свинья, привезенная во Францию, через несколько поколений перестала давать приплод и сделалась снова плодородной, когда ее начали мешать с местной породой, более тощей и не так полезной, но зато более крепкой и менее удалившейся от первоначального типа.

Таким образом, опыт Баккуэля и его последователей, приводимый защитниками кровных браков в свою пользу, опыт, повидимому, так резко и соблазнительно подтверждающий безвредность кровных браков, теряет всякое доказательное значение. Временная польза кровосмешения (на нескольких поколениях), обнаруживающаяся в усиленном развитии отдельных свойств, в ущерб общему усовершенствованию организма, может быть применена только к домашним животным и к специальным целям, а никак не к человеку.

Кроме указания на животных, защитники кровных браков приводили в подтверждение своего мнения ряд отдельных наблюдений над человеком, где такие браки не сопровождались никакими вредными последствиями. Bougeois, Périer, Lagneau, Séguin старший, Dally и пр. сообщили несколько случаев, в которых браки, даже между близкими родственниками, продолжавшиеся последовательно в нескольких поколениях, не только были плодородны, но и не вызывали на потомках никаких болезней или неправильностей сложения, о которых упоминают Девэ, Шезарень, Будэн и пр. Dally собрал таких случаев около 30, но он сам сознается, что из них нельзя вывести никакого заключения ни за, ни против кровных браков. В самом деле, всякому известно, что вредные последствия кровосмешения, равно как и все прирожденные и наследственные болезни, вовсе не обнаруживаются так неизбежно и постоянно, чтобы не давать места никаким исключениям. Поэтому и противники кровосмешения допускали и допускают, что оно иногда может обходиться безнаказанно, но вопрос не в этом. Для разъяснения дела необходимо показать сравнительную частоту происхождения болезней и уродливостей при родственных и неродственных браках. Только из такой сравнительной статистики и можно вывести

то или другое заключение; без этого отдельные случаи не имеют никакого значения. Противники кровных браков, как мы видели выше, подобных аргументов привели довольно много и в больших размерах, следовательно, вся доказательная сила была бы на их стороне.

Но и здесь оппозиционная партия старалась уменьшить цену статистических доказательств, высказывая сомнения относительно верности цифр медицинской статистики вообще и, в частности, статистики кровных браков. Доктор Dally с этой целью написал критическую статью ¹⁾, в которой старается доказать, что как в отдельных наблюдениях опасности кровных браков, так и в общих сравнительно-статистических цифрах, относительно этого представленных Будэном, нет достаточной научной доказательности. В отдельных наблюдениях, говорит он, большею частью недостает тех необходимых подробностей и точного анализа, без которых нельзя сказать, что в разбираемых болезнях выпадает на долю кровосмешения, и что зависит от других, побочных обстоятельств, от болезненной наследственности и пр. Кроме того, отдельным наблюдениям можно противопоставить такое же число наблюдений, показывающих безвредность кровных браков. Следовательно, на основании таких данных нельзя еще вывести никакого верного заключения.

Таким образом, для научного решения вопроса оставался один путь сравнительной статистики, которая должна была показать численную непропорциональность врожденных болезней и уродливостей при родственных и неродственных браках. Этот путь, как мы видели, и выбрал себе Буден, исследования которого если не могут считаться совсем удовлетворительными, то, во всяком случае, они весьма интересны и достаточны для того, чтобы допустить вред кровосмешения.

Но доктор Dally высказывает недоверие и к этим цифрам. Он начинает с того, что пропорция родственных и неродственных браков во Франции, принятая Будэном и лежащая в основании его выводов, неверна. Если всякая

---

¹⁾ „Des dangers attribués aux mariages consanguins“. Gazette Hebdomadaire. Juillet, 1862).

статистика, в какой бы то ни было стране, сообщаемая официальным путем, представляет множество неточностей и ошибок, то тем более это можно сказать про статистику родственных и неродственных браков. Относительно их можно сказать, что статистики совершенно не существует. Следовательно, говорит Dally, цифра 2 на 100, принятая Будэном за пропорцию родственных и неродственных браков во Франции, взята произвольно, стало-быть, и сравнительная пропорция глухонемых, выведенная для родственных и неродственных браков, тоже неверна.

Надобно согласиться, что возражение Dally было сделано основательно: оно показывает слабую сторону статистики Будэна, но тем не менее никак не уничтожает ее доказательной силы. Пропорция глухонемых от родственных и неродственных браков так неравномерна (25—30 на 100), что если мы примем отношение тех и других браков как 6:100 (как полагает Dally), то все-таки происхождение глухонемых у тех и других будет далеко не пропорционально.

Мы не хотим утомлять внимания читателей перечислением других, более мелких возражений, чтобы не сказать придинок, против статистических доводов, доказывающих вред кровных браков. Эти возражения, во многих случаях основанные на личной проверке данных, по нашему мнению, еще более увеличивают несомненность и доказательную силу тех аргументов, которые привели Будэн, Пиру, Брошар и др. в подтверждение своего мнения.

Кроме отдельных, изолированных случаев, в доказательство безвредности кровных браков приводимо было несколько и таких наблюдений, где от родственных сочетаний не замечалось никаких вредных последствий в течение многих поколений.

Так, Адольф Буржуа представил подробную историю своей фамилии, в которой он насчитывает 68 родственных браков, давших на потомстве прекрасный результат. То же самое подтвердили новыми наблюдениями доктор Séguin (представивший историю 10 последовательных кровных браков) и Lagneau. Этот последний говорит о фамилии Р... и N..., члены которой в течение 87 лет

(1694 до 1781 г.) роднились между собой 8 раз, и это несколько не уменьшило здоровья и крепости потомков.

Г. М. В. сообщил доктору Dally подобный же случай из своего рода, в котором родственные сочетания (не ближе 2 колена) в течение 150 лет повторялись в 5 поколениях. Общее число потомков этой фамилии, по прямой и побочным линиям, равнялось 120—140, и ни у одного из них не было ни глухоноты, ни идиотизма, ни других каких-либо последствий, которые обыкновенно приписывают родственным бракам.

Такие наблюдения, без сомнения, имеют больше значения, чем наблюдения отрывочные, относящиеся к одному поколению, но и относительно их следует сказать то же самое, что сказано выше об отдельных случаях. Все это в научном смысле несколько не доказывает ни пользы, ни вреда кровных браков. Как здесь, так и там недостает сравнения. Чтобы такие наблюдения имели научное значение, необходимо взять известное число случаев, обнаруживших вред кровных браков в процентном отношении к числу этих браков и то же самое для случаев противоположных. Для первых сделаны уже попытки отыскать требуемые отношения, и они во всяком случае говорят за вред кровных браков, а для вторых не сделано и этих попыток. Следовательно, если бы защитники кровных браков привели в свою пользу и несравненно большее число отдельных примеров, то все-таки эти примеры не могли бы поколебать выводов, сделанных противной стороной на основании сравнительно-статистических данных.

Наконец, мы должны упомянуть о третьей категории доказательств, приводимых сторонниками родственных браков, именно—о наблюдениях над изолированными местностями.

Для этого выбраны были такие места, которые, по географическому положению или по недостатку путей сообщения, совершенно разобщены от местностей соседних, следовательно, где известное число семейств в течение веков не могли родниться с чужими и новыми семействами, а по необходимости вступали в браки только между собой.

Между такими местностями Dally указывает населения Pouillac (Gironde), о котором доктор Ферье писал ему следующее: „В этом селении считается 1700 жителей; большая часть из них очень крепки и хорошо сложены, женщины славятся своей красотой и свежестью лица. Может быть, в целой Франции нет другого места, где бы родственные браки были так часты, и где бы в то же время число негодных к рекрутскому набору было так незначительно“. Dally прибавляет к этому примеру несколько других небольших изолированных деревень, жители которых в течение долгого времени рождались только между собой, и это не вызвало никаких дурных последствий.

На такие же примеры указали Lagneau, Reviolout и Voisin. Доктор Ферье в этом отношении идет еще дальше. Он старается доказать, что чистая раса, т.-е. такая, которая размножается сама в себе без помеси с соседними жителями, гораздо лучше сохраняет свою красоту, силу и первоначальный тип, со всеми его лучшими качествами, нежели раса смешанная, которая будто бы рано или поздно ослабеваеет и исчезает.

Эти примеры и объяснения их представлены были, главным образом, с той целью, чтобы парализовать доказательства сторонников другого мнения, взятого из того же источника, потому что Devay и др. в числе своих доводов против кровных браков точно так же указывали на изолированные местности, жители которых, при недостатке помеси крови, представляли резкие признаки ослабления и вырождения. Сюда относили так называемые проклятые расы (les races maudites) Франции и Испании, пиренейских каротов (cagots), астурийских вакеров (Vaqueros), марронов, альпийских кретинов и пр.

Относительно всех этих фактов следует сказать, что они не имеют в себе ничего определенного и доказательного. На правильное развитие или вырождение жителей замкнутых местностей имеют влияние столько самых разнообразных условий, что при самом точном анализе невозможно сказать, что здесь выпадает на долю кровных браков, и что зависит от климатических влияний наследственных болезней,

материального и нравственного быта и пр. Поэтому неудивительно, что замкнутые местности могли послужить доказательством и за и против кровных браков, стало-быть, доказательством, уже по этому самому, не имеющим научного значения. На упомянутые местности скорее еще могли опереться защитники родственных браков, но и приведенные ими свидетельства далеко неточны. По крайней мере, относительно указанных до сих пор местностей, напр., селения Pouillac, можно сказать, что ни количество родственных браков, ни физические качества жителей, ни отсутствие помесей здесь не определены как следует, да и определить их было бы очень трудно. Голословные же отзывы, какие приводят Фёрье и др., не могут послужить аргументом ни того, ни другого мнения.

То же самое следует сказать о фактах, взятых от аристократов и евреев. Вырождение царских и аристократических фамилий некоторые (Devay) приписывали почти исключительно кровному родству. Может быть, кровные браки здесь и имели влияние, но во всяком случае было бы крайностью сводить все на эту причину. Нет сомнения, что вырождению помянутых родов содействовало весьма много физических и нравственных условий, из которых выделить влияние кровного родства было бы не только трудно, но и совершенно невозможно. Поэтому вырождение аристократов также не может служить серьезным доказательством ни пользы, ни вреда кровных браков.

На евреев тоже указывали обе стороны, каждая стараясь отыскать в них доказательства в свою пользу. В самом деле, этот народ представляет тип более или менее чистой расы, которая в течение веков существует в среде другого народа, не смешиваясь с ним и, несмотря на то, до сих пор сохранила свою красоту, силу и плодородие. Защитники кровных браков видят в этом подтверждение своего мнения.

Но на этот же самый факт противная партия смотрит совсем другими глазами. Devay, напр., находит, что евреи в настоящее время потеряли свою красоту и силу, что они вырождаются. Эти очевидные противоречия показывают, что

та и другая стороны не беспристрастны в выборе своих доказательств. В самом же деле еврейская раса, взятая в обширном смысле, вовсе не должна была служить доказательством ни того, ни другого мнения. Евреи, рассеянные по всей вселенной и в то же время находящиеся между собой в постоянных сношениях, представляют целый народ, существующий под самыми разнообразными условиями. Следовательно, они, как и всякий другой народ, вовсе не могут представлять собой замкнутого круга; между ними также постоянно происходят помеси и одноплеменные и разноплеменные. Стало быть, для евреев с этой стороны не существует причины для вырождения. Что касается до прочности и постоянства их типа, до красоты и силы, то и в этом отношении правы и Девэ и Dally. Мы видим на каждом шагу, что еврейский тип сохраняется там, где нет иноплеменных помесей, и, наоборот, утрачивается и переходит в другие типы, где эти помеси существуют. Точно так же мы видим евреев, живущих при выгодных материальных условиях, и евреев, угнетенных нищетой и всевозможной зависимостью. Одни из них будут представлять доказательства силы, красоты и плодородия, другие — наоборот.

Все это однако же не имеет никакой связи с родственными браками. Другое дело, если взять отдельные еврейские кружки, города, селения и в этих ограниченных местностях точно проследить число родственных и неродственных браков, сравнивая качества потомков тех и других, — факты, полученные таким образом, будут иметь положительное значение. Такие факты, собранные Буденом, Либрейхом и др., мы видели выше, и они положительно говорят против родственных браков. Достаточно вспомнить число глухонемых, идиотов, страдающих пигментированной сетчатой оболочкой и пр., выпадающих на долю таких браков, чтобы видеть все их значение. Подобных статистических доказательств защитниками родственных сочетаний не представлено. Поэтому, чтобы отстаивать свое мнение, они должны были или уменьшить цену статистических цифр, или дать им другое объяснение.

Так и было сделано. Будену представили такое возражение, что случаи неблагоприятных последствий кровных браков (болезней, уродливости и пр.), как и вообще случаи, выходящие из ряда обыкновенных, всегда публикуют охотнее, тогда как наблюдения противоположные, которые могли бы иметь здесь еще больше значения, остаются необнародованными. Поэтому естественно, что примеров дурных последствий от кровных браков можно было бы набрать несравненно больше, чем, случаев последствий благоприятных. Кроме того, полагаться на слепую цифру в решении таких сложных вопросов было бы слишком рискованно. При собирании статистических данных вообще приходится группировать факты не всегда правильно, подводить под одну рубрику случаи подобные, но не тождественные; при этом невозможно выделять все мелкие посторонние влияния и оттенять факты, что по необходимости делает статистический путь для решения вопросов шатким и неточным.

Все эти возражения более или менее основательны. Но если статистические цифры действительно подлежат многим случайностям и не всегда могут считаться точными, то все-таки это не уничтожает совсем значения статистики. Приблизительное решение научных вопросов этим путем необходимо признать не только возможным, но еще более верным и удобным, чем другим способом. Это сознали, наконец, и сами защитники родственных браков. За исключением самых упорных, они согласились, что родственные браки действительно представляют на потомках в гораздо большем числе неблагоприятные последствия, чем браки неродственные; но здесь представился еще вопрос для решения: от чего это зависит? В самом деле, происходит ли это неблагоприятное влияние собственно от смешения родственной крови, *ipso facto*, даже если бы супруги-родственники не имели в себе никаких физиологических и патологических задатков для ослабления породы, или это влияние зависит от удвоенной болезненной наследственности? Этот вопрос до сих пор остается спорным, но мы все-таки считаем не лишним познакомиться с ним, хотя в кратком очерке.

Защитники кровных браков, напр., Альфред Буржуа, Перье и др., склоняясь перед фактами вредных последствий кровосмешения, старались объяснить эти последствия наследственными болезнями, которые, концентрируясь в одном семействе, проявляют свое пагубное влияние тем сильнее, чем дольше в болезненном семействе не было подновления крови. Следовательно, по их мнению, между здоровым и болезненным кровным браком должна существовать большая разница. Первый не только безвреден, но даже полезен, потому что он содействует сохранению типа предков в полной красоте и силе, тогда как при втором— наследственные болезни должны разрастаться и увековечиваться в нисходящих поколениях. Таким образом, все дурные последствия браков между близкими родными, удостоверенные наблюдениями, следует приписывать не самим бракам, а наследственности болезней. Но это предположение далеко не объясняет фактов. Болезненная, точно так же, как и физиологическая наследственность проявляется повторением на потомках того, что было на родителях. Между тем, пороки развития и болезни, наблюдаемые при кровном родстве, встречаются только на потомках, и при том большая часть этих недостатков наследственно не передается. Например, глухонмота составляет такую болезнь, которая проявляется наследственно только в самых редких случаях. Доктор Меньер, весьма тщательно исследовавший эту болезнь, говорит о ней следующее: „В настоящее время нельзя еще сказать, чтобы все глухонемые были дети родителей, не имеющих этого недостатка. Недавно собрано несколько фактов, доказывающих противное, т.-е. наследственность глухонмоты. Но все-таки нужно сказать, что факты эти составляют редкое исключение. В громадном большинстве случаев, от брака между двумя глухонемыми рождаются дети слышащие и говорящие. Тем более это происходит тогда, когда брак был смешанный, т.-е. когда из двух супругов глухонемой был только один“ ¹⁾.

---

¹⁾ „Recherches sur l'origine de la sourd-mutité“. (Gazette médicale de Paris, I. c., p. 143, 3-e série).

По мнению Будена, прибегать к наследственности для объяснения несчастных последствий кровных браков, значит исказить понятие о наследственности. „Кровнобрачные личности, полные силы и здоровья, не имеющие в себе никаких неправильностей и недостатков, передают своим детям не то, что имеют, а, напротив, то, чего у них самих нет, и этот факт называют наследственностью“¹⁾ (17).

В ответ на это очевидное опровержение, защитники кровных браков подняли вопрос о наследственности вообще и, в частности, преобразовании наследственных болезней при переходе их из одного поколения в другое. Под этим разумеют переход известной болезни одного поколения в другую, совершенно отличную болезнь следующего поколения. Этот сложный вопрос относительно происхождения наследственных болезней выдвинут был на сцену на основании теории Мореля. Этот автор, говоря о постепенном вырождении человеческого рода и образовании болезненных рас, взял за исходную точку нервные болезни. Он допускает возможность перехода их в расстройство умственных способностей, а затем последних—в расстройства физические и т. д. до уничтожения расы. Наследственная болезненность по этой теории служит причиной не только бесплодия родителей и преждевременной смерти детей, но останавливает физическое и нравственное развитие детей, повидимому, здоровых, производит у них болезни мозга, от которых возникает идиотизм или эпилепсия. Таким образом, вредное влияние, произведя у предков какую-нибудь нервную болезнь, у потомков, не перестающих подвергаться тем же влияниям, произведут последовательно истерику, эпилепсию (падучую болезнь), ипохондрию, идиотизм или умопомешательство. В других сферах организма те же вредные влияния, произведя у предков какие-либо местные незначительные неправильности, перейдут у потомков в самые глубокие общие расстройства. Таким образом, болезнь, усиливаясь с каждым поколением и видоизменяясь, может дать в результате уменьшение роста, золотуху или английскую болезнь,

¹⁾ „Dangers des unions consanguines“. („Annales d'hygiène“, p. 21. Juillet, 1862).

остановку развития некоторых органов, врожденные неправильности черепа, косоглазье, близорукость, пляску св. Витта и проч.

Эта теория, не лишенная основания, во всяком случае, так еще неопределенна и запутана, что основывать на ней происхождение необъяснимых обыкновенною наследственностью болезней, каковы болезни вследствие кровных браков, было бы слишком шатко. Если мы выведем отсюда то заключение, что причина болезни во многих случаях очень сложна, что несчастные последствия кровного родства не всегда зависят от него, то все-таки это не уничтожит значения тех цифр, которые привели в доказательство своего мнения противники родственных браков. Если допустить, что на происхождение болезней и уродств, совпадавших с этими браками, в некоторых случаях имели влияние переходные формы болезненной наследственности, неблагоприятные случайности во время зачатия и беременности, неравномерный, слишком ранний или преклонный возраст родителей, случайные болезни первого детства и пр., то все-таки останется непонятным, почему именно эти случайности выпали на долю кровных браков в таком неравномерном количестве. Они должны были бы встречаться приблизительно одинаково во всех браках, родственных и неродственных, а, стало быть, число глухонемых, напр., или идиотов, если это зависит от случайных причин или болезненной наследственности, должно бы быть приблизительно равное в том и другом случае. Между тем, как мы видели, факт показывает совершенно не то. Поэтому нам кажется, что, несмотря на неточность и некоторую случайность статистических данных, несмотря на всевозможные старания иначе истолковать эти данные, за ними все-таки должна оставаться достаточная сила убеждения.

Так или иначе мы будем смотреть на вещи, но тот факт, что кровные браки весьма часто влекут за собой бесплодие, различные тяжелые болезни и уродливости, останется фактом несомненным. Следовательно, и те медики, которые объясняют это наследственностью, и те, которые все зло приписывают одному кровосмешению, дадут обществу единогласный совет: избегать родственных со-

четаний и по возможности подновлять породу новою, чуждою кровью в видах предотвратить ослабление и вырождение породы. Так как в нашем обществе редко встретится семейство, в котором бы не было каких-либо наследственных болезней, так как одинаковые болезни и недостатки преимущественно группируются в одной и той же общественной группе, то гигиенический совет — мешать посредством брачных уз различные слои общества и разные фамилии, с целью подновлять породу более крепкими и здоровыми элементами или парализовать и уравнивать болезненную наследственность наследственностью противоположного свойства, такой совет, во всяком случае, будет полезен.

Может быть, многим читателям покажется, что мы слишком распространились о влиянии кровных браков, но этот вопрос так важен, так применим к жизни и, стало-быть, так подлежит общественному ведению, что подробности изложения его, по нашему мнению, не должны казаться ни скучными, ни бесполезными. На основании этих подробностей, зная научную сторону дела, каждый, встречаясь на жизненном пути с вопросами этого рода, может обсудить их с большею основательностью. Кроме того, на основании всего вышеизложенного, мы можем бросить теперь взгляд на наши гражданские законы относительно брака, рассматривая их с гигиенической точки зрения.

Вопрос о возможности или невозможности брака между лицами, находящимися в родстве, у нас разрешается по правилам той религии, к которой принадлежит данное лицо. Относительно православных в законе прямо определено, что им запрещается вступление в брак с родственниками и родственницами до четвертой степени включительно. Древний еврейский закон представляет в этом отношении несравненно больше терпимости, потому что он позволяет брак не только между дядей и племянницей, но и между племянником и теткой, стало-быть, запрещает кровосмешение только между братьями и сестрами. Законы христианской религии вообще запрещают родственные браки; но в католических и лютеранских странах канонические правила в этом отношении подвергнуты значительным ограничениям.

Гражданский закон там позволяет вступать в брак двоюродным братьям и сестрам, а иногда даже дяде с племянницей, или племяннику с теткой. Следовательно, наши гражданские законы относительно этого предмета не для всех подданных одинаковы; то, что позволено лютеранину, католику или еврею, не позволено православному. Различие это, конечно, основано на исторических или чисто-догматических взглядах того и другого вероисповедания. Но всякому известно, что физиологические законы безусловно одинаковы для всех вероисповеданий, следовательно, что безвредно в этом отношении для лютеранина, будет безвредно и для католика, и наоборот. С другой стороны, каждый согласится, что всякий гражданский закон, относительно какого бы то ни было вопроса, только тогда может быть прочен и непоколебим, когда он основан на действительной потребности и имеет целью положительную гарантию нравственного и материального благосостояния народа. Следовательно, и закон о браке по справедливости должен быть обоснован на физиологических и гигиенических данных, должен ограничивать только то, что может быть вредно в каком бы то ни было отношении. Что же касается до других ограничений, основанных не на научных, положительных началах, а на совести и убеждении, до таких ограничений, от исполнения или неисполнения которых несколько не может страдать народное благосостояние, то их, кажется, можно было бы предоставить доброй воле граждан. Убеждение должно быть свободно и непринужденно...

Говоря о свободе религиозных и гражданских убеждений, мы вовсе не хотим этим защищать безусловной свободы действий. Всякий гражданский закон должен в известной степени ограничивать эту свободу, с целью уравновесить личные выгоды и удобства жизни всех граждан, но такое ограничение должно разумно сознаваться членами общества, как необходимые условия их личного блага, следовательно, оно должно вытекать из прочного и разумного основания. Поэтому и законы, стесняющие брак, должны существовать именно в такой мере, в какой это стеснение необходимо для поддержания народного здоровья.

Выходя из этой точки зрения и имея в виду все выше-сказанное о вреде кровных браков, можно утвердительно сказать, что закон, запрещающий брачный союз между лицами кровнородственными, вполне основателен. Под словом кровные родственники нужно разуметь восходящее и нисходящее родство по прямой или боковым линиям, т.-е. родство между лицами одной и той же крови, принадлежащими к одному и тому же роду. Сюда, стало-быть, относятся: братья и сестры, кровные дяди и кровные тетки с племянниками и племянницами, двоюродные братья и сестры.

Что же касается до такого побочного родства, которое принадлежит другому роду и другой крови, напр., жена моего брата и ее родственники, муж моей тетки и жена моего дяди с их восходящими родственниками и пр., то само собой разумеется, что при браке таких личностей опасности от кровосмешения никакой быть не может. В самом деле, какое отношение имеют, напр., два родных брата к совершенно чуждым им двум родным, а тем более двоюродным сестрам? Если я женюсь, напр., на Марии, а брат ее женится на моей сестре, или мой брат—на ее сестре, то мы составим совершенно отдельные поколения, в которых, естественно, не будет кровнородственной помеси. Следовательно, для такого брака не могло бы быть никаких ни гигиенических, ни нравственных препятствий.

Тем более это можно сказать про духовное родство. Какое препятствие разделяет меня, напр., от моей кумы? Неужели одно то обстоятельство, что мы, совершенно чуждые друг другу, воспринимали вместе настолько же чуждого нам ребенка, может послужить физиологической преградой для нашего бракосочетания? Конечно, нет. Равным образом, здесь нельзя видеть и нравственного препятствия; напротив того, между лицами чуждыми по крови, но близкими по родственным отношениям, гораздо более может быть гармонии и согласия, вследствие достаточного изучения друг друга и более искренних и естественных отношений друг к другу до брака. Оттого в жизни мы так часто видим сердечную привязанность к кумам и т. п. родственникам, привязанность, которая в большинстве случаев дала бы место счастливому

браку, а между тем, вследствие строгости гражданского закона, она большей частью оканчивается или личным несчастьем от невозможности удовлетворить своему выбору, или скрытыми преступными отношениями.

Поэтому свободные действия каждого лица, основанные на свободном убеждении, были бы лучшей нормой для счастливых браков такого рода. Вместе с тем при такой уступке уравнились бы права относительно брака для православных, лютеран и католиков, чего желать, кажется, совершенно естественно, потому что гражданские законы для всех граждан должны быть одинаковы. По этому самому нам кажется, что и закон о браке для лютеран и католиков мог бы быть в известной степени ограничен. По крайней мере, мы имеем полное основание желать, чтоб и у них брак между кровными родственниками был запрещаем, потому что это ведет к вредным последствиям, для предотвращения которых общество имеет полное право установить известные нормы.

В этом случае нам могут возразить, что если вредные последствия кровного брака следует отстранять путем положительного закона, запрещающего такой брак, то с таким же основанием законодательство могло бы вмешаться и в другие гигиенические законы бракосочетания. Так, мы знаем, напр., что многие наследственные болезни (чахотка, падающая болезнь, наследственное помешательство и пр.) передаются от родителей к детям, следовательно, законодательство могло бы и здесь принять известные меры против ослабления и вырождения породы этим путем; но такое вмешательство закона в частные вопросы было бы весьма затруднительно и едва ли исполнимо. Действительно, относительно наследственных болезней трудно установить точные пределы и определенные уложения: в каком случае болезненная наследственность мешает бракосочетанию и в каком нет? Поэтому, несмотря на предложение многих авторов установить в этом отношении какие-либо законные правила, они остались неосуществимыми. Но из этого нельзя еще выводить такого заключения, чтобы законодательная власть не могла стеснять и родственного брака. Родственные отношения же-

них и невесты можно определить до брака, так же точно, как и возраст брачующихся, поэтому относительно этих двух вопросов могут быть составлены и определенные правила, которые не должны казаться стеснением личной свободы (18). Что же касается до вопросов о здоровье и наследственном расположении, вопросов большей частью такого рода, на которые в данное время трудно бывает дать юридический положительный ответ, то законодательство пока не может вмешиваться в них без того, чтобы не высказать обременительных стеснений относительно свободного выбора для брака семейств и личностей. Поэтому в настоящее время достаточно было бы и того, если бы в таких сомнительных вопросах спрашивали мнения врача, которое, нисколько не стесняя личной свободы, может принести большую пользу, чем положительный закон.

Наконец, мы должны упомянуть еще о законе относительно брака лиц христианских вероисповеданий с евреями и магометанами (том X, кн. 1, стр. 85—89). Запрещение, высказанное насчет этого в законе для всех христианских исповеданий, за исключением лютеранско-евангелического, кажется нам слишком строгим. Выше мы уже показали, что ничто так не сближает народы, как брачные связи, ничто не действует на улучшение рода так ощутительно, как разнородные помеси. Поэтому нам кажется, что свобода вступления в брак с магометанами, евреями и язычниками могла бы принести существенную пользу.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА.

1. К странице 7-й.

Автор неоднократно называет свою работу „журнальной статьей“. Это позволяет думать, что первоначально она предназначалась для помещения в одном из толстых журналов того времени. В словаре Б р о к га у за относительно нее значится—„Дело“. 1866 г. Однако, мои поиски во всех книжках журнала „Дело“, за указанный год, не увенчались успехом. Возможно, что статья эта, вместо того, чтобы быть помещенной в „Деле“, была выпущена этим журналом в виде отдельного издания. Утверждать это, впрочем, нельзя, так как ни издательство, ни типография почему-то на книге не указаны.

2. К странице 9-й.

Автор оперирует с весьма скудным палеоантропологическим материалом, который в то время имелся в его распоряжении. Однако, дальнейший прогресс палеонтологических знаний, как известно, не только не опроверг основных предпосылок автора, а, наоборот, дал множество новых доказательств того, что все растительные и животные формы, населяющие землю, в том числе и человек, изменяются во времени. Очень полная сводка позднейших находок костей и остатков культуры ископаемого человека содержится в недавно переведенной на русский язык книге Г. Осборна: „Человек древнего каменного века“, перев. с английского под редакцией и с предисловием антрополога Академии Наук Б. Н. Вишневецкого, с приложением статьи „Доисторический человек в России“. Книгоизд. „Путь к знанию“. Ленинград. 1924.

3. К странице 9-й.

С биологической точки зрения совершенство организма заключается, помимо большей или меньшей сложности его строения, главным образом в его приспособленности к окружающим условиям существования. Чем меньше противоречий между организмом данного животного и окружающей его средой, тем совершеннее, жизнеспособнее и само животное. С этой точки зрения, очень многие свойства, характерные для современного культурного человека, представляют лишь относительную ценность, так как в тех условиях жизни, которые окружали человека во время ледникового периода, они оказались бы не только ненужными, но даже вредными. Поэтому вряд ли можно согласиться с автором, когда он рассматривает ископаемого человека, как

существо физически менее совершенное, чем представители современного культурного человечества.

4. К странице 56-й.

В качестве примера той разнородности русского типа, на которую указывает автор, можно привести следующее наблюдение И. С. Тургенева, как оно изложено им в „Записках охотника“, в повести „Хорь и Калиныч“: „Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик не велик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках. ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах“. Вся повесть в целом посвящена, как известно, характеристике двух крестьян, чрезвычайно своеобразных и непохожих друг на друга.

Что касается современной науки, то более всех потрудился по выделению основных типов среди русского крестьянского населения выдающийся русский антрополог Е. М. Чепурковский. До настоящего времени им выделены по головному указателю и цветности следующие главные типы русских крестьян:

1. Восточный великоросс, длинноголовый (гол. указ. 79) и темный, обитающий в 16 соседних уездах Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний.

2. Великоросс водоразделов (междуречий), гораздо более широкоголовый (83) и более светлый. Он обитает в районах: валдайском, костромском, владими́ро-суздальском и пермском.

3. Белорусс минских полесий—наиболее широкоголовый (84) и наиболее светлый.

4. Малоросс, широкоголовый брюнет.

5. В Могилевской губернии и по течениям Немана и Западной Двины обнаружены следы скандинавского (тевтонского) типа—светлого и довольно длинноголового.

5. К странице 28-й.

Автор рассматривает войсковые постои исключительно как положительный евгенический фактор. Необходимо однако считаться и с отрицательными сторонами этого фактора, как, например, с возможностью переноса и распространения таким путем венерических болезней.

6. К странице 45-й.

В настоящее время можно считать более или менее выясненным, что у млекопитающих пол зародыша определяется двумя сортами сперматозоидов. В то время как все женские половые клетки (яйца) содержат по одной X-хромозоме, сперматозоиды бывают двух родов: одни—с X-хромозомой, другие—без нее. В том случае, когда яйцо оплодотво-

ряется сперматозоидом, содержащим X-хромосому, происходит зачатие девочки, если же в яйцо проникает сперматозоид, лишенный этой хромосомы, происходит зачатие мальчика. Однако, такой механизм определения пола не исключает возможности влияния возрастных и различных других воздействий на процент зачатия детей того или иного пола. Так, например, замечено, что при алкоголизации самцов мышей от них рождается больше детенышей мужского пола, что, может быть, вызывается преимущественной гибелью, или ослаблением от алкоголизации сперматозоидов, определяющих женский пол, то-есть содержащих в себе X-хромосому. Точно так же не исключена возможность существования известной корреляции между полом детей и возрастными отношениями родителей, хотя в этой последней области ничего вполне определенного пока не установлено. Одной из самых последних работ по данному вопросу является исследование д-ра Фетчера, опубликованное в 1924 г. в „Archiv für Rassen und Gesell. Biologie“, Band 15, N. 3, в котором автор приходит к тому выводу, что с повышением возраста матери повышается также и процент рождающихся мальчиков. Как видим, данные д-ра Фетчера далеко не соответствуют „гофакер-задлеровскому закону“.

7. К странице 50-й.

Возможность такого происхождения инстинктов может быть доказана лишь экспериментальным путем. Между тем, вплоть до настоящего времени мы еще не располагаем подобного рода доказательствами. Правда, в конце 1923 г., акад. И. П. Павлов поместил в «Science» краткое предварительное сообщение об экспериментах, производящихся в его лаборатории, которые хотя еще не закончены, но уже говорят за то, что условные рефлексy, т.-е. высшая нервная деятельность, могут передаваться по наследству. Однако, это его сообщение вызвало в последнее время ряд возражений со стороны генетиков (Морган, Кольцов) и пока не подтвердилось работами других исследователей в той же области (Викари, Мэк-Доуэлль и Хальзей Багг,—см. «Science» от 28 марта 1924 г., а также «Arch. Psychol». 1920, № 23).

8. К странице 72-й.

Первопричина подобного изменения вкусов лежит, разумеется, в эволюции материальных условий существования данной общественной группы. Точно так же и отмечаемое автором разнообразие и резкое несходство представлений о красоте есть лишь одно из проявлений несходства все тех же материальных условий существования различных общественных классов и групп.

9. К странице 73-й.

Указание автора на извращение вкуса представителей привилегированных групп населения сохраняет в полной мере свое значение и до настоящего времени. Достаточно взглянуть на женские и мужские фигуры, изображаемые „по парижским образцам“ в современных

модных журналах, чтобы убедиться в этом. Для образца я прилагаю одну такую фигуру из „Вестника Моды“ (1922 г. № 5), на которой можно видеть все характерные элементы этого извращенного вкуса, как-то: узость таза и плеч, недоразвитие грудных желез, негодное к работе строение кисти руки и т. п. Ясно, что подобного рода женщина неспособна ни к трудовым процессам, ни, тем более, к рождению и выкармливанию ребенка. Таким образом, вся фигура ее как бы символизирует отказ от трудовой деятельности и деторождения.

Первопричину такого извращения вкусов приходится искать в социально-экономических условиях жизни представителей данной общественной группы.

Женская фигура из современного модного журнала. Бросается в глаза узость таза и плеч, недоразвитие грудных желез и непригодное к труду сложение кисти.

10. К странице 74-й.

Бросается в глаза, насколько шире подходит автор к проблеме улучшения человеческого рода по сравнению с современными евгенистами. Так, например, по мнению типичного представителя современной евгеники, проф. Н. К. Кольцова: „Лучший и единственно достигающий цели метод расовой евгеники—это улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одаренных выдающимися физическими или нравственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия,

при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью, и притом непременно преимущественно в сравнении с людьми, не выходящими за среднюю норму" („Русск. Евг. Журн.“, т. I, вып. I, стр. 20). Совершенно таким же образом смотрят на данный вопрос и прочие последователи Ф. Гальтона (Г. Сименс, А. Ничефоро и др.). Все они единственным методом облагорожения человеческой породы считают кастовое разделение всего человечества на людей талантливых и на представителей посредственности, при чем функция деторождения по возможности, если не исключительно, должна стать привилегией первых.

11. К странице 79-й.

Данные, которыми располагает современная антропология, показывают, что воздействия среды на организм могут быть в известных случаях более глубокими, чем то представлялось автору. В частности они могут отражаться и на костной системе. Так, например, антропометрические данные, собранные в Северо-Американских Соединенных Штатах особой „Переселенческой Комиссией“, показали, что у эмигрантов, переселяющихся в Соединенные Штаты из различных стран Европы, головной указатель претерпевает заметные изменения. Именно, длинноголовые расовые группы (например, сицилианцы) приобретают после переселения в Америку более широкую форму черепа. С другой стороны, брахицефальные расовые группы (напр., евреи Восточной Европы) приобретают после переселения в Америку более длинную форму черепа. Те и другие в общем приближаются со временем к той мезоцефальной форме черепа, которая характерна для основной массы населения Соединенных Штатов. Интересно, что эти изменения сказываются не только на потомстве эмигрантов, но до некоторой степени уже и на том поколении, которое совершило переезд через океан.

12. К странице 81-й.

Автор говорит о перемене во внешности человека, перешедшего из класса эксплуатируемых в класс эксплуататоров. Но этим дело не ограничивается. Как известно, после такого перехода обычно изменяется не только внешность, но и все мировоззрение человека. В данном случае, хорошим примером может, повидимому, служить сам В. М. Флоринский. Один сибиряк, лично знавший автора, недавно сообщил мне, что после того, как В. М. достиг, на склоне лет, высокой должности попечителя западно-сибирского учебного округа, то проявил себя на ней типичным представителем той общественной группы, в которую он проник. Подобного рода перемены не представляют из себя ничего удивительного и лишь служат иллюстрацией того факта, что бытие человека определяет собой и его сознание. В частности, в академической среде бывали случаи, когда, напр., приват-доцент, некогда прославившийся борьбой с генеральством своих начальников по

кафедре, впоследствии, достигнув профессорского звания, в свою очередь превращался в типичного генерала.

13. К странице 99-й.

В настоящее время мысль автора о том, что наследственно отягощенные лица „должны бы были отказаться от удовольствий брачной жизни“, является в значительной степени устаревшей, хотя в свое время она, несомненно, была вполне здоровой и разумной. Устарелость данного предложения автора обуславливается тем, что современная наука располагает гораздо более совершенным способом борьбы с наследственными болезнями, чем весьма малонадежная система воздержания дегенератов от вступления в брак и от половых сношений. Этот новый метод носит название половой или евгенической стерилизации и состоит в том, что наследственно отягощенные элементы могут подвергаться искусственному лишению способности производить потомство. Как показали наблюдения над многими тысячами стерилизованных (наблюдения эти производились в Соединенных Штатах Сев. Америки), современные способы стерилизации, в роде „вазектомии“, в отличие от предлагавшегося ранее кастрирования, не только не влекут за собой вредных последствий, а, наоборот, сопровождаются тем же укрепляющим действием на организм, что и шейнаховская операция омоложения.

Таким образом, современная наука может предоставить наследственно отягощенному возможность выбора между полным отказом от брачной жизни и вступлением в брак после предварительной половой стерилизации. По существу вторая мера является гораздо менее обременительной, так как ее действие в высшей степени специфично и распространяется лишь на одну производительную функцию, в то время как отказ от брачной жизни в большинстве случаев должен явиться чрезвычайно сложным, длительным и трудно выполнимым бременем.

Более подробно о половой стерилизации см. монографию Lauglin'a „Eugenical sterilization“. Chicago, 1922, а в русской литературе — мою брошюру „Поднятие жизненных сил расы (один из новых путей)“. Москва. 1925. Изд. 2-е.

14. К странице 106-й.

В отличие от Флоринского, современные евгеники всю свою систему улучшения человеческого рода строят, вслед за Гальтоном, на возведении кастовых перегородок между „talантами“ и посредственностью. Прочность этих перегородок, по их мнению, должна быть „освящена соответствующей евгенической религией“.

15. К странице 116-й.

Благодаря компетентному содействию проф. Г. Г. Шпета, мне удалось найти в сочинениях Аристотеля, если, быть может, не то самое место, которое имеет в виду автор, то во всяком случае весьма к нему приближающееся по содержанию. Именно, в XV-й главе второй книги „Риторики“, Аристотель утверждает, что нужно

различать два вида благородства—„благородство по происхождению“, заключающееся в знатности предков, и „благородство по характеру“, выражающееся в личных свойствах данного человека. По мнению Аристотеля, эти два вида благородства по большей части совершенно не совпадают друг с другом, так как люди благородного происхождения обычно оказываются в жизни в достаточной степени ничтожными. В качестве подобного рода примеров Аристотель ссылается на глупость, вялость и ничтожество потомков таких выдающихся людей, как Алкивиад, Дионисий Старший, Кимон, Перикл и Сократ. Эти ссылки Аристотеля находят себе подтверждение и у некоторых других авторов того времени. Так, Плутарх, в жизнеописании Катона Старшего, приводит пренебрежительный отзыв Катона о детях Сократа. Точно так же у Платона, в его „Алкивиаде“, есть довольно презрительный отзыв о сыновьях Перикла, Парале и Ксанфиппе.

16. К странице 126-й.

Перечисленные автором болезни, учащающиеся в связи с кровными браками, к которым можно еще прибавить альбинизм и пигментированную сетчатую оболочку (retinitis pigmentosa), о которых автор говорит ниже, все обуславливаются, как теперь признано, рецессивными наследственными задатками. С менделевской точки зрения, учащение их в связи с кровными браками представляется вполне понятным и объясняется тем, что они, как и все рецессивные признаки, могут проявляться внешне (в виде болезни) лишь в том случае, когда данный организм получил наследственные задатки рецессивной болезни со стороны обоих родителей, а такой случай гораздо чаще может представиться при браках между кровными родственниками.

17. К странице 148-й.

В случае рецессивной болезни такая наследственная передача вполне возможна и совершенно не противоречит современным представлениям о наследственности. Дело в том, что дети наследуют от своих родителей не их индивидуальные внешние признаки, а те гены (наследственные задатки), которые переносятся из родительского организма половыми клетками—яйцами или сперматозоидами, при чем эти гены могут иногда вовсе не соответствовать внешним признакам данного родителя. Так, например, здоровый отец может передать своему ребенку ген рецессивной болезни (альбинизм, эпилепсия и др.), если он сам получил этот ген от одного из своих родителей. Ген болезни находился в нем, таким образом, в скрытом состоянии. Если мать данного ребенка также является скрытой носительницей той же самой болезни, то ребенок может получить болезненные задатки как со стороны отца, так и со стороны матери. В таком случае болезнь проявится внешне, и мы получим как раз ту комбинацию, которая приводила в недоумение Бюдена и других наблюдателей,—от двух здоровых родителей рождаются дети, отягощенные наследственным недугом.

Диалектическое изложение автором истории данного вопроса представляет интерес в том отношении, что наглядно показывает, какое практическое значение может иметь менделизм для разрешения некоторых вопросов наследственности.

18. К странице 154-й.

Едва ли можно согласиться с точкой зрения автора. Никакими „определенными правилами“, основанными исключительно лишь на подсчете степени родства, нельзя научно разрешить проблему регулирования кровосмесительного деторождения. Практически, в жизни, каждая отдельная семья, каждый конкретный случай, требует к себе совершенно особого подхода. Чем более отягощена данная семья наследственными болезнями, тем большую опасность может представить кровосмесительное деторождение, при чем особую осторожность необходимо соблюдать при отягощенности рецессивными наследственными болезнями. С другой стороны, совсем иной подход должен быть в том случае, если в данной семье никаких показаний на наследственную отягощенность не имеется. Если отбросить религиозную сторону вопроса, то, в последнем случае, всякое запрещение кровосмесительного деторождения не может считаться научно обоснованным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	V
Предисловие	3
Глава первая. Изменяемость человеческого типа	8
Глава вторая. Значение наследственности в изменяемости человеческого типа	31
Глава третья. Условия, содействующие изме- нению человеческой породы	64
1. Вкус и запрос на известные качества . .	69
2. Влияние внешних жизненных условий . .	77
3. Рациональное бракосочетание	84
Глава четвертая. Вырождение человеческих пород и условия, его вызывающие (рабство, бедность, эксплуатация, недостаток обновления породы, крово- смешение и пр.)	100
Примечания редактора	155

5/08

Цена 1р. 75 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ВОЛОГДА: Книжный магазин Акц. О-ва „СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК“.

МОСКВА: Книжный магазин „МЯК“ (Петровка, 7).
Государственный Тимирязевский Институт
(Пятницкая, 48).

1 АПР.